

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК финно-угорских исследований

Вып. 3

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Vol. 3

Ижевск

2014

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркусский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Е. В. Попова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)

Editorial council:

V. Ye. Vladykin (Izhevsk, Udmurt State University)
D. V. Gerasimova (Khanty-Mansiysk, Yugorsk State University)
I. L. Zherebtsov (Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of Komi scientific center of UB of RAS)
A. Ye. Zagrebin (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS) – chairman of the board
N. G. Zajitseva (Petrozavodsk, Institute of Language, Literature and History of KarRC RAS)
A. S. Kazimov (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)
A. Kerezhi (Budapest, Ethnographic Museum)
V. M. Ludykova (Syktyvkar, Syktyvkar State University)
I. V. Menshikov (Izhevsk, Udmurt State University)
Yu. A. Mishanin (Saransk, Mordovian State University named after N. P. Ogarev)
S. Saarinen (Finland, Turku University)
S. Tot (Estonia, Tartu University)
E. P. Shemetova (Moscow, Moscow State University of Printing Arts)
E. Tuluz (France, Institute of oriental cultures and civilizations)
V. A. Yurchenkov (Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of Republic of Mordovia)

Editorial board:

V. M. Vanyushev (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
T. G. Vladykina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. N. Denisov (St. Petersburg–Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
M. G. Ivanova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
A. S. Izmajlova (Izhevsk, Udmurt State University)
A. V. Ishmuratov (Izhevsk, Udmurt State University) – deputy editor
R. V. Kirillova (Izhevsk, Udmurt State University)
N. I. Leonov (Izhevsk, Udmurt State University)
R. Sh. Nasibullin (Izhevsk, Udmurt State University)
G. A. Nikitina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
E. V. Popova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. G. Semenov (Izhevsk, Udmurt State University)
I. V. Tarakanov (Izhevsk, Udmurt State University)
N. A. Fedoseeva (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук,
профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 3 / Науч. ред.
А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред.
Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 168 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

Подписку на журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» можно оформить в любом отделении Почты России. Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

© Удмуртский государственный университет, 2014

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	9
<i>Некрасова Г. А.</i> Роль первых переводов Библии в развитии и сохранении коми языка (к 630-летию образования Пермской епархии)	9
<i>Душенкова Т. Р.</i> Куата пуйы – вог пуйы, или отношение к обиде в удмуртском языковом сознании	15
<i>Арзамазова О. А.</i> Названия зверобоя продырявленного (<i>Hypericum perforatum</i>) в удмуртских диалектах	25
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	35
<i>Рогачев В. И.</i> Мифологические представления мокши и эрзи (по фольклорно-этнографическим материалам М. Е. Евсевьева)	35
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	41
<i>Серова М. В.</i> Специфика художественного мышления Людмилы Кутяновой	41
<i>Шибанов В. Л.</i> Особенности постмодернистской иронии в романах Сергея Матвеева	53
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	59
<i>Загребин А. Е., Куликов К. И.</i> Этнографический поворот в «проблемных полях» истории Удмуртии (1920-е – начало 1930-х гг.)	59
<i>Иванова М. Г., Журбин И. В.</i> Кушманское городище Учкакар в бассейне р. Чепцы: основные итоги археолого-геофизических исследований 2011–2013 гг.	71
<i>Широбоков И. Г.</i> К антропологии пермских народов XVII–XIX вв. (краниологические данные)	80
<i>Лигенко Н. П.</i> Частновладельческая промышленность села Ижева во второй половине XIX – начале XX века	99
<i>Воронцов В. С., Черниенко Д. А.</i> Научно-образовательные ресурсы и опыт изучения межэтнических и межконфессиональных отношений в Удмуртии	116

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	130
<i>Зверева Т. В.</i> Заклинание пустоты (еще раз о театре Ольги Александровой)	130
ЮБИЛЕИ	134
<i>Никонова Е. П.</i> Юбилей этнографа (к 75-летию Л. С. Христоролюбовой)	134
ДИСКУССИИ	138
<i>Сурво А. А., Шарапов В. Э.</i> «Забытые» тексты, полевые практики и финно-угорская этнография	138
ОТЗЫВЫ	149
<i>Ванюшев В. М.</i> О диссертации А. В. Малевой «Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа»	149
<i>Суслов М. Г.</i> О диссертации Н. С. Копиновой «Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.: формирование и деятельность»	154
РЕЦЕНЗИИ	159
<i>Семёнов Ю. В.</i> Об энциклопедии «Удмуртская Республика: Культура и искусство»	159
<i>Кудрявцев В. Г.</i> Рец. на книгу: Сойни Е. Г. Финляндия в русском искусстве. 1890–2010. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 170 с.	162

CONTENTS

L I N G U I S T I C S	9
<i>Nekrasova G. A.</i> Role of the First Bible Translations in Development and Preservation of the Komi Language (to the 630 Anniversary of Formation of the Perm Diocese)	9
<i>Dushenkova T. R.</i> Kuata Puji – Vog Puji, or the Attitude to Insult in the Udmurt Language Consciousness	15
<i>Arzamazova O. A.</i> The Names of <i>Hypericum Perforatum</i> in the Udmurt Dialects.....	25
F O L K L O R I S T I C S	35
<i>Rogachev V. I.</i> Mythological Concepts of the Moksha and Erzya (on Folklore and Ethnographic Materials of M. E. Yevseyev)	35
S T U D Y O F L I T E R A T U R E	41
<i>Serova M. V.</i> Specifics of Artistic Thinking of Lyudmila Kutyanova	41
<i>Shibanov V. L.</i> The Specificity of Post-modern Irony in Sergey Matveev's Novels.....	53
H I S T O R Y, A R C H A E O L O G Y, E T H N O G R A P H Y	59
<i>Zagrebin A. E., Kulikov K. I.</i> Ethnographical Turn in the 'Problem Fields' of the History of Udmurtia ('1920-s – beginning 1930-s)	59
<i>Ivanova M. G., Zhurbin I. V.</i> Ancient Settlement Uchkakar (Kushmansky) of a Cheptsa River Basin: Main Results of Archaeological and Geophysical Research in 2011–2013 Years	71
<i>Shirobokov I. G.</i> To Anthropology of Perm Peoples of the XVII–XIXth Centuries (Craniological Data)	80
<i>Ligenko N. P.</i> Private Industry of the Village of Izhevo in the Second Half of the XIX – the Beginning XX Century	99
<i>Vorontsov V. S., Chernienko D. A.</i> Scientific and Educational Resources and Experience of the Study of Interethnic and Interfaith Relations in Udmurtia	116
C U L T U R E, A R T	130
<i>Zvereva T. V.</i> The Spell of Emptiness (Again About the Theatre of Olga Aleksandrova)	130

ANNIVERSARIES	134
<i>Nikonova E. P.</i> Anniversary of the Ethnographer (to the 75th Anniversary of L. S. Khristolubova)	134
DISCUSSIONS	138
<i>Survo A. A., Sharapov V. E.</i> “Neglected” Texts and Field Practice of the Finno-Ugric Ethnography	138
RESPONSES	149
<i>Vanyushev V. M.</i> About Thesis of A. V. Maleva “Lyrical Heroine of Modern Komi Women’s Poetry: Features of the Poetics and Semantics of the Image”	149
<i>Suslov M. G.</i> About Thesis of N. S. Kopinova “Public Organizations of Udmurtia in the Second Half of the XIX – Early XX Century: the Formation and Activities”	154
REVIEWS	159
<i>Semenov Y. V.</i> About Encyclopedia “The Udmurt Republic: Culture and Art”	159
<i>Kudryavtsev V. G.</i> Book Review: Soini E. G. Finland in the Russian Art. 1890–2010. Petrozavodsk: Karelian Research Center of RAS, 2013. 170 p.	162

Г. А. Некрасова

**РОЛЬ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ
В РАЗВИТИИ И СОХРАНЕНИИ КОМИ ЯЗЫКА
(к 630-летию образования Пермской епархии)**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с определением места и роли первых библейских переводов в процессе становления и сохранения коми языка. Основное внимание уделено первым переводам, которые были сделаны Стефаном Пермским. Автор отмечает, что первые переводы положили начало изучению коми языка, формированию письменного литературного коми языка, распространению грамотности среди коми населения. Переводные богословские тексты – один из основных источников изучения истории коми языка.

Ключевые слова: коми язык, письменность, перевод, богословские тексты, история языка.

Одно из важнейших направлений государственной политики Республики Коми – создание правовых, экономических и социальных условий для сохранения и развития коми языка. В правовом отношении такая политика основывается на положениях Закона РФ «О языках народов РФ», согласно которому языки народов России являются культурным достоянием нашего государства, и Закона РК «О государственных языках Республики Коми», в первой редакции которого отмечалось, что «В Республике Коми, как единственной и исконной территории обитания и компактного проживания коми народа, коми язык является объектом особой заботы государства и находится под его защитой» [1]. В Республике разработан комплекс мер, направленных на поддержку коми языка и расширения сфер его функционирования.

Важная роль в процессе развития и сохранения коми языка принадлежит переводам Библии, причем наиболее значимы из них – первые переводы, сделанные во II пол. XIV в. епископом Стефаном Пермским, создателем древнекоми азбуки, ныне известной как *абур* или *анбур*. Сохранилась небольшая часть памятников, написанных древнекоми графикой и широко известных историкам языка и богословия. Это надписи на иконах «Троица» и «Сошествие св. духа», приписка В. Кылдасева в рукописном Номоканоне 1510 г., приписка на книге Григория Синаита, подпись епископа Филофея Пермского на грамоте 1474 г.,

списки азбук. В «Житии Стефана Пермского» Епифаний Премудрый повествует, что Стефан «грамоту новую составил, неизвестную ранее азбуку пермскую сочинил и теми письменными словами написал и передал им новые книги, кои пермяне дотле никогда не имели» [3. С. 93–94]. Такими книгами могли быть переводы отдельных книг Библии. Предполагается, что на коми язык были переведены только главнейшие песнопения, молитвы и некоторые фрагменты из Ветхого и Нового Завета [2. С. 50]. Оригиналы переводов до наших дней не сохранились. Некоторые их копии, переписанные кириллицей, обнаружены в разных списках и редакциях, в которые, скорее всего, были внесены исправления, соответствующие Никоновским реформам вт. пол. XVI века.

Текст можно выучить наизусть, но можно и записать. Решение сложной проблемы (донести Слово Божье до коренных жителей Коми края) предполагало обучение населения письменному коми языку. Епифаний Премудрый писал, что Стефан «...просвещая пермян истинным благоразумием, не только просветил их крещением святым, но и грамотой их снабдил, и разум книжный им даровал, и письму их обучил» [3. С. 93–94]. Высказывали предположение (М. Жирай, А. Хямялайнен, Н. Гаврилов), что Стефан Пермский был создателем первого букваря (учебника) для коми (см. обзор в [4. С. 17]). К. Редеев отмечал, что для средних веков характерно создание букварей и учебников только на священных (иврите, греческом, латинском) языках. В основу предположения, по его мнению, могло лечь именование алфавита азбукой. В этой связи отметим, что слово *азбука* означает не только букварь, книгу для изучения алфавита и основ письменной речи, но и алфавит, то есть совокупность букв, используемых в письменности того или иного языка и расположенных в установленном порядке.

Между тем в «Азбуке пермской», датированной 1510 г. (наиболее полной, в отличие от других списков азбук), кроме букв, даны и слоги, состоящие из двух букв, причем второй в каждом случае является *а*: *ба, га, да, жа* и т. д. Обучение грамоте предполагает обучение чтению и письму. Обучение письму предполагает овладение графикой и орфографией, обучение чтению – способность воспринимать, понимать записанную информацию. Достоверных сведений, позволяющих рассматривать Стефана Пермского как создателя первого коми букваря, у нас нет, но нельзя отрицать тот факт, что с разработкой алфавита он разработал также орфографические правила написания слов. Создавая письменность, Стефан не только решал практические вопросы, связанные с коми языком и распространением христианства, но и проявил филологический подход к языку. Ведь для создания алфавита и перевода Библии на коми язык необходимо было изучить этот язык; выявить его фонетико-грамматические особенности; определить фонемный состав языка; для каждой фонемы создать собственный графический знак. А это задачи научные. Поэтому с первыми переводами связано и начало изучения коми языка. Древнекоми азбука (исходя из полного ее списка) состояла из 28 букв (первоначально из – 24). Между тем фонетическая система древнекоми языка включала 35 фонем: 9 гласных: *а, э, ё, и, о, ѓ, у, ы* – и 26 согласных: *б, в, г, д, д', ж, з, з', дз, дж, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', тиш, ч, ш* [2. С. 22–26; 88; 95]. Большинство фонем имели свои графические знаки, даже аффрикаты, которые в современном коми языке обозначаются сочетанием букв

(дз, дж, тш). Исключение составили буквы, которые обозначали две фонемы современного коми языка. Единое графическое обозначение имели фонемы *ö* и *o* (омега), различающиеся сегодня по ряду их образования и огубленности; фонемы *в* и *у* (вер); а также фонемы *и* и *й*. Палатальность согласных обозначалась диакритическим знаком над соответствующим твердым согласным, палатальный звук *с'* изображался одинаково со звуком *ш*.

Согласно последним исследованиям, азбука, составленная Стефаном Пермским, была одновременно буквенной и цифровой, предположительно построенная в соответствии с нумерационным принципом: буквы одновременно выполняли функцию «буквенных цифр». Над буквой, обозначающей цифру, ставился специальный значок (*титло*). Числовые значения букв возрастали в том же порядке, в каком следовали буквы. «Первая девятка букв-цифр выражала единицы, вторая девятка – десятки, третья – сотни; всего получалось 27 букв-цифр, которыми можно было передавать числа в пределах 1–999. Последний, 28-й знак в «Азбуке пермской» представлял собой 27-й знак (Л=900), дополненный тысячным “хвостиком”. 28-й знак указывал предел (миллион без единицы), до которого можно было доводить запись чисел в этой системе, точнее – от 1 до 999999» [5].

В этой связи отметим, что алфавитной нумерацией пользовались южные и восточные славянские народы. Существует несколько предположений об основе древнекоми алфавита. Так, Епифаний Премудрый писал: «одни буквы по образцу греческих письмен, другие же – по речи пермского языка» [3. С. 94]. Идея создания азбуки на основе нескольких буквенных систем: греческого алфавита, кириллицы, древнекоми пасов, древнетюркской руники – впоследствии была развита в ряде работ – последующих исследователей [2; 6; 7; 8; 9; 10]. Само создание алфавита и переводов означало возникновение коми письменности, что положило начало формированию традиций коми письменной культуры.

Важна роль первых переводов богослужебных текстов в создании литературного коми языка; появление стефановского письма – по сути начало его становления. Литературный древний коми язык обслуживал церковное богослужение, образование и письменную коммуникацию. В основе его лежал нижневычегодский диалект. Существует мнение, что письменность, созданная на основе одного из диалектов, была понятна только носителям этого диалекта, а для других переведенные тексты были малопонятными, что якобы могло стать одной из причин недолгого существования древнекоми письменности [11. С. 211]. В этой связи отметим, что литературный язык обычно создается на основе одной из его территориальных разновидностей. Так, в основу современного коми литературного языка лег присыктывкарский диалект, нормы которого были выработаны на Усть-Вымском совещании учителей в 1918 году. Кроме того, для коми-зырянских диалектов того периода были характерны в большей степени общекоми фонетические и лексико-грамматические явления и процессы. При сравнении языка письменных памятников с современным нижневычегодским диалектом обнаруживаются значительные фонетико-грамматические расхождения (наличие/отсутствие закрытых гласных, употребление *л/в* в ин- и ауслауте лексем и др.). Непонятность переведенных текстов объясняется лексическими неологизмами и синтаксическими особенностями, возникшими под старославянским влиянием.

Таким образом, переводы Библии на коми язык решали и богословские проблемы; и проблемы, связанные с распространением коми письменного языка; и с его изучением; и с началом формирования литературного коми языка; и с проблемой распространения грамотности среди коми населения.

Первые и последующие переводы книг Библии легли в основу исследований коми языка. Несмотря на преобладание принципа буквальности (калькировалась лексика, заимствовались падежное управление, порядок слов в предложении), каждый из этих переводов значим как памятник письменности коми языка, дающий ценную информацию для изучения различных аспектов формирования и развития его системы. Отметим, что одним из источников языкового материала первых грамматик (А. М. Шёгрена, М. А. Кастрена, Ф. И. Видемана, П. И. Савваитова) и словарей (П. И. Савваитова, Н. Попова) коми языка явились переводные богословские тексты, выполненные А. В. Шергиным [12] и Г. С. Лыткиным [13; 14; 15].

Несмотря на немногочисленность и незначительность объема переводной богослужбной литературы XIV–XVIII вв., она служит одним из основных источников исторического коми языкознания. Анализ сохранившихся древнекоми текстов с учетом данных диалектов и родственных языков позволил реконструировать не только фонетические, грамматические и лексические особенности коми языка XIV–XV вв., но и некоторые особенности пракоми и прапермского языков [2; 16; 17]. Ценный источник для исторического коми языкознания – датированные письменные памятники, благодаря которым установлена хронология фонетических процессов и можно проследить изменения структуры и семантики грамматических форм.

Работа по переводу Библии на коми язык продолжается: переведены и изданы Новый Завет, Детская Библия, Псалтырь; готовятся переводы книг Ветхого Завета. Это, бесспорно, сложный, трудоемкий и очень ответственный труд, требующий проникновения в сакральный текст и максимальной точности содержания. Качество перевода определяется тем, что он воспринимается носителем языка как оригинальный текст, соответствующий грамматическим, синтаксическим и идиоматическим нормам языка перевода. Поэтому одним из наиболее дискутируемых остается вопрос о соотношении заимствований, калькирования и смыслового перевода. Современные переводчики богословских текстов на коми язык стараются избегать прямых заимствований из русского языка, активизируя архаические, вышедшие из активного употребления конструкции и слова и вместе с тем создавая новые слова и словосочетания. Такая тенденция направлена на сохранение и развитие внутренних ресурсов коми языка, прежде всего – его словарного состава. Подчеркнем роль переводов в разработке и унификации орфографии и пунктуации. Несмотря на то, что канонические правила правописания даны в орфографических словарях (последнее издание вышло в свет в 2008 г. [18]), переводчики и редакторы постоянно сталкиваются с необходимостью корректировки орфографии (это касается преимущественно проблем слитного и раздельного написания слов, унификации вариативности лексических и грамматических единиц).

Каждый перевод книг Библии вносит свой вклад и в углубление ее понимания, и вместе с тем в процветание национальной культуры, в сохранение родного языка и повышение его статуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Закон РК «О государственных языках Республики Коми» // <http://www.law.rkomi.ru/files/11/4149.pdf>
2. *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.
3. *Епифаний Премудрый.* Житие Стефана Пермского / Перевод с древнерусского Г. И. Тираспольского. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 176 с.
4. *Редеев К.* Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского. Сыктывкар, 1996. 60 с.
5. *Морозов Б. Н., Симонов Р. А.* Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21.
6. *Морозов Б. Н., Симонов Р. А.* К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского (около 1340 в 1396) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 5–16.
7. *Понарядов В. В.* О возможной связи стефановской письменности с древнетюркской руникой // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (материалы конференции). Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 238–242.
8. *Савваитов П.* О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М.: Синод. тип., 1873. 16 с.
9. *Туркин А. И.* Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми... С. 278–283.
10. *Stipa G. I.* Der Ursprung der permischen Schrift // Congressus Internationalis Fenno-ugristarum. Budapest, 1963. S. 281–287.
11. *Власов А. Н.* Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси / А. В. Флоровский // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. СПб., 1997. Т. 50. С. 208–214.
12. Мїжанъ Господьлѡнь Исусъ Христослѡнь свѣтѡй Євангелїе Матѣйсянь. Донвылѡ Россїйскѡй Библейскѡй Обществоуєсь. Санктпетербургъ: Типографїяынъ Ник. Гречьлѡнь, 1823. 92 лб.
13. Мїжан Господ'лѡн Јісус Крістослѡн Вежа Бурјуѡр Матвејс'ан'. Коми кыл вылѡ выл'ыс' пуктыс *Г. С. Лыткин.* Пітір: Академіја науклѡн Кіс'тѡма гіжтанпас ѡктан інын, 1882. 73 лб.
14. *Лыткин Г. С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка. Санкт-Петербург: Изд-во импер. акад. наук, 1889. 232 с.
15. Вежа миян айлѡн Зарнивома Иоанлѡн Енлы кесъялѡм. Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго (на церковнославянском и коми языках) / Перевод на коми язык *Г. С. Лыткина.* Сыктывкар: Изд-во «Кола», 1996. 159 лб.
16. *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение, фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.
17. *Некрасова Г. А.* Коми кывлѡн историческѡй фонетика. Сыктывкар, 2000. 170 с.
18. *Карманова А. Н., Коснырева Р. И., Кренделева Т. В.* Коми орфография кывкуд. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2008. 352 с.

Поступила в редакцию 12.02.2014

G. A. Nekrasova

**Role of the First Bible Translations in Development and Preservation
of the Komi Language (to the 630 Anniversary of Formation of the Perm Diocese)**

The problems connected with definition of a place and role of the first Bible translations in the course of formation and preservation of the Komi language are considered. The basic attention is given to the first translations which have been made by Stefan of Perm. The author notices that the first translations have initiated studying the Komi language, formation of written literary Komi language, distribution of literacy among the Komi population. Translated theological texts are one of the basic sources of studying the history of the Komi language.

Keywords: the Komi language, written language, translation, theological texts, language history.

Некрасова Галина Александровна,

кандидат филологических наук,

ведущий научный сотрудник, доцент,

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: komilang@gmail.com

Nekrasova Galina Aleksandrovna,

Candidate of Sciences (Philology),

Leading Research Associate, Associate Professor,

The Institute of Language, Literature and History

of the Komi Research Centre

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26

E-mail: komilang@gmail.com

Т. Р. Душенкова

**КУАТА ПУЙЫ – ВОГ ПУЙЫ, или ОТНОШЕНИЕ
К ОБИДЕ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ**

В статье анализируется концепт *обида* в удмуртском языковом сознании. Взгляд на проблему дан с разных позиций: этнографической, психологической, медицинской, религиозной и лингвистической. На примере выражения *Куата пуйы – вог пуйы* раскрыты понятия *упрямство*, *обидчивость*. Кроме того, приводятся синонимические и словообразовательные ряды рассматриваемых слов. В сопоставительном когнитивном аспекте изложены основные различия фрагментов русской и удмуртской картины мира концепта *обида*.

Ключевые слова: обида, программа самоуничтожения, прощение, оскорбленность, психическая травма, упрямство, капризность, дразнилки, жалость и досада.

Представители контактирующих народов, как и сами удмурты, часто подчеркивают такое качество, присущее нации, как обидчивость: *Удмуртъёс туж вогесь, куатаськисесь* (Т. Г. Владыкина) ‘удмурты очень упрямые, обидчивые’. Хотя, как пишут исследователи, «внешне конфликтность удмуртов невысокая. Их трудно втянуть в него, так как они привыкли подавлять свои эмоции. Удмурты не будут доказывать свою правоту во что бы то ни стало. Их конфликт уходит “вовнутрь”, и хотя внешне они сохраняют спокойствие, в душе их кипит буря эмоций, негодований. Внутренне они стойко следуют тем принципам, которые считают верными, и всегда останутся при своем мнении. Подобная модель коммуникативного поведения во многом объясняется ментальностью удмуртов, схожей с детской психологией, что ярко отражается в чрезмерной обидчивости» [13. С. 16–17].

Для детей обида – естественное средство давления (и манипуляции) на близких людей. Взрослея, люди начинают понимать, что обида не цивилизованный способ решения разногласий. Зрелые, взрослые отношения предполагают открытое, прямое обращение к другому человеку и готовность принять любой вариант ответа.

С точки зрения психологии*, обида – это гнев, только глубоко подавленный [см.: 8]. С одной стороны, она как бы защищает нашу самооценку. С другой стороны, заставляет смотреть на мир в мрачных тонах, повышает раздражительность, мешает здраво мыслить, развивает ненависть и мстительность. Когда эти чувства уходят в подсознание, то становятся злопамятностью. В основе всех убийств и самоубийств всегда лежит обида [см. также: 3]**.

Обида – это программа самоуничтожения, информационный вирус. Она открывает каналы, по которым утекает жизненная энергия к обидчику; превращает человека в неудачника, выбрасывая его на свалку социума, – это разрушение, результатом которого являются недоумение, комплексы и страхи. Это сгусток негативной энергии, которая находится в теле. Ломаются вера и воля индивида. Медицинские исследования доказывают, что цирроз печени у абсолютного трезвенника возникает от многолетней обиды на родителей; чувство постоянной сильной обиды, гложущей изнутри, способно привести к такому заболеванию, как рак – когда уже в буквальном смысле тело поедается изнутри. Обида – это поедание самого себя; это боль, горечь, направленная внутрь человека. Человек, не умеющий прощать, разрушается изнутри.

Главное противоядие – прощение. В христианском понимании обида идет от врага человеческого (дьявола) и относится к грехам. В молитве «Отче наш»: *хлеб наш насущный дай на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*. Возможно, не случайно среди христианских праздников есть Прощёное воскресенье – (после Масленицы, перед Великим постом) когда «верующие должны просить прощение друг у друга. Этот обычай Церковь установила во исполнение заповеди Христовой» [12. С. 70].

* При помощи презрительного взгляда и ледяного молчания обиженный человек хочет наказать своего обидчика, но наказывает в первую очередь себя. Он портит настроение себе, снова и снова проигрывает в голове причинившую боль ситуацию, и переносит свое отношение к обидчику на окружающих людей.

Обиды умеют накапливаться как снежный ком. Исчезнув из оперативной памяти, она не исчезает из подсознания. Обиды в подсознании живут 7 лет. Как только набирается критическая масса, обычно происходит взрыв (скандал, депрессия, желание сделать что-то наперекор или уколоть).

** Этнограф В. Е. Владыкин приводит и такое понятие как «вотяцкая немота», «вотяцкое молчание». «Удмурты, оказавшись под давлением не зависящих от них обстоятельств и будучи в неблагоприятной для себя ситуации, которую они не смели, не умели и не в силах были изменить, начинали изменять себя, свои стереотипы поведения... Не в силах изменить – возразить – сказать, они замыкались в себе, уходили в “молчание”. Адаптируясь к внешней среде, мимикрируя, “тихо” соглашаясь, удмурты “громко” молчали, протестовали внутри. Несоответствие, несовпадение, противоречие между “внешними” возможностями и “внутренними” желаниями порождало своеобразные “психологические ножницы”, которые “резали” по живому. Внешне тихое, благополучное состояние и внутренне напряженная конфликтность создавали дискомфорт личности, накапливалась энергетика невозможности, неудовлетворенности, нереализованности, при неумении выплеснуть, выбросить ее во вне, превращало ее в жесткую агрессию против внутреннего “Я”, нередко заканчиваясь ультимативным “жертвоприношением” себя – феномен удмуртского суицида» [3. С. 27].

Обида (от обидеть, к обидети, т. е. пренебречь кем-л., ср. обойти кого-л. чином и т.п.) – чувство, возникающее у индивида при нарушении справедливости по отношению к нему, с причинением ему ущерба; часто ощущение несправедливости ложное, а оценка ущерба преувеличенная. Ср. выражение *жаловаться на кого-либо*. Проявление обиды обозначаются выражениями *надуться, насупить брови, демонстративное молчание* (ср. в удмуртском языке диалектное *нырсаны* ‘дуться, хмуриться, сердиться’*). Обиженный меняет тон речи на строгий, сугубо официальный, может демонстративно уйти. Как один из признаков отмечают моргание. Может сочетаться со смирением. Жаждой мести, ненавистью, презрением, гневом, рефлексией, разочарованием, с чувством неполноценности; может быть воспринята сдержанно, внешне спокойно или обернуться аффектом. Может быть обусловлена чувствительностью, мнительностью, щепетильностью, пренебрежением, презрением, комплексом неполноценности. Типичная реакция на обиду – недоумение, смущение. Извинение или попытка оправдаться, досада, раскаяние, сочувствие, насмешки [9. С. 227].

Обида напрямую связана с *оскорбленностью* (от скорбь, боль, беда, оскорбить, причинить боль) – чувство индивида, когда ему нанесли тяжелую обиду; обида в сочетании с чувством сильного унижения, вызванная кем-то, чаще всего сугубо намеренно. Может быть следствием комплекса неполноценности или комплекса превосходства. Может сочетаться с гневом, возмущением, стыдом, желанием мести [9. С. 239].

От обиды можно получить *психическую травму* – психический ущерб от сильного эмоционального оскорбления, болезненный психологический опыт, имеющий длительное влияние на эмоциональную сферу, взгляды и поведение индивида, чаще всего отрицательное [9. С. 283].

Как пишет этнограф Л. С. Христоробова, «Не любили дети капризных сверстников» [18. С. 34]. Исследователь удмуртского детского фольклора Л. Н. Долганова отмечает: «Дети, играя, могут и посориться меж собой. Такие

* В глаголе *нырсаны* прозрачен корень *ныр*: ‘нос, клюв, рыло; козлы; передок; начало’, коми *ныр* ‘нос, клюв, рыло’; пор *нер* ‘нос, рыло, клюв’, м.-морд. *нярь* ‘ои’, э.-морд. *нерь* ‘ои’, н.-саам., ханты; ненец, энец, нган., сельк., камас., койб., матор. Огъя урал вакытэ ‘нос, клюв’ значениями кылдэм кыл (Коллиндер; КЭСК; УЭС: 303) [14]. Видимо, значение выводится из а) характерного издаваемого звука в нос, б) как правило, обидевшийся человек опускает голову – *нырез ошыны* ‘вешать нос’.

«В образе фразеологизма вешать нос сочетаются универсальная архетипическая символика жестов и пространственный код культуры, одним из базовых противопоставлений которого является оппозиция “верх–низ”. Неудача и вызываемые ею чувства связываются с представлением о падении, о пребывании внизу; ср. опустить голову (руки). Образ фразеологизма соотносится с телесным кодом культуры, в котором позы и жесты насыщаются функционально значимым для культуры смыслом. В образе фразеологизма находит отражение телесная метафора, т.е. тот или иной жест отождествляется с внутренним состоянием человека. Положение *носа* как выдающейся части лица в образе фразеологизма метонимически (т.е. путем отождествления целого с частью) обозначает положение головы; опущенная голова – знак скорби, печали» [1. С. 114].

споры дают повод к появлению дразнилок – исаськонтьёс. <...> Дразнилка встречается среди ребят довольно часто. Обычай давать клички и обидные прозвища дети перенимают от взрослых, но в детской среде они в известной мере смягчаются. <...> Хотя дразнилки чаще всего малоэстетичны, без них нельзя обойтись в воспитании детей: они осуждают ябедничество, обжорство, лень и позволяют посмотреть на себя со стороны, увидеть свои недостатки как бы в изображении в кривом зеркале. Скажем, ребенок закапризничал. Как привести его в нормальное состояние? Кому-то тут на ум приходит дразнилка:

*Куатапуйы, куатали,
Куакапиез кут али:
Куать пуйы кеньыр сётоз,
Куатаськемысь дугдытоз.*

Мешок капризов, капризуля
Поймай-ка воронёнка:
Шесть мешочков крупы даст,
Перестанешь капризничать» [4. С. 16].

В монографии «Народная педагогика удмуртов» Г. А. Никитина выделяет одну из важных функций дразнилок – утверждение норм поведения, пресечение отклонений от них. «Однако <...> они наиболее значимы как способ испытания “социальной прочности” члена группы, особенно его умения постоять за себя. В таких случаях у ребят, как правило, не возникало намерения нанести обиду или оскорбление, скорее всего – это беззлобное подшучивание с целью проверки реакции того, в чей адрес оно направлено» [11. С. 59].

Дети обижающегося товарища дразнят: «Куата пуйы – вог пуйы», то есть ‘капризуля’ (букв. ‘капризный мешок – упрямый мешок’); *Куата пуйы – жук пуйы* (букв. ‘мешок с капризами (капризуля), мешок с кашей’); *Куата пуйы – куать пуйы* (букв. ‘мешок с капризами, шесть мешков’) [15. С. 55]. В последнем выражении приводится игра слов по звучанию: *куать – куата*.

Интересна интерпретация П. Захарова в серии статей «Подышим удмуртским»: *Куатаськисьлы – куать пирог* (букв. ‘обижающемуся (обидевшемуся, разозлившемуся, тому, кто капризничает) – шесть пирогов’). Учитывая, что сами удмурты смысл этой поговорки уже не могут объяснить, видимо, понимать следует интуитивно: «обиженным мы устраиваем ПИР в КВАЛЕ», потому что только в квале участвуют все шесть сторон света, кроме наших четырех сторон – верхний мир, нижний мир (небесная гора и медная гора). Договор между шестью сторонами света [7. С. 5].

Капризность (каприз) (к *франц.* ‘упрямство’, восходит к *итал.* ‘козлиная манера’) – упрямство, склонность к причудам, прихотям. Ср. своенравие, строптивость, взбалмошность [9. С. 150–151].

Рассмотрим более подробно некоторые компоненты дразнилок. Удмуртско-русский словарь приводит следующее толкование: *куатали* и *куатапуйы*, *куатаськись* являются синонимами, семантика *куатапуйы* ‘капризуля разг.; капризный’; где последняя лексема *куатаськись* – причастие и обозначает ‘обижающийся’. Этимология слов не совсем ясна. Вероятно, первоначально существовала основа слова *куата*, которое со временем перестало употребляться само по себе. Впоследствии, видимо, от него образовался глагол *куатаськыны* ‘капризничать; дуться’ разг.; *токма шорысь куатаськыны* ‘капризничать’; причастие *куатаськись* и существительное по действию

куатаськон*. К глаголу куатаськыны В. М. Вахрушев приводит синоним куата пуйы возыны ‘капризничать, привередничать’ [2. С. 129] (букв. ‘держат капризный мешок’).

Другой компонент поговорки Куата пуйы – вог пуйы имеет более развитую словообразовательную модель. Вог ‘упрямый; капризный, своенравный || упрямец; капризуля, каприжник’ разг.; вог потон ‘упрямство, каприз’; вог потыны ‘упрямиться; капризничать; своенравничать’; вог жёуш ‘упрямый; упрямец’. От него образовалось несколько существительных – воган ‘упрямство; каприз’; вогжон ‘упрямство; каприз’; вогжаськон ‘упрямство; каприз’. Глаголы: вогжаськыны ‘заупрямиться, упрячиться; закапризничать, капризничать’; вогжаны ‘упрямиться; капризничать’; диал. вогдыны ‘капризничать’; вогжыны ‘упрямиться, капризничать; поперхнуться’; вогйыны ‘упрямиться; перечить’; эн вогйы ‘не упрячься’; вогланыны I диал. см. вогжаськыны; диал. вогланыны II ‘отступать назад с грузом (о лошади)’. Причастие вогжаськись. Прилагательные – воггылес, диал. воглес; воггес ‘упрямый; капризный, своенравный’. (Додэлэн но Дуналаклэн кышнооссы выкышъяло но каргало воггес картёссылы быземзэс [19. С. 11] ‘Жены Додэ и Дуналак плачут и проклинаят себя за то, что вышли замуж за таких упрямых мужей’).

Упрямство (от упрямый в значении ‘прямой, откровенный’) – своеволие, своенравие, несговорчивость, неуступчивость. Сочетается с самоутверждением. Может быть обусловлено ригидностью и эмоциональностью. Возможное проявление – сильно сжатые губы. Типичная реакция на упрямоту – растерянность, досада, огорчение; оно может быть следствием недоверия, неуважения, спеси; может перейти в снисхождение [9. С. 379].

В удмуртском языке у слов вог и куата существуют синонимы: акыржан, балячи, дйньсыз, керек, кержэг, керьяськыны. Все лексемы употребляются в различных диалектах, но семантика одинакова:

а) акыржан ‘1. упрямота, каприз; упрямый, капризный; 2. злонаправленный, неуравновешенный (о человеке); псих’; акыржаськись диал. ‘упрямый; капризный; обидчивый’;

б) балячи ‘неженка; капризный’;

в) дйньсыз ‘упрямый; упрямец’;

г) керек ‘1. назойливый, надоедливый, пристающий; 2. капризный, упрямый; 3. горячий’ – керек адями ‘капризный человек’; керек йыр ‘горячая голова’;

д) кержэг ‘горячий, вспыльчивый, неуравновешенный’; кержэг адями ‘горячий человек’ – сиыны кержэг, ужаны пенжэг погов. ‘есть ретив, работать ленив’ (букв. ‘есть горяч, работать вял’); кержэгжаськыны ‘понервничать, нервничать, погорячиться, горячиться, выйти (выходить) из себя’; лек кержэгжаськыны ‘сильно нервничать (горячиться)’. кержэгжаськон ‘нервозность, вспыльчивость, горячность’;

е) керы I диал. упрямый, непослушный, своенравный, строптивый, несговорчивый || упрямец; керы/керы курег ‘1) зоол. курица-квохтуня, курица-наседка; 2) перен. каприжник, упрямец; 3) перен. ворчун’; керьяськыны ‘1. заупрямиться, упрячиться; 2. беспокоиться, нервничать’.

* Здесь и далее удмуртские примеры и их значения приводятся по [17], кроме оговоренных случаев.

В случаях *г, д, е* явно присутствует один корень *кер-**, он же в словах *кер-потон, кепыр вайыны* и т.п.

Обида выражена такими словами: а) *ёсож* ‘досада, обида, огорчение; печаль, грусть’; *кин ке вылэ ёсож луыны* ‘быть в обиде на кого-л.’; *ёсож карыны* ‘огорчить’; *ёсож потон* ‘досада’; *ёсоже уськытыны* ‘огорчить’; *ёсоже усьыны* ‘огорчиться’; *ёсожзэ уг вормы* [он] ‘не выносит обиды’; *кётыз ёсож луиз* ‘ему стало досадно’ 2. ‘печаль, грусть; печальный, грустный; печально, грустно’; *ёсож гурьёс* ‘грустные мелодии’; *ёсож луыны* ‘опечалиться; огорчиться’;

ёсожо-мыжо: *ёсожо-мыжо* ‘с обидой и печалью; обиженный и печальный’; *ёсожо-мыжо луыны* ‘обидеться и опечалиться’;

ёсож-кур: *ёсож-кур карыны* ‘обидеть, обижать’; *ёсож-кур луыны* ‘обидеться’; *ёсож-кур тусо* ‘с грустным видом’;

б) *ёсожтйськон* от глагола *ёсожтйськыны*: ‘обида; огорчение; жалоба’; *ас вылад ёсожтйськыны* ‘быть недовольным собой’ 2. ‘жаловаться’; *мурт вылэ ёсожтйськыны* ‘жаловаться на других’;

в) *ёсожомон* от глагола *ёсожомыны* ‘огорчиться, опечалиться’;

г) *кётёсож* ‘обида, досада; печаль, скорбь’; *кётёсож карыны* ‘досадить, досаждать’; *кётёсож луыны* ‘досадовать’; *кётёсоже уськытыны* ‘1) досадить 2) обидеть, опечалить’.

д) *кётёсожан* ‘обида; печаль’;

е) *кёткур* то же, что и *кётёсож*; *кёткурэн* ‘с печалью и обидой’; *кёттэ кур эн кары* ‘не печалься, не обижайся’;

ж) *кёткуректон* ‘обида, досада; печаль, скорбь’.

Последние примеры имеют компонент *кёт* в связи с тем, что в удмуртском языке именно в этой части тела сосредоточено большинство эмоций**.

з) *керес* ‘неудобно, неловко’; *керес потыны* ‘стыдиться, постыдиться’; *ым кересэз өвёл* ‘не сдержан (в словах)’;

и) близко к ним стоит еще одно диалектное слово *раньзем, раньзон* сущ. от *раньзыны* ‘1. замучиться, мучиться; обессилеть, обессиловать; утомиться, утомляться; утруждаться 2. обидеться, обижаться’; *раньзытыны* ‘1. замучить; обессилить; утомить 2. обидеть’.

к) *обидьыны* ‘обидеть, нанести обиду’; *обидьыны сётоно өвёл* ‘не давать в обиду’ – калька;

л) *нырсаны* ‘дуться, хмуриться, сердиться’ используется по отношению к взрослым.

В словаре синонимов, кроме вышеприведенных слов (*кёт ёсож, кёткур, кёт куректон, кёт кайгу, ёсожомон, куректон* ‘обида, досада, огорчение’;

* См.: Душенкова Т. Р. Понятие *керпотон* как регулятор поведения удмуртов (лингвокультурологический анализ) // «Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков». Сб. статей и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию д.ф.н. В. К. Кельмакова. Ижевск, март 2012 г. (в печати).

** Душенкова Т. Р. *Кёт* как средоточие эмоций в удмуртском языке // Творческое наследие Г. Е. Верещагина и финно-угроведение в конце XIX – начале XX века: Материалы международной конференции (Ижевск, 22–24 сент. 2011 г.). Ижевск, 2013 г. (в печати).

печаль, грусть, тоска; горе, боль, горесть, сокрушение; кручина' [2. С. 126]), есть еще две диалектные лексемы в значениях 'обижаться обидеться; огорчиться, огорчаться; жаловаться, сетовать' *опкельыны*; *пакыртыны* [2. С. 87].

Когнитивный блок: обида представляется в удмуртском языке неким ящиком Пандоры – пестерь, мешок (*вог пестер* 'пестер капризов' [18. С. 230], *куата пуйы/куатапуйы* 'капризуля' (букв. 'мешок с обидами'), *куата пуйы возыны* 'капризничать, привередничать', а также *вог жсуш* 'упрямый; упрямец' (букв. 'капризный/упрямый желудок'). Сравните: *ум* и *хитрость* также репрезентируются мешочком, лукошком или комочком: *визь пуйы* 'кошель/мешочек ума', *визь комок* 'комочек ума', *зарни комок* 'золотце ты мое' (букв. 'золотой комочек'), *зарни мешок* 'золотой мешок', *сйтъ куды* – говорят о смысленных, не по годам сообразительных малышах (букв. 'лукошко [наполненное] с экскрементами' – видимо, имеется в виду, что еще под себя ходит или молоко на губах не обсохло, а уже соображает); *алдаськон пуйызэ ыштйз* букв. 'обманный мешок потерял (заврался)'; *амало куды* букв. 'лукошко с хитростями (о находчивом, сообразительном человеке)' и др.

Здесь налицо метафора емкости: *пуйы*, *куды*, *пестер*, *жсуш*. Три слова понятны: мешок, корзина, пестер; но последнее слово *жсуш* анат. '1. брюшина 2. желудок || желудочный'; *бадзым жсуш* 'жадный, алчный, ненасытный'; *вамен жсуш* '1) толстобрюхий 2) упрямый, делающий наперекор'; *лек (жоб) жсуш* 'злюка'. Данный соматизм интересен тем, что так же, как и первые, представляет собой некий внутренний сосуд, от наполнения которого зависит жизнедеятельность человеческого организма. Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: обида не есть нечто необходимое человеку, ее можно положить в мешочек. А раз он мешает человеку, то от него можно избавиться, как от лишнего груза.

По словам А. А. Зализняк, «эмоция обиды является специфической для русского языка. К этому заключению приводит как собственно семантический анализ слова *обида* и его производных, так и факт отсутствия в западноевропейских языках переводного эквивалента для этого слова» [6. С. 101]. А. Вежицкая, рассматривая семантические примитивы, анализируя эту эмоцию, сопоставляет ее, в частности, с русской *жалостью*. А. Зализняк фиксирует два полюса: жалость к себе и претензию к другому [6. С. 103]. Эти составляющие могут присутствовать в *обиде* в разных соотношениях.

Тем самым обида – эгоцентрическое чувство, источник которого в конечном счете коренится в нас самих. Обижаться – это свойство обижаемого. С другой стороны, обидчивость определяется также степенью зависимости от мнения окружающих, и в этом отношении люди тоже сильно различаются. Необидчивые люди не предполагают, что их обижают, и не склонны поэтому выводить «обидный» смысл* – в отличие от обидчивых, которые как бы ждут, что их обижают, всегда готовы к этому. В противоположность им, не обидчивы высокомерные люди, мнение которых о себе столь высоко, а об окружающих – столь низко, что они равнодушны к мнению о себе окружающих, и *обидеть* их таким образом невоз-

* Неявные смыслы вообще более действенны.

можно. Гораздо более распространено (по крайней мере в русском и удмуртском дискурсах) желание получить даже от случайного собеседника подтверждение своей ценности как личности (ср. знаменитую реплику: *Ты меня уважаешь?* Если уважаешь, то выпьешь со мной, а если не выпьешь, значит, не уважаешь, то есть меня *обидишь*).

Выше уже отмечено, что обида связана с ощущением несправедливости, что в значении слова выходит на первый план. Источники такого ощущения могут быть различны: а) несоответствие ожидаемому уровню «добрых чувств» (например, благодарность – *Доброе дело никогда не остается безнаказанным; На обиженных воду возят* и др.); б) негативное мнение об обиженном не соответствует его собственным представлениям о себе (*несправедливое обвинение*) и др.

Избывть обиду можно тремя способами: отомстить, простить и забыть (ср. выражение: *не помнить обид*).

Обида соотносима с оскорблением, но она задевает чувства, а оскорбление – честь. В нем участвуют социальные факторы, а в обиде – индивидуальные. Оскорбительные высказывания составляют часть культурного текста данного социума, а обидные – нельзя исчислить.

В европейских языках данный концепт, как периферийный, не входит в список основных 40 эмоций, для русского же языкового сознания слова *обида* и *обидеться* весьма частотны.

Когнитивный блок. Свою обиду можно, например, *лелеять* и *раздувать* или, наоборот, *подавить*, *заглушить*, *проглотить*; она может *расти* и, наоборот, *улетучиваться*, ее можно *держат* или *забывать* и т.д. Она может наступить с большим запозданием по сравнению с действием, ее вызвавшим (в результате некоторой его эмоциональной и ментальной обработки – человек может сам не сразу осознать, что он обиделся). Чувство обиды может в некоторой степени контролироваться сознанием: человек, подумав, решил обидеться (или, наоборот, не обижаться). Как чувство обида может *нахлынуть*, *овладеть* человеком.

В русском языке есть близкое ей по семантике слово *досада*. Если обида может быть на кого-то, то есть чувство по отношению к другому человеку, то досада может быть только на что-то, на какие-то обстоятельства, которые препятствуют осуществить желаемое. Досадовать можно и на самого себя – например, на собственную глупость или неудачливость. Ее источник – единичное событие, из которого не выводится никаких следствий. В обиде важен не сам поступок, а то, что за ним стоит (недостаток любви или уважения). *Обида* соседствует со слезами и слабостью, с чувством вины; *досада* – со злобой и агрессией.

В удмуртском языке эти понятия не разводятся по значению, например: *жӧож* ‘досада, обида, огорчение; печаль, грусть’; *жӧожтӥськон* ‘обида; огорчение; жалоба’; *кӧтжӧож*, *кӧткур* ‘обида, досада; печаль, скорбь’; *кӧтжӧожан* ‘обида; печаль’; *кӧткуректон* ‘обида, досада; печаль, скорбь’.

Таким образом, отношение к обиде, упрямству и капризам в удмуртском языковом сознании отрицательное. И потому еще в детях стараются искоренить эти «пороки», используя элементы народной педагогики, например, дразнилки и насмешки (*Куата пуйы – вог пуйы*).

Обидчивы все, только реагируют по-разному. Но в основном обижают люди убогие и неполноценные: одинокие женщины, брошенные мужчины, неустроенные чада и др., обижают завистливые, агрессивные, ревнивые, в которых живет страх. Для них важно ужалить большее. Обижают не нас, но обижаем мы себя сами (ср.: обиделся, т. е. *обидел себя*). Обижаемся тем, что бессознательно соглашаемся с каким-то условно-нехорошим поступком (или суждением) в свой адрес. Удмурты же очень болезненно воспринимают любую, тем более отрицательную, оценку, и не дай Бог, если произнесли ее уста авторитетного человека. Еще в 30-е гг. прошлого столетия писал коми исследователь В. П. Налимов, что «*вотяки в настоящее время страдают болезненным самолюбием и бурным реагированием на отношение к ним других*» [10. С. 178].

Обиды надо игнорировать. И научиться прощать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 784 с.

2. *Вахрушев В. М.* Синонимёсын удмурт-жуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов. Ижевск: Удмуртия, 1995. 280 с.

3. *Владыкин В. Е.* Естественнo-исторические и этнокультурные основания традиционной толерантности удмуртов // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы междунар. науч. конф. (Ижевск, 29–31 октября 2002 г.). Ижевск, 2002. С. 23–30.

4. Удмуртский фольклор. Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л. Н. Долганова. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.

5. *Долганова Л. Н., Морозов И. А.* Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. / научн. ред. и отв. за вып. Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 382 с.

6. *Зализняк А. А.* О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–118.

7. *Захаров П.* Космические пиры в удмуртской КУАЛЕ // Инвожо. 2013. № 3. С. 4–6.

8. *Изард К.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.

9. *Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В.* Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. М.: Флинта «Наука», 2006. 424 с.

10. *Налимов В. П.* Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск–Сыктывкар, 2010. 336 с.

11. *Никитина Г. А.* Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.

12. Православные праздники. Минск: АСТ, 2006. 240 с.

13. *Русских Т. Н.* Виды коммуникаций в поведенческих практиках современных удмуртов. АКД. Ижевск, 2012. 24 с.

14. *Соколов С. В.* Этимологической пичи кылбугор (рукопись). 189 с.

15. Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост. К. Н. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 1996. 144 с.

16. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т. Г. Первозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.

17. Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

18. Христолюбова Л. С. Стереотипы общения и социализация личности // Традиционное поведение и общение удмуртов: Сборник статей / Отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 31–42.

19. Вольэг Иники. Юсьёс но куцьёс: роман. Ижевск: Удмуртия, 1995. 140 с.

Поступила в редакцию 19.03.2014

T. R. Dushenkova

Kuata Puji – Vog Puji, or the Attitude to Insult in the Udmurt Language Consciousness

The article analyzes the concept “insult” in the Udmurt language consciousness. There are different views on this problem: ethnographic, psychological, medicinal, religious, and linguistic. The concepts “obstinacy” and “susceptibility” are developed by the example of the word combination “kuata puji – vog puji”. Besides, there are synonymous and word-building rows of these words. The principal differences of Russian and Udmurt world picture fragments of the concept insult are expound in the contrastive and cognitive aspect.

Keywords: insult, self-destruction program, forgiveness, psychic trauma, obstinacy, petulance, ticklers, pity, annoyance.

Душенкова Татьяна Рудольфовна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: dushenkovatr@mail.ru

Dushenkova Tatyana Rudolfovna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: dushenkovatr@mail.ru

О. А. Арзамазова

**НАЗВАНИЯ ЗВЕРОБОЯ ПРОДЫРЯВЛЕННОГО
(HYPERICUM PERFORATUM)
В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ***

Статья подготовлена в рамках создания Диалектологического атласа удмуртского языка. Рассматриваются удмуртские диалектные названия зверобоя (*Hypericum perforatum*) – *виртурын*, *кӧткыл'турын*, *ко'т'марвис'онлэс'турын*, *ӗуштурьм*, *йорофэйтурым*, *чайтурын*, *зверобой*, *чужмӓтрӓшкӓ*, *матрушка*, *вартурын*, *ӗужчай*, *ӗушпыӗкулон*, *гортпыӗкулон*, *суркубаттурун*, *съркъбаб*, выявленные из материалов полевых экспедиций и словарей. Очерчиваются границы территориального распространения имеющихся лексических вариантов, дается их этимологическая характеристика, определяются основные принципы номинации. Отмечено, что большинство названий зверобоя формируется в период самостоятельного развития удмуртских диалектов и относится к исконному словарному фонду. Наиболее древнюю форму *виртурын* в силу ее представленности во всех диалектах и фонетической вариативности можно отнести к позднему праудмуртскому периоду. Иноязычный компонент возникает в результате контактирования удмуртов с русским и татарским населением. Исследуемый срез национальной культуры подчеркивает его языковую гетерогенность.

Ключевые слова: зверобой, удмуртские диалекты, территориальное распространение, принцип номинаций, этимология слов, письменные источники, заимствованная лексика.

Зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum*) – растение многолетнее, высотой 30–60 см. Стебель (один или несколько) прямостоячий, с двумя продолжными выступающими ребрами, наверху ветвистый. Листья пахучие, сидячие, эллиптические, с точечными просвечивающими железками (отсюда – зверобой пронзенный, или продырявленный). Цветет в середине лета (июнь, июль) крупными щитковидными соцветиями из золотисто-желтых цветков. Широко распространен в европейской части России и Западной Сибири, где он занимает

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00478 «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке (по письменным источникам 1711–2016 гг.)».

южные районы лесной полосы, лесостепную зону и северную часть степной зоны. Встречается также на Кавказе и в горах Средней Азии. В Удмуртии растет повсюду на суходольных лугах, лесных полянах, просеках и опушках в редколесье, в садах, по краям полей, на залежах и возле дорог [1. С. 52–53].

«Зверобой – древнейшее и широко применяемое в народе лекарственное средство, “здоровая трава”, “трава от девяноста девяти болезней”, хорошо известная врачам Древней Греции. Согласно архивным документам, в России его успешно применяли уже в XVII веке» [2. С. 109–110]. Удмурты также издавна знакомы с этим растением, в удмуртской традиционной культуре зверобоем приписываются магические свойства; его активно используют в народной медицине, считают лекарством от семидесяти семи болезней.

Названия зверобоя впервые фиксируются в удмуртских письменных источниках, датируемых XIX веком. В диалектах удмуртского языка выявлены следующие лексические формы зверобоя обыкновенного: *виртурын*, *кӧткыл'турын*, *ко'т'марвис'онлэс'турьн*, *чайтурын*, *йэрофэйтурын*, *џуштурьм*, *звэробой*, *гортпыџкулон*, *џушпыџкылон*, *суркубаттурын*, *съркъбаб*, *чужмәтрүшкә*. Мы рассмотрим диалектное распространение, происхождение и принципы номинации лексических вариантов зверобоя.

Наиболее часто фиксируемая, имеющая широкое территориальное распространение лексема – *виртурын*. Она имеет большое количество фонетических вариантов (*виртурун*, *виртрун*, *виртурым*, *виртурьм*, *виртурьм*, *виртурум*, *вѣртурум*, *ѳиртурум*). Впервые слово фиксируется Г. Верещагиным в 1892 г.: *вѣртурын*, *виртурын* (1892, 1920-е гг.) [5. С. 55]; *виртурым* (1930) [6. С. 54]; *виртурын* [7. С. 48; 8. С. 52; 9. С. 83; 10. С. 122]. *Виртурын* – собственно удмуртское слово, состоит из двух основ *вир* ‘кровь’ и *турын* ‘трава’. Лексема *вир* финно-угорского происхождения: к. *вир*, мар. *вѣр*, ф. *veri*, хант. *џар*, венг. *vér* < ф.-у. **wire-* / **were-* [11. С. 57; 12. С. 576]. *Турын* относится к ранним иранским заимствованиям: к. *турун*, иж. *турын*, вв. *турин* < **turin* – ф. *taarna*, *tarna*, эст. *tarn* < ф.-у. **tarna* [11. С. 287; 12. С. 792]. Название *виртурын* букв. ‘кровавая трава’ может быть связано с его лечебным действием. Удмуртские целители с давних пор используют зверобой как кровоостанавливающее и ранозаживляющее средство [см.: 13. С. 51; 14. С. 488]. Кроме того, в основу номинации могли быть заложены и биохимические свойства растения – сок растертых лепестков красного, похожего на кровь, цвета.

Подробнее рассмотрим территориальное распространение фонетических вариантов слова *виртурын*.

Употребляется оно в бalezинском говоре среднечепецкого диалекта (27, 32, 33, 34, 37), в оп. 37 параллельно используется название *звэробой*. Встречается в оп. Малягурт (53) Красногорского р-на, в большей части Игринского р-на (54, 55, 58, 59, 60), на северо-западе Дебѣсского р-на (61, 62, 65). Повсеместно фиксируется в Шарканском р-не, в некоторых опорных пунктах Сюмсинского (82) и Якшур-Бодьинского (72, 73), Увинского р-нов (86, 87, 88).

Виртурун встречается в оп. Елово (19а) и Озерки (20а), Костромка (46а); в д. Верхние Уни (48а) выявлена форма *виртрун* [23. С. 112].

Лексема *виртурым* локализована в срединных говорах: омгинском (18), нылгинском (90, 104, 105, 114), среднеижском (94, 95, 96, 97, 100, 101, 121,

122, 123); во всех говорах центрально-южного диалекта: кизнерско-можгинском (110, 111, 116, 119, 120), средне-южном (115, 117, 124, 125, 126, 134), кырык-масском (127, 129), граховском (131, 133, 147), алнашском (136). За пределами Удмуртии – в шошминском (139, 140), буйско-таныпском (156, 157, 158, 159, 162, 165) говорах.

Виртуръм зафиксировали в некоторых говорах центрально-южного диалекта: оп. Нынек (119) Можгинского р-на, Лолошур-Возжи (132) Граховского р-на УР. В оп 132 параллельно используется слово *звэрбой*. Также встречается в буйско-таныпском (159, 163) и канлинском (173) говорах периферийно-южного диалекта.

Слово *виртуръм* распространено в некоторых говорах южного наречия: кырыкмасском (128, 130, 148), алнашском (137), кукморском (142, 143, 144), бавлинском (151, 152), буйско-таныпском (164).

Зафиксировано оно в срединных говорах: оп. Кыйлуд (89) Увинского района, оп. Шабердино (91), Верх. Постол (93), Бабино (98) Завьяловского р-она УР. Встречается в шагиртско-гондырском говоре (153, 155) периферийно-южного диалекта. В красноуфимском говоре (175) губно-зубной звук *в* переходит в губно-губной *β* – *βиртурум*.

Вёртуръм употребляется в кукморском говоре в оп. Стар. Уча (145), Пойкино (146) параллельно с названием *звэрбой*.

Лексический вариант *кёткыл'турын* впервые зафиксирован венгерским ученым Б. Мункачи в Елабужском диалекте: *köt-kil'-turim* Jel. 'трава от поноса' 1896 [15. С. 195], *кёткыльтурын* (1930) [6. С. 54]; [16. С. 81; 8. С. 52; 10. С. 331]. На сегодняшний день слово выявлено в оп. Гура (81) Сюмсинского р-на УР; его фонетический вариант *кёт'къл'туръм* – в оп. Варклед-Бодья (149) Агрызского р-на РТ. Лексема *кёткыл'турын* букв. 'трава от болезней живота', состоит из трех компонентов: *кёт* 'живот', *кыль* 'болезнь', *турын* 'трава'; по происхождению она исконно удмуртская. Номинация слова связана с лечебным свойством растения. В народной медицине настои и отвары зверобоя применяют при гастритах, острых и хронических энтеритах и колитах, при бактериальных заболеваниях кишечника.

В лекминском говоре (45) бесермянского диалекта параллельно с названиями зверобоя *ёуштурън* и *звэрбой* зафиксирована лексема *ко'т'марвис'онлэс'турън*. Слово это состоит из трех элементов: *ко'т'мар* 'всё'; *вис'онлэс'* 'от болезни'; *турън* 'трава', букв. 'трава от всех болезней'. Трава зверобоя действительно обладает широким спектром лечебных свойств, входит в состав многих травяных сборов.

ёуштурун встречается в оп. Бол. Шабанка (16) Малмыжского р-на Кировской обл., *ёуштурън* – в оп. Шамардан (45) Юкаменского р-на УР, *ёуштуръм* – в оп. Кузюмово (135) Алнашского р-на УР. Слово состоит из двух компонентов – *ёуш* (лит. *ёуж*) 'желтый' и *турън* (*турун*, *туръм*) (лит. *турын*) 'трава', букв. 'желтая трава'. Название может быть связано с окрасом (золотисто-желтым) соцветия зверобоя. В исследуемых говорах параллельно с *ёуштурън* и *ёуштуръм* используется вариант *звэрбой*, в оп. 45 – *ко'т'марвис'онлэс'турън*.

Слово *ерофейтурын* в значении зверобоя регулярно встречается в словарях удмуртского языка с 1924 г.: *ерофей турым* [20. С. 15], *ерофейтурын*, *ерофей-*

турым (1932) [6. С. 96], *ерофей туры́н* [7. С. 54]; *ерофейтуры́н* [9. С. 135; 16. С. 81; 10. С. 201]. В диалектных материалах лексическая форма *йорофэйтурым* впервые зафиксирована Г. А. Архиповым в оп. Средние Юри (125а) Малоপুরгинского р-на от информантов 1905, 1907 г. рожд. [21. С. 57]. Последние экспедиционные исследования в данном опорном пункте слово *йорофэйтурым* не выявили, зафиксирован вариант *виртурым*. На сегодня форма *йэрофэйтурым* выявлена только в оп. Енабердино (147а) Менделеевского р-на РТ. *Йэрофэйтурым* – сложное по структуре слово, состоящее из двух компонентов: рус. *Ерофей* – имя собственное + *турым* ‘трава’, букв. ‘Ерофей трава’. Фитоним *ерофей* в значении зверобоя встречается в русских вятских говорах [22. С. 33], откуда он мог быть заимствован удмуртами. Русский лексиколог С. В. Рябушкина выводит название травы *ерофей* от имени создателя настойки «Ерофеич» [2. С. 112].

Форма *чайтуры́н* зафиксирована в средне-западном диалекте в оп. Нов. Монья (71) Селтинского р-на и оп. Суровой (83) Якшур-Бодьинского р-на УР, фонетический вариант *чайтурьм* – в оп. Старая Юмья (144) Кукморского р-на РТ. В оп. Бол. Гурезь-Пудга (104) и Бол. Волково (105) Вавожского р-на лексема *чайтурым* используется для обозначения душицы. *Чайтуры́н* по структуре – двусложное слово – *чай* ‘чай’ + *туры́н* ‘трава’, букв. ‘чайная трава’; компонент *чай* – заимствование из русского языка. В основе номинации – использование травы зверобоя в качестве чая.

В северном наречии удмуртского языка широко распространен фитоним *звэробой*. Он повсеместно фиксируется в нижнечепецком и среднечепецком диалектах (за исключением бalezинского говора). Спорадически встречается в верхнечепецком диалекте (38, 39–44, 63, 64). В срединных говорах слово выявлено в суровайско-поломском, копкинском, кульминском говорах, а также в некоторых опорных пунктах зятцинского (56, 57), селтинского (85) и сюмсинского (14, 84, 86) говоров средне-западного диалекта; в оп. Бол. Ошворцы (74) и Черный ключ (99) средне-восточного диалекта; в оп. Тыловыл-Пельга (106) и Безменшур (108) водзимоньинско-омгинского диалекта; в оп. Ягул (92) средне-ижского диалекта. В центрально-южном диалекте удмуртского языка *звэробой* встречается в оп. Короленко (109), Арвазь-Пельга (112) кизнерско-можгинского говора, оп. Стар. Игра (133) граховского говора, оп. Кузюмово (135) алнашского говора. За пределами Удмуртии в периферийно-южном диалекте слово зафиксировано в некоторых опорных пунктах шошминского (138, 141), кукморского (145, 146), бавлинского (174), шагиртско-гондырского (155) и буйско-таньпского (171) говоров.

Р. Ш. Насибуллин относит *звэробой* к досоветским русским заимствованиям, проникшим в северноудмуртские говоры через устно-разговорную речь [3. С. 230]. О происхождении слова зверобой существуют разные гипотезы. По мнению М. Фасмера, оно имеет славянские корни: «укр. *дiрoбiй*, блр. *дзiрoбiй*, польск. *dziurowiec*. Вероятно, что зверобой преобразован по народной этимологии из названия, близкого белорусскому, которое, подобно украинским, польским и латинским словам, названо так потому, что имеет прозрачные точки (“дыры”) на листьях. То же самое имеет в виду научное название *зверобой пронзеннолистный* “perforatum”» [4. С. 87]. В народе наиболее популярна этимология слова,

связанная с гибелью животных: существует мнение, что домашние животные, съевшие зверобой, тяжело болеют, отсюда (зверь + бой). Такая этимология не беспочвенна: ветеринарам давно известно фотосенсибилизирующее действие зверобоя. После поедания зверобоя козы, овцы белого цвета, находясь под солнцем, получают ожоги (на коже появляются язвы), в результате чего животные могут погибнуть.

Слово *чужмәтрүшкә* встречается только в говорах периферийно-южного диалекта: татышлинском (154, 160, 161, 169), буйско-таныпском (166, 168, 170) и ташкичинском (167, 172). Оно состоит из двух компонентов: *чуж* (лит. *čуж*) ‘желтый’ и *мәтрүшкә* ‘душица’ – и является полукалькой из татарского *сары мәтрүшкә* ‘зверобой’, где *сары* означает ‘желтый’. Относительно этимологии слова *мәтрүшкә* существуют разные мнения. Чувашский этимолог В. Г. Егоров полагает, что «*мәтрүшка*, *мәтрешке* получилось в результате неточного воспроизведения русского *маткина душика* (с пропуском *-кина* и заменой *д* звуком *р*)» [17. С. 129]. Татарский лексиколог Г. Г. Саберава придерживается такой же точки зрения [см.: 18. С. 55].

Другой ученый из Чувашии Ю. Дмитриева считает, что «объяснение В. Г. Егорова выглядит довольно искусственным, так как не ясна причина выпадения морфемы *-kina* в чувашском, также ничем не объясняется поздний переход *d > r*». Она развивает мысль о том, что «чуваша, татары, башкиры и марийцы фитоним *matreška* заимствовали из русского и употребляли главным образом для обозначения растений с приятным запахом, таких, как душица, зверобой, мята и т. п. В тюркских языках произошло сингармоническое выравнивание этимона по переднему ряду под влиянием русск. смягченного *г*» [19. С. 90].

Помимо рассмотренных лексических вариантов, биологический словарь удмуртского языка дает и другие названия зверобоя: *мәтрушка*, *вартурын*, *чужчай* [16. С. 81], которые в исследованных нами опорных пунктах не выявлены.

Слово *мәтрушка* зафиксировано в периферийно-южных говорах южного наречия только в значении ‘душицы’; в качестве зверобоя лексема не выявлена. Для народной ботанической терминологии характерно перенесение названия одного растения на другое, если они имеют общие свойства или внешнее сходство. В нашем случае и душица, и зверобой пахучие растения, используемые как чай.

Лексический вариант *чужчай* имеет две основы: *чуж* ‘желтый’ и ‘чай’, букв. ‘желтый чай’. В номинации слова *чужчай* использовались два принципа: по цветовому признаку растения (*чуж*) и по его функции – употребление в качестве чая. Оба компонента – *чуж* и *чай* – встречаются в других названиях зверобоя: *чуштурьм*, *чайтурын*, *чужмәтрүшкә*, *чушпычкулон*.

Наличие в удмуртских диалектах варианта *вартурын*, данного в биологическом словаре, вызывает сомнение: возможно, имело место неверное прочтение записи формы *виртурын*.

В монографии Л. Л. Карповой «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» (2013) [23] есть не зафиксированные нами названия зверобоя: *чушпычкулон*, *гортпычкулон*, *суркубаттурун* (*суркубаттурын*, *суркуват*, *суркуваттурун*).

ЗВЕРОБОЙ ПРОДЫРЯВЛЕННЫЙ

М 1:2 000 000

(в 1 см 20 км)

Слово *џушпыџкулон* выявлено в дд. Озерки, Тум, Чабырово Ярского р-на. В словарях и других письменных источниках оно не зафиксировано. *џушпыџкулон* состоит из трех компонентов: *џуш* (лит. *џуж*) ‘желтый’, *пыџ* ‘блоха’, *кулон* ‘смерть’. Во многих удмуртских диалектах слово *пыџкулон* используется в значении ‘душицы’. В исследуемом варианте атрибутивный компонент *џуш* несет дополнительную информацию о растении, являясь его отличительным признаком. Дифференциация зверобоя и душицы по окрасу соцветия характерна для некоторых периферийно-южных диалектов удмуртского языка (ср. ттш. *лъзмăтрӱшкӱ* ‘душица’, *чужмăтрӱшкӱ* ‘зверобой’).

Лексема *гортпыџкулон* зафиксирована в д. Озерки Ярского р-на. В словарях удмуртского языка и других письменных источниках данная форма не выявлена. *Гортпыџкулон* состоит из трех составных компонентов: *горт* (лит. *горт*) ‘красный’, *пыџ* ‘блоха’, *кулон* ‘смерть’. Как и в предыдущей лексической форме, к слову *пыџкулон* ‘душица’ добавляется цветообозначение *горт* ‘красный’. Возможно, в основу номинации заложены биохимические свойства растения [см. *виртурын*] или его внешний вид (красные пятна на листьях). В русском языке, кстати, также есть народное название зверобоя – *красная трава*.

Слово *суркубаттурын* и его фонетические варианты имеют следующее территориальное распространение: *суркубаттурын* (дд. Елово, Костромка Ярского р-на, д. Педоново Глазовского р-на); *суркубаттурун* (дд. Байдалино, Бачумово, Елово, Костромка, Озерки Ярского р-на); *суркуват* (д. Верх. Уни Юкаменского р-на); *суркуваттурун* (дд. Верх. Уни, Ертем, Ст. Безум Юкаменского р-на). Лексема *суркуват* (лит. *сыркубат*) заимствована из татарского диал. *сырхуват* (< *сырхау* + *ут* ‘трава’) ‘зверобой’ [24. С. 446]. Татарское *сырхуат* имеет два значения: 1. кожная болезнь 2. зверобой [25. С. 288]. В основе номинации – кожная болезнь, излечиваемая зверобоем. Удмуртские лексические варианты образованы по аналогии с татарским названием *суркуват*, *суркубат* + *турын*, *турун* ‘болезнь+трава’. В словарях удмуртского языка слово *сыркубат* имеет три значения: 1. звездчатка 2. будра плющевидная 3. кошачья лапка [9. С. 402; 10. С. 620]. В значении зверобоя в удмуртском литературном языке лексема не встречается. Полагаем, что в среднечепецкий диалект данная форма перешла из говора местных татар.

Форма *съркъбаб*, зафиксированная в бесермянском диалекте в оп. Филимоново (46) Юкаменского р-на, может быть фонетическим вариантом слова *сыркубат*.

Рассмотрев имеющиеся лексические варианты зверобоя в удмуртских диалектах, мы можем сказать, что формы *виртурын* и *кӱткыльтурын* наиболее древние, у них более ранний период фиксации в письменных источниках (кон. XIX в.). Из них слово *виртурын* получило распространение во всех диалектах и представлено наибольшим количеством фонетических вариантов.

Появление лексем *чайтурын* и *џужчай* можно отнести к периоду, когда удмурты вместо трав стали заваривать чай. Вследствие взаимозаменяемости травы зверобоя и чая получились названия *чайтурын* и *џужчай*. В некоторых диалектах удмуртского языка душицу тоже называют *чай*. Слово *чай* в удмуртских письменных источниках впервые встречается в кон. XIX в.: *чайник* 1880;

чай 1888 [см.: 26. С. 196]. Полагаем, что слова *чайтурын* и *чужчай* появились на собственно удмуртской почве как поздние образования.

Названия *зверобой* и *йорофэйтурым* заимствованы из русского языка. По сравнению со словом *зверобой*, *йорофэйтурым* (*йорофэйтурым*) – более раннее заимствование, поскольку зафиксировано в словарях удмуртского языка; образовано по аналогии с другими удмуртскими фитонимами (название + *турым* = *йорофэйтурым*); имеет фонетическую адаптацию в анлауте – *йорофэйтурым*. Форма *зверобой* широко распространена во всех диалектах, особенно часто – в северном наречии удмуртского языка. Полагаем, что произошло это в период активного контактирования удмуртского и русского населения. В севернoudмуртские говоры слово пришло раньше, чем в другие. По нашим наблюдениям, в южном наречии форма *зверобой* обычно встречается в тех опорных пунктах, где поблизости есть русские деревни, либо в одном населенном пункте живут и удмурты, и русские. В условиях билингвизма название *зверобой* встречается в удмуртских диалектах почти также часто, как древняя форма *виртурын*.

Среди названий зверобоя отмечены два татарских заимствования: *чужмәтрүшкә* и *суркубаттурын*. *Чужмәтрүшкә* – полукалька из татарского языка, распространена в некоторых периферийно-южных говорах. Лексема *суркубаттурын* (*суркубаттурун*, *суркуват*, *суркуваттурун*) в значении зверобоя зафиксирована в среднечепецком диалекте, является заимствованием из местного татарского говора. Оба варианта – поздние образования, возникшие в зоне контактирования удмуртов и татар.

Названия зверобоя *чушпычкулон*, *гортпычкулон*, выявленные Л. Л. Карповой в среднечепецком диалекте, по своей структуре близки к форме *чужмәтрүшкә* – (желтый, красный) цвет + душица = зверобой. Для определения степени соотнесенности данных лексем необходимо провести дополнительные исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мишин А. В. Зеленая аптека. Ижевск: Удмуртия, 1978. 232 с.
2. Рябушкина С. В. Лекарь Ерофеич и зверобой – целитель ран // Русская речь. № 6. 2003. С. 108–112.
3. Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период: Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 1998. 350 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. II. (Е–Муж). 1964. 671 с.
5. Верецагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за вып. и авт. предисл., комментарии Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с.
6. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991.
7. Удмуртско-русский словарь: ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист. языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

8. Системно-тематический русско-удмуртский словарь / Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семенов. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2004. 264 с.
9. Удмуртско-русский словарь: ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
10. Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
11. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
12. Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
13. Гришкина М. В. Народная медицина удмуртов (из опыта XVIII–XIX вв.) // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 47–53.
14. Христолюбова Л. С. Народные знания // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Отв. ред.: Н. Ф. Мокшин, Т. П. Федянович, Л. С. Христолюбова. М.: Наука, 2000. С. 486–490.
15. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pécs, 1990.
16. Соколов С. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; под общ. ред. С. В. Соколова; илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.
17. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964. 356 с.
18. Саберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке. Казань, 1996. 129 с.
19. Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений (Сравнительно-исторический и ареальный аспект) // Studies in Linguistics of the Volga-Region Vol. I. Ed. by K. Agyagási. Debrecen, 2001. 211 с.
20. Ильин Я. Пичи кылбугор. Ож завод: Удкнига, 1924. 26 с.
21. Архипов Г. А. Среднеюринский говор II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 28–29.
22. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; АН СССР. Ин-т. рус. языка. Л.: Наука; вып. 9: Ерепеня-Заглазеться. 1972. 362 с.
23. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 600 с.
24. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
25. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.
26. Насибуллин Р. Ш. Приложения к дисс. ... д. филол. н. на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период. Ижевск, 1998. 364 л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусский язык, вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, венг. – венгерский язык, диал. – диалектное, дд. – деревни, иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка, к. – коми язык, казах. – казахский язык, лит. – литературный язык, лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка, мар. – марийский язык, оп. – опорный пункт, польск. – польский язык, РТ – Республика Татарстан, рус. – рус-

ский язык, ттш. – татышлинский диалект удмуртского языка, укр. – украинский язык, УР – Удмуртская Республика, ф. – финский язык, ф.-у. – финно-угорский праязык, хант. – хантыйский язык.

Поступила в редакцию 20.08.2014

О. А. Arzamazova

The Names of *Hypericum Perforatum* in the Udmurt Dialects

The article was prepared within the creation of Dialectological Atlas of the Udmurt language. The Udmurt dialectal names of *Hypericum perforatum* – *virturyn*, *ketkyl'turyn*, *kot'marvis'onles'turyn*, *tchushturem*, *jorofejturym*, *chajturyn*, *zveroboj*, *chuzhmatrushka*, *matrushka*, *varturyn*, *tchuzhchaj*, *tchuzhpytchkulon*, *gortpytchkulon*, *surkubatturun*, *serkebab* – revealed from the materials of field expeditions and dictionaries are observed. The boundaries of the territorial distribution of existing lexical variants are outlined, their etymological characteristics are given, and the basic principles of the nomination are defined. It is noted that most of the names of *Hypericum perforatum* were forming during the period of independent development of the Udmurt dialects and refer to the original vocabulary. The most ancient form *virturyn* due to its representation in all the dialects and phonetic variability can be related to the late pre-Udmurt period. Borrowed vocabulary appears as a result of contacts with the Russians and Tatars. The analyzed section of the national culture emphasizes its linguistic heterogeneity.

Keywords: *Hypericum perforatum*, the Udmurt dialects, territorial distribution, the principle of nominations, the etymology of words, written sources, borrowings.

Арзамазова Ольга Александровна,

научный сотрудник,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: thalatte@rambler.ru

Arzamazova Olga Aleksandrovna,

Research Associate,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: thalatte@rambler.ru

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

УДК 398(=511.152)

В. И. Рогачев

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОКШИ И ЭРЗИ (по фольклорно-этнографическим материалам М. Е. Евсевьева)

Исследуются мифологические представления мордовского народа на материале устного народного творчества (песен, сказок) и этнографических реалий. Выявляются мировоззренческие аспекты. Сюжеты произведений развиваются в рамках национальной мифологической парадигмы, сложившихся этнических представлений; связаны с повседневной хозяйственной, бытовой жизнью народа. Песни-сказки вместе с балладами составляют мощный пласт эпических и лиро-эпических произведений с элементами мифологии, народной фантастики и сказочности.

Ключевые слова: мифология, фольклор, сюжеты, анимизм, тотемизм, песни-сказки, обряд, ритуал, фантастика, баня предков.

В фольклорно-этнографических материалах, собранных и опубликованных известным мордовским просветителем М. Е. Евсевьевым, выявлены особенности мировоззрения мокши и эрзи в мифопоэтическом восприятии и мифологической трактовке явлений окружающей действительности. Это отчетливо наблюдается в «Образцах мордовской народной словесности. Мокшанские песни» (1897). В VII песне поется о мифологическом превращении возлюбленного девушки то в серого волка, то в злого медведя, преследующего ее:

<i>Вай ляски, ляски, фталу варджаксты,</i>	Она бежит, бежит, назад оглянется.
<i>Сон фталу ванны – сядой выргас сай,</i>	Она назад смотрит – серый волк идет,
<i>Ингыли ванны – кяжи офта сай...</i>	Она вперед смотрит – злой медведь...

[5. С. 11].

Чудесное перевоплощение суженого проявляется в том, что он, будучи медведем, говорит на человеческом языке:

<i>Тата йавыдя, стирья няленда:</i>	Ты не бойся, девица, не пугайся:
<i>Мон аф выргазан, аф и офтан...</i>	Я не волк и не медведь...
<i>Мон потма валынь тага кортайан.</i>	Я сердечные слова говорющий с тобой друг.

[5. С. 12].

Богатство мифологических сюжетов в мордовском национальном фольклоре особенно полно представляют сказки, собранные М. Е. Евсевьевым. Таковы сюжеты волшеббно-фантастических сказок «Ведьава» («Богиня воды»), «Алтазь цёра» («Обещанный сын»), «Иван», «Сия пейне-тейтерне» («Девочка – серебряный зуб»). «Кода тейтересь теевсь мазый килейкс» («Как девушка превратилась в кудрявую березу»), «Яга-баба», «Ловняське» («Снегурочка»), «Охотник», «Ведун» («Ведьма»), «Дигинеть» («Дикие гуси») [3. С. 67, 88, 146, 176, 180, 205, 234, 273, 280, 286].

В них действуют боги, покровители природных стихий, предки, демонические персонажи. Как и в мифологических представлениях народа, в мордовских сказках оживает природа, говорят тотемы-животные, птицы, деревья; дикие утки превращаются в девушек. Ряд метаморфоз совершается с героями, которые, спасаясь от преследования, поочередно превращаются то в корову, то в старую церковь, то в озеро и карася («Ведьава») [3. С. 67–77]. Убитая девушка становится кудрявой березой, а скрипка, изготовленная из нее, начинает петь человеческим голосом.

В основе многих мифологических сказочных сюжетов лежат анимистические и тотемистические представления мордовского этноса, сложившиеся в глубинах тысячелетий и отразившиеся в устной поэзии. Сюжеты сказок всегда развиваются в русле национальной мифологической парадигмы и связаны с повседневной трудовой, хозяйственной, бытовой жизнью народа. Таков, к примеру, эпизод из сказки («Ведьава» – «Богиня воды»), где в течение ночи герой освобождает участок от леса под пашню, распахивает его, засеивает, получает урожай, из которого выпекает хлеб.

Мифологическая основа характерна и для многих народных песен и песен-сказок. По наблюдениям исследователей, «песни-сказки вместе с балладами составляют мощный пласт эпических и лиро-эпических произведений с элементами мифологии, народной фантастики и сказочности» [2. С. 7–8], как, например, песни о том, что *Масторонть кирдить колмо калт* / Землю держат три рыбы... *Масторонть вансызь колмо калт* / Народ охраняют три рыбы... [2. С. 209].

Мифологичен цикл песен о земной девушке Литове («Литовань кудат кевкстнесызь»), сосватанной Пурьгине пазом («Богом грома») своему сыну Ёндолу («Богу молнии»).

Мифологические мотивы звучат в песнях «Удалакшнынь чачомодо» («Удалась я...»), «Раужонь паро Андямо» («Темно-русый славный Андямо»), «Сисем иеть Андямо Рав лангсоль» («Семь лет Андямо был на Раве»), «Туян, тетякай, Рав лангов» («Уйду, батюшка, на Волгу») в которых богиня Ведява, Равава, Кумбава («Богиня водной стихии») за переезд через реку в качестве платы требует у девушки водный оброк – ее ребенка, а у рыбака – сына [2. С. 223, 237, 248, 256].

Песни-сказки богаты и другими мифологическими сюжетами. Так, к примеру, в песне «Патят-сазорт колмонест» («Три сестры живут втроем») повествуется о чудесных перевоплощениях трех сестер, которые отправились на поиски младшего брата:

<i>Поки патясь сон теевьс ясной соколокс,</i>	Старшая сестра оборотилась в ясного сокола,
<i>Омбоце патясь теевьс цянавакс,</i>	Вторая сестра – в ласточку (бога),
<i>Колмоце сазорось арась меш авакс.</i>	Третья сестра – в пчелиную матку.

[2. С. 260].

В этом же сюжете появляется устойчивый мифологический признак «живая вода», свойственный сказкам:

<i>Кода симдекишнызь пижине дугаст</i>	Как напоили родного братца
<i>Живой веднеде, ойме веднеде</i>	Живой водой, живительной влагой,
<i>Сесте вельмекшнесь пижине дугаст...</i>	Ожил их родной братец...

[2. С. 260].

Мифологические мотивы характерны и для многих других фольклорных произведений, собранных Евсеевым.

В 1892 г. М. Е. Евсеев опубликовал описание «Мордовской свадьбы», получившее высокую оценку научной общественности. Он впервые обратил внимание на мифологическую основу свадьбы мокши и эрзи. Так, уже с момента сватовства, человек, посланный для предварительных переговоров с родителями в дом невесты, «обязательно садится под матицу (местопребывание домашнего бога)» [7. С. 11]. Представления о мифологических существах, покровительствующих свадьбе, в сознании мордвы существуют с языческих времен, что непосредственно отразилось на обряде свадьбы и свадебном сюжете в фольклоре свадьбы: в сценах обращения к Куд-аве [7. С. 20], «вышнему богу, создателю серебряному», к хранителю двора батюшки, «Кардаз-сярко» родительскому; в извинениях перед *Лисьмань кирди тейтерьне* («Покровительнице колодца») за причиненные неудобства [7. С. 25–26].

Из того же мифологического ряда – обращение к «покшт покштинень, бодинень, мода мазы бабинень» – «великим дедам, дедушкам, красы земли бабушкам» и приглашение предков на свадьбу [4. С. 27–30]; поминание прадедов [7. С. 30–31]; оплакивание в вечерних причитаниях своего символического образа девичества – «Тейтерьксчи» [7. С. 56–58, 59]; описание символа замужества – «Урексчи» [7. С. 58].

Мифологизм мышления, образы, связанные с мифологическим представлениями, проявляются и в предметном мире свадьбы. Так, в ходе приготовления к свадьбе, пекутся ритуальные пироги, в частности «Лувонь кши», олицетворяющий архаичные представления о мироздании. Таковы и пирог «Ванькс таркань пряка» или «Атявань пола», с которым невесту выводят «на чистое место» прощаться с умершими предками; а также пироги «Одирвань потть» («Девичьи груди»), по суевериям, олицетворяющие здоровье молодой и гарантирующие изобилие материнского молока у роженицы [7. С. 89–91].

С мифологическими представлениями о нечистой силе (ведьмах и колдунах) связаны обереговые ритуалы и действия в ходе всей свадьбы. С ними соотносится и «Тейтерьксчинь баня» («Баня девичества»), и причеты, сопровождающие ее. Считалось, что «Тейтерьксчинь баня» выполняла такие важные функции в обряде, как очищение, оберег [11. С. 268].

Есть интересные предположения о «воссоединении», «бракосочетании» невесты с духом бани для обеспечения будущей плодовитости [8. С. 175; 9. С. 128–129], о функции «отлучения» девушки от своего рода и его духовных покровителей как и подготовки ее для перехода в родовой коллектив мужа [12. С. 128]. У мордвы считалось, что с момента расплетения девичьей косы и деления ее на две, одна коса переходит в руки домового жилища супруга, а вторая остается в руках домового отцовского очага [10]. Можно говорить об особой значимости функции «отчуждения» девушки как от девичества, так и от семьи и защиты родовых духов-покровителей [11. С. 268].

Трагическая тональность причетов, вероятно, связана с памятью о жертвоприношениях, о чем может свидетельствовать речитация мифа. Обратившись к богине бани, невеста просит ее: «Баня-авушка, матушка, сияка... пси паросот пидимак, пиже качамосот артумак, ашо кулов пульнесэть вельтямак» («Богиня бани, матушка, горячим паром обожги меня, густым дымом окутай, белой золой покрой») [13. Л. 260б.]. В лексике причета встречается слово *кулов* (зола), слова того же корня (*кулозь*, *улов*) в мордовских языках используются в значении «умерший», «труп». Эта терминология восходит ко времени погребальных обрядов, когда совершались трупосожжения. Торжественный строй причетов наталкивает на мысль о строгом ритуальном характере девичьей бани, за которым вполне могли следовать какие-то инициационные акты, возможно, даже с жертвоприношениями [11. С. 268].

Мордовская свадьба как один из наиболее значимых обрядов жизненного цикла в своем составе содержит значительное число мифологем, дающих представление о мифологическом восприятии мира в историческом прошлом, что получило отражение в работах М. Е. Евсеева «Братчины и другие религиозные верования мордвы Пензенской губернии», «Мордва Татареспублики».

Так в «Братчинах...» Евсеев описывает обряд поклонения священному *штатолу* – *озкс*, олицетворяющему древний культ огня, а восковая свеча символизировала занятия пчеловодством. Здесь же описаны моления – *юрт озкс*, *калдаз озкс*, посвященные *юрт-аве* и *калдаз-аве*, чтобы они защитили дом от болезней, различных напастей, а также приумножили скот, сохранили его от падежа [1. С. 353]. Глава «Прощённые липы» посвящена чудесным свойствам деревьев, способных (по представлениям мордвы) отвращать гнев раздраженных богов и получать от них прощение; помогать женщинам-неродихам (бесплодным) [1. С. 355].

В очерке подробно описан праздник в честь *Вермавы* (матери-вербы) [1. С. 365]. Особое внимание Евсеев уделил культу предков [1. С. 367], в честь которых топится *атянь баня* – баня предков. В великую субботу приглашают предков на пасху, для них накрывают праздничный стол, готовят *атянь пуре* – напиток предков, стелют постель, зажигают *атянь штатол*, около которого кладут шапку (*атянь шапка* – шапка прадедов), куда собирают предназначенные в дар предкам монеты, яйца [1. С. 367–368].

В 1925 г. М. Е. Евсеев опубликовал очерк «Мордва Татареспублики», где представлен миф о строительстве Казани [4. С. 386]. Там же охарактеризованы божества, которых «у мордвы было множество: все они были человекообразны,

телесны, обладали способностью принимать различные виды животных, птиц и рыб» [4. С. 395]. Ученый пишет о том, что «эрзя называет богов “паз” – бог, или словом “ава” – мать (“вере-паз” – верхний, небесный бог; “мастор паз” – земной бог; “керень-шочконь паз” – бог лубка и бревна, т. е. дома; “норов-ава” – богиня плодородия; “ведь-ава” – богиня воды), а мокша – словом “шкай” или “ава”» [4. С. 395]. Евсевьев выделил несколько разновидностей озксов в честь божеств (общественные, семейные и случайные) [4. С. 397–403]. Этнограф обращает наше внимание на обряде имянаречения молодой – *лемдима*, полном магического таинства [4. С. 405–406].

В своих работах М. Е. Евсевьев подчеркивает, что в произведениях мордовского фольклора проявляется мифопоэтическое восприятие мира народом, жизнь в тесном окружении языческих божеств, небесных и земных покровителей, созданных богатым воображением народа. Сбор и систематизация ученым фольклорных материалов, религиозных обрядов и молитв способствовали в дальнейшем изучению и раскрытию сложной картины мировоззренческих представлений мордовского этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Евсевьев М. Е.* Братчины и другие религиозные верования мордвы Пензенской губернии // Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 342–385.
2. *Евсевьев М. Е.* Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1963. Т. 2. 528 с.
3. *Евсевьев М. Е.* Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1964. Т. 3. 412 с.
4. *Евсевьев М. Е.* Мордва Татреспублики // Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 385–408.
5. *Евсевьев М. Е.* Образцы мордовской народной словесности: мокшанские песни. Казань: Тип.-лит. Императ. ун-та, 1897. Вып. 1. 32 с.
6. *Евсевьев М. Е.* От составителей // Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 5–9.
7. *Евсевьев М. Е.* Мордовская свадьба // Избр. труды: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. С. 7–341.
8. *Кагаров Е. С.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929. С. 152–193.
9. *Плесовский Ф. В.* Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. 320 с.
10. Полевые материалы автора. Записано со слов Натальи Афанасьевны Арташкиной 1913 г. рожд. в с. Косогоры Большеберезниковского р-на РМ (1996–1997, 1999).
11. *Рогачев В. И.* Свадьба мордвы Поволжья. Саранск, 2004. 386 с.
12. *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 106–130.
13. Центральный государственный архив Республики Мордовия. ФР–267. Оп. 1. Д. 65. Л. 26 об.

Поступила в редакцию 10.09.2014

V. I. Rogachev

**Mythological Concepts of the Moksha and Erzya
(on Folklore and Ethnographic Materials of M. E. Yevseyev)**

Mythological concepts of the Mordvins on the material of folklore (songs, fairy tales) and ethnographic realities are examined. Worldview aspects are revealed. The plots are developed in the framework of the national morphological paradigm, formed ethnic notions; they relate to everyday, household life of the people. Songs-tales with ballads are a powerful stratum of epic and lyrical-epic works with elements of mythology, popular fiction and fabulousness.

Keywords: mythology, folklore, plots, animism, totemism, songs-tales, rite, fantasy, bath of ancestors.

Рогачев Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева»

430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а

E-mail: rogachev-v@bk.ru

Rogachev Vladimir Iljich,

Doctor of Sciences (Phylology), Professor,

The Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E Yevseyev

430007, Russia, Saransk, Studencheskaya St., 11a

E-mail: rogachev-v@bk.ru

М. В. Серова

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
ЛЮДМИЛЫ КУТЯНОВОЙ***

В статье раскрываются особенности индивидуального мышления удмуртской поэтессы Людмилы Кутяновой, обусловленные спецификой национального психотипа. Демонстрируется конструктивная роль поведенческих «стереотипов» в выборе жизненной стратегии лирической героини, статус которой определяется миссией сохранения общекультурной памяти, что комментирует позицию биографического автора в отношении к собственному творчеству.

Ключевые слова: мифопоэтика, архетип, идентичность, «личная философия», менталитет, поведенческий «стереотип», женская лирика.

На сегодняшний день имя Людмилы Кутяновой прочно вписано в контекст удмуртской женской поэзии наряду с именами Татьяны Черновой, Аллы Кузнецовой, Галины Романовой. Однако этот литературный контекст мало знаком русскоязычному читателю в связи с совокупностью очевидных социокультурных обстоятельств.

Во-первых, как констатировала Л. П. Федорова, «в удмуртской литературе женская литература имеет лишь вековую традицию, женщина-удмуртка заявила о себе только в начале нашего (уже прошлого. – М. С.) столетия» [6. С. 155].

Во-вторых, несмотря на то, что поэзия названных авторов переведена на русский язык, она, в силу своего этнического генезиса, требует так называемого двойного перевода – с русского на русский: подобная процедура, на наш взгляд, – единственный путь к межкультурному диалогу, позволяющий сконструировать и модель общенационального сознания, и систему «личной философии» [4. С. 32] каждого автора.

По поводу семантических и эстетических возможностей перевода известный этнограф и историк В. Е. Владыкин выразился афористически безукоризненно:

* Работа выполнена при поддержке проекта № 12-И-2021 Президиума УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуальные художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX века».

«Перевод, как говорится, тот же ковер, но с изнанки» [1. С. 294]. Он сформулировал также мысль, объясняющую инвариантность тем и мотивов женской поэзии, о которых писала В. Г. Пантелеева [4. С. 168–187]. С поверхностной точки зрения, их можно воспринимать как однообразие смыслового и эмоционального диапазона, что затрудняет разговор о «личной философии»: для удмуртского уклада ценно понятие *обицины*: «...община всегда проповедовала “быть сообща”, “как все”, “не выделяться”. Это была своеобразная философия социальной мимикрии, человек как бы полностью растворялся, терял свое лицо, точнее, он его так и не обрел [...]. Очевидно, не случайно в удмуртском языке так и не выработалось понятие “личность”» [1. С. 260].

Тем не менее в XX в. национальное мироощущение, воплощенное в художественных формах, осуществило эволюцию, которую по отношению к женской литературе весьма рельефно прочертила Л. П. Федорова: «Удмуртская женская литература, на мой взгляд, представлена тремя волнами, в которых четко обозначены следующие периоды: 1920–1930-е гг. (Ашальчи Оки, Мария Баженова [...]), 1960-е гг. (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и пр.), 1980–1990-е гг. (Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Галина Романова...)» [6. С. 155].

На наш взгляд, весьма примечательно, что Людмила Кутянова прочно связана с третьей волной художественных поисков в удмуртской литературе, то есть с периодом, когда, по мнению В. Л. Шибанова, в национальной культуре ярко проявил себя этнофутуризм [7. С. 247] – направление, к которому принято относить совсем других авторов: М. Федотова, П. Захарова, самого В. Шибанова, Р. Мина, С. Матвеева, Л. Нянькину и др. [2].

Однако, со ссылкой на Ф. К. Ермакова, В. Л. Шибанов отмечает, что этнофутуризм – очень широкое понятие, так как, с точки зрения Ф. К. Ермакова, Кузубай Герд и Ашальчи Оки – «лучшие футуристы [...] зато с творчества современных этнофутуристов О. Четкарева и В. Ар-Серги начинается [...] закат истинного этнофутуризма» [7. С. 241].

В. Л. Шибанов же считает, что «этнофутуризм – это диалог с фольклором, точнее, архаической мифологии с постмодернистской современностью» [7. С. 248].

Если абстрагироваться от эстетики абсурда, неотъемлемой составляющей этнофутуризма, а сделать акцент на глубинном этническом компоненте удмуртской женской поэзии, то именно в ней можно почувствовать мучительную попытку диалога поэтического сознания, базирующегося на древних архетипических структурах, с современностью, ибо, как пишет В. Е. Владыкин, «именно через женщину передавалась религиозно-мифологическая информация [...]». Удмуртские предания связывают воршудские названия с именами “счастливых женщин”, прародительниц, которым впоследствии стали поклоняться удмурты» [1. С. 279].

Важно также учесть мысль В. Г. Пантелеевой о том, что «...национальная среда и опыт формируют социальный стереотип – “модель поведения” человека, которая ярче всего, пожалуй, бывает спроецирована в любовной лирике, а ранее – в народной песне» [5. С. 169].

Этот стереотип проявляется в таких тематических комплексах женской поэзии, как: «любовь – горе, беда, боль, несчастье», «любовь – разлука, одиночество», «любовь – неутоленное ожидание», «любовь – страх потери счастья», «любовь – жалость», «любовь – горькая судьба, участь, доля» [5. С. 169]. Конечно, тот же стереотип можно встретить и в русской (женской и не женской) поэзии, но именно в удмуртском поэтическом сознании интенсивно выражено «очень четкое противопоставление любви счастью» [5. С. 169].

Своеобразие поэзии Л. Кутяновой Л. П. Федорова видит в том, что она «реалистична и песенна» [6. С. 166]. В. Г. Пантелеева в характеристику лирической героини поэтессы включает следующие качества: «Она креативна, т.е. сверхчувствительна, наделена обостренным воображением, даром прорицания, склонна к бреду, полету души, магии...» [4. С. 41].

Эти общие наблюдения, учитывающие литературный контекст, бесспорны, однако они не снимают вопроса о «личной философии», определяющей статус автора и место в истории литературы – в более широком дискурсе, нежели национальный, хотя, разумеется, без учета этнического компонента эту философию вряд ли возможно реконструировать.

На наш взгляд, наиболее декларативным является стихотворение Л. Кутяновой «Так хочется жить», открывающее ее подборку в сборнике «Мир женской души» [3]:

Так хочется жить,
Чтобы сердце взмахнуло крылами,
И взлетело бы к звездам полночным,
И светило бы оно вместо солнца...
Так хочется жить.

Так хочется жить...
Чтобы мысли мои расцветали,
Как сады на ухоженных землях,
Чтобы мысли мои городами
Вырастали, как мощные горы...
Так хочется жить.

Так хочется жить,
Чтобы ты среди разных имен
Только имя мое отличал бы...
Чтобы ты обессилен, когда
Вдруг посмеешь покинуть пределы
Мной любимого дома. И снова
Чтобы в дом ты вернулся, любимый...
Так хочется жить (С. 14)*.

В трех десятистрочных строфах выражены основные ценности лирической героини. Строфы скреплены шестикратным повтором: «Так хочется жить», – выполняющим сакральную, магическую функцию. Аксиологическая

* Здесь и далее тексты Л. Кутяновой цит. по [3] с указ. стр. в скобках.

шкала, обеспечивающая героине витальность, базируется на эмоциональной и интеллектуальной целостности ее как субъекта речи, вписанного в идеальную модель мира. По вертикали «верхом» этой модели являются «звезды», «солнце», в середине – «сады», «горы» и только внизу – «дом». Но именно понятие «дома» сопровождается эпитетом «любимый», соотносимым также с героем и даже отождествляемое с ним. В этом смысле креативное начало героини проявляется не только на уровне женской магии (сакральный повтор), но и на уровне активного мужского жизнестроительства. Как пишет В. Е. Владыкин: «...он (крестьянин. – М. С.) своими руками готов строить этот совершенный, по его воззрениям, мир, причем, не где-нибудь за тридевять земель, в каких-то обетованных странах, не в небесах, а вот тут на родной земле, прямо у себя на дворе» [1. С. 311–312].

Так в контексте религиозно-мифологического архетипа в поэтическом сознании Л. Кутяновой преодолевается модель поведения, связанная с переживанием национальной депрессии, обусловленной более поздними культурно-историческими катаклизмами, что, конечно, не устраняет в ее стихах ни общечеловеческого, ни чисто женского трагизма.

Общечеловеческий трагизм обусловлен в первую очередь переживанием неумолимого бега времени, который женской натурой ощущается наиболее остро. Об этом – стихотворение «Идут года»:

Идут года, идут.
Их не удержишь никакой мольбой,
Не остановит их запрет любой,
Любой тобой построенный редут, –
Они идут, идут.
Морщины оставляя на челе,
На сердце раны. Видно, на земле
Уже не зарубцуются они,
И оттого печальны наши дни (С. 15).

Общепозитическая рефлексия индивидуализируются здесь смысловым нюансом, суть которого – в понимании, что перед вечностью бессильно даже Слово в его сакральной молитвенной функции, чутко воспринимаемой удмуртским национальным сознанием. Любой этнос конструирует идеальную модель мира именно в процессе молитвы. Как пишет В. Е. Владыкин, «Слову придавался сакральный смысл. Сама заклинательная речь уподоблялась акту магического творения, достижению желаемого» [1. С. 298]. Таким образом, несмотря на актуальный для поэтического сознания Л. Кутяновой религиозный архетип, романтический идеал бессмертия нивелируется трезвым реализмом, основанным на эмпирическом опыте.

Ее концепция жизни укладывается в афористическую формулу, лаконизм которой говорит сам за себя:

Наша жизнь –
Это крик единственный
От рождения до упокоения,
Крик отчаяния и мольбы:

«Полюби меня!
Полюби!» (С. 21).

В качестве адресата обращения уместно понимать не героя традиционных чувственных переживаний, а трансцендентный абсолют, т.е. Бога, которому подвластны логика и содержание человеческой жизни – «от рождения до упокоения», о чем свидетельствует указание на жанровый архетип: «крик мольбы».

«Мольба» как инвариант молитвы – пожалуй, наиболее характерная для лирического мышления Л. Кутяновой поэтическая форма, во многом определяющая специфику выражения любовных чувств лирической героини. Иногда эта форма обозначена прямо, как в стихотворении «Мольба». Порой – в словесной формуле «Помоги мне», вынесенной в название, с самого начала проявленной мольбой о духовной помощи, и эмоционально усиленной кольцевым повтором в финале:

Ты помоги мне,
Слышишь,
Милый мой... (С. 24).

Основной корпус этого текста составляют портрет героя и внутренняя характеристика, представляющие его как экзистенциальную загадку для героини, чем опровергается традиционный женский стереотип о примитивности мужской психологии:

О, ты не прост.
Скажу наверняка.
Тебе легли на плечи облака,
И золотые солнышка лучи
В твоих кудрях играют до ночи.
И ветер удивляется тебе,
Себя с тобою чувствуя слабей.
И даже ветер, слышишь, милый мой,
Защиты ищет у тебя порой.
Ведь ты большой,
О, ты такой большой! (С. 24).

С архетипической точки зрения, перед нами, вероятно, образ древнего Алангасара, с которым героиня, однако, дерзает вступить в духовное состязание:

Ты гордый! Да
Смирить твою гордыню
Решила я (С. 24).

Однако ее решимость не опровергает первичности мужского начала, с которым связываются и языческие, и христианские представления о Боге. В данном случае цель героини не в утверждении женской самости, а в попытке реализации собственного духовного роста («чтоб вырасти с тебя величиной»), что неосуществимо без духовно-волевой поддержки героя, обеспечивающей ей внутренний стержень – непоколебимый «ствол».

Стереотип об упрощенности мужской психологии разрушается и в других стихах Л. Кутяновой, где герой – всегда тайна, разгадка которой сопоставима с ее самопознанием:

А в глазах у тебя
Что за мир потаенный такой?
Рядом был, не сказал ничего
И унес мое сердце с собой (С. 43).

Идеализация героя-великана формирует в мироощущении лирической героини образец (как выше сказано) духовного роста, связанный с религиозно-мифологическим культом деревьев:

Словно люди, деревья
Все спешат, подрастая,
Все растут,
 свои ветви
В небеса простирая...

Ах, березка, не скрою,
Я, как дерево.
 Мне бы
Дотянуться рукою
До высокого неба...

С каждым годом все выше
Я расту,
 как деревья.
Выше звездного неба,
Где никто еще не был... (С. 18).

Здесь деревья воплощают ту самую духовную вертикаль, символизирующую стремление к Богу, мечту о трансцендентной высоте, связанную с идеей самосовершенствования в мироздании.

В традиционный для лирики межличностный уровень взаимоотношений мужчины и женщины поэзия Л. Кутяновой включает элементы «личной философии», обеспеченные ее этнокультурным психотипом. Приведем в пример стихотворение «Рождение любви»:

Сердце страшится еще
 предстоящих вздохов глубоких.
Сердце лукавит еще,
 боясь перемен,
Сердце стремится еще
 обойти эту клетку сбоку –
Черным ходом сбежать и от верности, и от измен (С. 22).

Любовь в человеческом, а не в метафизическом измерении, связана в ее поэтическом мире с чувством страха перед ситуацией духовной несвободы, ибо эта ситуация, в которой человек (не важно, женщина или мужчина, гендерный статус лирического субъекта в тексте не обозначен) лишен личной инициативы

и вынужден подчиняться роковой неизбежности, предопределенной его человеческой сущностью:

Но – задвинут засов –
И уже не поможет ни шепот, ни крик (С. 22).

Трагизм любовной ситуации в лирике Л. Кутяновой во многом определяется диалектикой «судьбы» и «случая», их драматическим несовпадением:

Средь многих лиц в толпе –
Одно мелькнуло...
Мне сердце подсказало: это – ты!
Всю память наша встреча всколыхнула,
Все прошлые и новые мечты.

Но возвратились с полпути обратно
Все чувства,
Пробужденные тобой.
Лишь потому, что стало мне понятно:
Ты не признал меня, желанный мой (С. 23).

Важно отметить свойственное ее лирической героине философское отношение к этой диалектике. Так называемая «не-судьба» не опровергает ценностного статуса отношений «сердце в сердце», поскольку, если даже герои разошлись в реальных жизненных обстоятельствах, взаимность все равно осуществилась на тонком, эмоциональном, психологическом уровне. Этот план взаимоотношений сопровождают образы-символы: «солнце», «молния», «звезда» (в стихотворении «Любимому моему»):

Вспыхнет молния в небе – и нет следа.
И забудет о ней звезда.
Сердце в сердце живет порой,
Мой красивый, любимый мой (С. 49), –

придающие ситуации не индивидуально-психологический, а универсально-мифологический смысл.

Такая жизненная установка позволяет лирической героине достойно справиться с «расхождением с судьбой», подавлять свои душевные порывы, признавая самодостаточность «другого» и «другой» – той, которой она оказалась предпочтена («Иди», «Играла легко...», «Я не виновата», «Другая», «Кольцо», «Свадьба», «Смущение» и пр.).

Во всех этих стихотворениях варьируется ситуация рефлексии: насколько человек способен влиять на исход того или иного случая, виновен ли он в личном трагизме. В стихотворении «Я не виновата», построенном на характерном для Л. Кутяновой приеме закольцовывания текста формулой, вынесенной в название, представлен личный итог ее размышлений:

Все искала тебя, исходила моря,
Опускалась в глубины – на самое дно,
В облака поднималась... Вина ли моя,
Что с тобою не встретились мы все равно.

Научиться бы жить. Только как без тебя?
Ты всегда был моим неувиденным сном.

Догорела надежда. И знать, не судьба.
Видно, ты стороною обходишь мой дом...

Луч искал тебя,
в сердце родившись моим,
И вернулся назад. Виновата ли я? (С. 33).

Если на психологическом уровне лирическая героиня Л. Кутяновой, как мы уже говорили, стремится к духовной соразмерности волевому мужскому началу, на поведенческом уровне она остается верной национальному психотипу: застенчивости или робости по отношению к жизненным (в частности любовным) обстоятельствам. В стихотворении «Я навстречу милому шагну ли?» скромность не позволяет женщине проявить инициативу, обещающую ей почти гарантированное счастье с возлюбленным, при всем том, что она чувствует взаимное влечение («...ведь, похоже, / Обо мне задумался он тоже»). Результат ее колебаний – «опоздание», утрата, одинокий удел: «Оглянулась – вижу: опоздала...» (С. 31).

Характерно, что герой тоже не решился сделать первый шаг навстречу судьбе, так что робость по отношению к жизни в этническом дискурсе – отнюдь не гендерная характеристика, что в целом придает развернутой межличностной ситуации общечеловеческий смысл.

Тем не менее женскую «потерю» в данном случае можно воспринимать как «обретение»: героине удалось остаться самой собой, сохранить и свою женскую, и национально-культурную идентичность, то есть психологическую целостность.

Об этом же – стихотворение «По-разному приходит к нам любовь», где вновь говорится о бессилии человека перед логикой жизни, о невозможности спрогнозировать счастье, ухватиться за «однажды» и бесстрашно встретить случай как вожаемое «волшебство»:

По-разному приходит к нам любовь,
Ее путей к сердцам не распознать.
Хотела в мае встретиться с тобой,
Но вот сентябрь. И сколько можно ждать?

Возможно, утратилась, что мечты
Однажды рухнут? Или взгляд его
Тебя испепелит, и станешь ты
Его рабой. Исчезнет волшебство...

Однажды он пришел и рядом сел,
Но робко, как случается во сне.
И кто из нас двоих был так не смел?
Прости, что я тоскую по весне (С. 58).

«Тоска по весне» – это тоска по зарождению новой жизни: лирическая героиня Л. Кутяновой, в силу своего этнического менталитета, ощущает биологические ритмы природного космогонического цикла, от которых напрямую зависит ее эмоционально-психологическое состояние. Особенно обостренно переживает она переходные периоды в природе, передаваемые через олицетворение при-

родных явлений. Таким образом, в ее поэзии воссоздается почти мистическая атмосфера, царящая в мироздании. Например, в стихотворении «Февраль» этот месяц представлен в образе злого языческого божества, участвующего в ежегодно повторяющейся схватке между жизнью и смертью:

Летит февраль, деревья гнет к земле,
На вой уже похожи взрывы смеха.
Весь мир мечтает погresti под снегом,
Весну предчувствуя, становится все злей (С. 19).

Лето воспринимается как пик жизни («Когда зацветает цветок грозы»), однако и в эту пору героине свойственно чувствовать приближение конца жизненного процесса, происходящего не только в природе, но и на уровне духовно-биологического существования человека: «Весть августа придет потом...» (С. 20).

Именно переживание неотвратимой смены периодов умирания и оживления побуждает лирическую героиню ценить витальные моменты полноты бытия. Драматизм существования (бытовой и экзистенциальный) преодолевается в процессе растворения в природе, обеспечивая ей условия духовного полета («Обнимусь с травой густою...»):

Позабуду все печали –
Жить с печалью не хочу!
Крепнут крылья за плечами,
Вот возьму и улечу! (С. 28).

В эмпирическом же ракурсе существования лирической героини есть в стихах Л. Кутяновой единственное указание на возраст и житейский опыт («Мечтаю...»):

Но возраст
Не дает уже расправить крылья.
И сын подрос.
И груз обид и слез – растет (С. 57).

Так же фрагментарно обрисована повседневность жизни в не очень характерном для поэтического мироощущения Л. Кутяновой стихотворении «В дождь»:

Снова сумрачный день, снова тяжкая мгла
Мне высокой тоскою на плечи легла,
И небесные воды, покинув жилье,
До краев переполнили сердце мое.

Дождевую слезу на ладонь я приму.
Истрадавшейся, кто мне ответит: кому
Предназначен течением будущих дней
Этот сумрак души моей, веры моей?..

Кто ответит душе? Замирает душа.
Дождь идет не спеша, дождь идет не спеша... (С. 47).

В данном случае «сумрак души» подвергает сомнению веру в смысл личностного существования человека.

Однако помимо ценности личного статуса человека в бытии, в стихах Л. Кутяновой активно выражена идея родового начала, посредством которой реализуется не только стоицизм перед лицом жизненной трагедии, но и так называемое «веселье в печали»:

Муж любимый ее взят проклятой войной.
Было счастье и вот – будто смыло волной.
Вечерами Матрена песни дочери пела,
И на сердце ее как-то сразу тепло.

А ночами глухими горем полнилась грудь,
Не могла до утра глаз в потемках сомкнуть.
Сколько в пламени слез дум горячих сожгла!
Но не гасла надежда, в сердце радость жила.

Словно свет лучезарный эта вера горит.
Буйной радугой красок в сердце радость хранит.
А соседи порой головою качали,
Удивлялись: «И что за веселье в печали?...» (С. 17).

В удмуртском менталитете представления о счастье связываются в первую очередь с детьми как символом будущего, а песня для удмурта – непереносимое условие «веселья в печали». В женском исполнении – это способ реализации жизнеустойчивого эмоционального психотипа. Именно песней преодолевается усталость от повседневных забот и межличностных неурядиц. В песне растворяются бытовые обиды («Сердце устало страдать...»):

Любовь моя, неужели
Мы свою песню допели?
Новый рождается день,
Твоя растворяется тень (С. 48).

В песне осуществляется акт личной и общечеловеческой памяти: так удмуртский менталитет сохраняет национальный культурный код, в котором зашифрована тайна жизни и смерти и заключен потаенный смысл любви:

Свистал и щелкал соловей
Среди раскидистых ветвей
Черемухи твоей.

Он пел о том, как я жила,
Как я любила и ждала,
Как счастье я звала...

Отмерив долгий срок земной,
Пройдет ненастье стороной –
Я вспомню о тебе, родной... (С. 32).

В творчестве Л. Кутяновой тема любви выходит за рамки психологического дискурса, разрастаясь до мифопоэтической концепции принципа мироздания. Любовь как главная универсалия бытия – единственная правда спасения души в вечном круговороте смертей и рождений:

Правда ли то,
Что лишь ради Земли
Солнце восходит каждым утром?..

Правда ли то,
Что для счастья на Свете
Люди рождаются и живут?..

Любимый уходит....
Ну, что же ты? Останови! (С. 41).

Это знание лежит в основе ее генетической памяти, сохраняющей рудименты общечеловеческой утопии о гармонической связи мира и человека. Эту память, реализуемую в акте поэтического творчества Л. Кутяновой, ее героиня стремится активизировать в людях:

Помнишь?
Васильков букет,
Средь колосьев созревших,
Шелест в твоей руке,
Нежно колоски ласкавшей.
Помнишь?..

Помнишь?
Жаворонок нам
Песню пел и ты был рядом.
И счастливей быть не надо, –
И не будешь никогда...
Помнишь? (С. 27).

В сущности, позиция автора в творчестве Л. Кутяновой сводится к реализации женской миссии, в архетипическом статусе состоящая в том, что именно женщина в удмуртской мифопоэтической картине мира – хранительница и национальной памяти, и общечеловеческой мудрости. Этот опыт содержится в ее подсознании и определяет так называемые поведенческие стереотипы лирической героини, обеспечивающие ее достоинство перед обостренно переживаемой трагедией жизни:

Спрятанной на самом дне
Смелости на грош во мне.
Мне бы впору распрявиться –
Храбрая я лишь во сне.

Разве сердце проведешь?
Поумнело сердце. Что ж –
Мне бы в пору похвалиться:
Знаю правду, знаю ложь.

Та, что жизнью названа,
Унесет тебя волна,
Наши голоса и лица
Буду помнить я одна (С. 46).

Таким образом, органично впитанный этнический психотип не ретуширует индивидуальное «эго» Л. Кутяновой, а напротив, рельефно проявляет его, свидетельствуя о том, что в удмуртской поэзии XX в. сформировалось выстраданное национальной культурой понятие «личность».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифопоэтическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
2. Душенкова Т. Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов. Ижевск, 2013. 168 с.
3. Мир женской души: Стихи / Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Алла Кузнецова, Галина Романова; пер. с удм.; сост., предисл. А. Зуевой. Ижевск: Удмуртия, 1992. 256 с.
4. Пантелеева В. Г. Инвариантные мотивы в удмуртской женской поэзии // Удмуртская литература XX века. Направления и тенденции развития. Ижевск, 1999. С. 32–47.
5. Пантелеева В. Г. Тема любви в удмуртской лирике: инварианты и метаморфозы // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 168–189.
6. Федорова Л. П. Краткая история удмуртской женской литературы // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 155–168.
7. Шибанов В. Л. Современность и этнофутуризм // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 245–252.

Поступила в редакцию 18.08.2014

М. V. Serova

Specifics of Artistic Thinking of Lyudmila Kutyanova

The article reveals the peculiarities of individual thinking of the Udmurt poet Lyudmila Kutyanova, conditioned by specific of national psychotype. The constructive role of behavioral stereotypes in choosing a life strategy of the lyrical heroine, the status of which is determined by the mission of preserving cultural memory is demonstrated. This comments the position of the biographical author in relation to his own creativity.

Keywords: mythopoetics, archetype, identity, ‘personal philosophy’, mentality, behavioral ‘stereotype’, female lyrics.

Серова Марина Васильевна,

доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova Marina Vasiljevna,

Doctor of Sciences (Phylology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: serova1967@inbox.ru

УДК 821.511.131

В. Л. Шибанов

ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ИРОНИИ В РОМАНАХ СЕРГЕЯ МАТВЕЕВА*

Удмуртский писатель Сергей Матвеев (род. 1964), автор шести поэтических сборников и двух романов, – самый яркий представитель постмодернизма в удмуртской литературе. В его комизме юмор и сатира почти отсутствуют, на первый план выходят ирония и самоирония. Жанр романа «Шузи» («Дурачок», 1995) определен автором как «роман-болтовня», а роман «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («От имени рыбы», 2006) – как «роман-бред». В первом – герой-шизод встречается с разными представителями удмуртской интеллигенции и иронически разоблачает их высокие жизненные принципы. В формальном же плане повествования герой будто бы рассказывает о своих любовных похождениях и его интересуют только семь женщин, каждой из которых посвящена отдельная глава. Роман «От имени Рыбы» – как цепь странных и эротических сновидений. Сюжет построен по принципу ризомы, герой блуждает по лабиринту своих сновидений в поисках любимой женщины (ТЫ). Кто она, из текста не ясно, поскольку в каждом сне она превращается в разные существа (в неандерталку, в рыбу, в школьницу, жидкость в стеклянной бутылке и др.). Главный герой – утонченный интеллектual, сквозь скрытую насмешку он изображает реальность удмуртского мира.

Ключевые слова: удмуртская литература, Сергей Матвеев, смеховая культура, постмодернизм, ирония, постмодернистская ирония.

В современной удмуртской литературе Сергей Матвеев – один из самых ярких экспериментаторов. О его книгах (по сравнению с другими) в республике пишется довольно много: отмечают широкий литературный контекст, связь с традицией и одновременно непривычный образ авторского «Я», имя писателя упоминается в контексте литературного этнофутуризма и др. В анализе его романов «Шузи» («Дурачок», 1995) и «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («От имени рыбы», 2005) основное внимание мы уделим специфике иронии в этих произведениях, определенных автором как «роман-болтовня» и «роман-бред»,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-18008.

явно нацеленных на снятие «серьезности» с термина «роман», устоявшегося в удмуртской литературе.

Главный герой романа «Шузи», прикидывающийся дурачком, по ходу повествования встречается с разными представителями удмуртской интеллигенции, иронически разоблачая их «высокие» жизненные принципы. Один из первых критиков романа А. Лаптев выделил следующие определяющие его черты: неприятие жанровых канонов, игра в интеллектуализм, чрезмерный литературный контекст, интерес к теме секса, злая критика церковных интерпретаций Священного Писания. Но особое внимание он обратил на странный тип героя-рассказчика, которым движет «огпалмыса уйбыртон» – «неудержимый бред» [см.: 5. С. 43–48]. Т. И. Зайцева главную специфику романа определила так: «Странный герой, не приемлющий избитых правил и истасканных представлений, ломающий официальные понятия о норме и истине, явился своеобразной формой постижения литературой более глубоких и долговечных социально-нравственных закономерностей» [3. С. 7].

В первой и третьей главах романа-болтовни «Шузи» действие происходит в городе, в кругу национальной интеллигенции. Здесь преобладает дух постмодернистской эстетики и этики. Затем автор переносит читателя в родную деревню героя. Повествование, в котором сильны традиции реализма, осложнено, однако, едкой самоиронией.

В формальном плане роман начинается так, будто герой хочет рассказать о своих любовных похождениях и его интересуют прежде всего семь женщин, именами которых обозначены подглавы – «Валентина», «Галина», «Вера», «Татьяна», «Оксана», «Наталья» и «Анна». Тем не менее в центре внимания оказываются не они, а удмуртские писатели, ученые, преподаватели вуза и др., осмеянием которых занят главный герой.

Ирония придает повествованию С. Матвеева множество разнообразных оттенков: сомнение в устоявшихся стереотипах, утонченный или грубый интеллектуализм, стремление к разнообразной игре – языковой, поведенческой, коммуникативной и др. Стилистически «высокие» слова противопоставлены бытию дикой природы, при этом неизбежно возникает конфликт между традиционными понятиями *верха* и *низа*. Так, в одном из фрагментов герой сознательно «забывает», о чем хотел рассказать, и переходит к размышлениям о непорочном зачатии Марии, обширно цитируя на удмуртском языке родословную Христа, чтобы в нужный момент (специально даются маркеры «кылзйське ай!» (послушайте же!) и «ха-ха!» [7. С. 73]) перейти к передергиванию церковных интерпретаций Библии.

Подробнее остановимся на характере матвеевской иронии в изображении Потапа Сакырова. По сюжету романа главному герою посчастливилось поработать в редакции молодежного журнала рядом с этим мыслителем, даже, по словам рассказчика, гением, осознавшим дух и глубину «Риг-Веды». Уже фамилия его Сакыров (удмуртское *сакыр* – сахар) наполнена иронией: слащавые и «сладкие» философствования его постоянно вызывают улыбку, и неприятие одновременно. Наш главный герой «шузи» будто бы искренне впитывает в себя восточные постулаты из уст Сакырова, но вкрапления наподобие: «если не учитывать здорового

пессимизма Шопенгауэра» или поправки на Цицерона [7. С. 228, 230] – говорят о том, что он с трудом соглашается со своим собеседником и мнимо приемлет чужой пафос. Другая форма иронии – соседство высокого философского стиля Сакирова и «приземленности» его существования; не случайна оговорка рассказчика: «Если только вдруг Потап Сакиров не уедет в Тибет, не заблудится там и не исчезнет» [7. С. 228]. Так как Сакиров – еще и поэт, на страницах романа появляется множество поэтических переводов из «Риг-Веды», причем рассказчик удивлен, почему в своих стихах гений-поэт удивительно далек от восточной философии: «Йырыным шонасько но валаны уг быгатйськы, малы “öвöl поэт, Шекспир сян”» («Качаю головой и не могу понять, почему же “в мире нет поэта, кроме Шекспира”») [7. С. 228]. Отметим важный момент: в анализируемом фрагменте много диалогов, в которых Потап Сакиров поучает своего ученика, однако их роли неожиданно могут меняться, «путаться»: уже ученик философствует высоким языком восточной мудрости, а его учитель из диалога куда-то исчезает. Формально этот прием (в самом конце фрагмента) объясняется тем, что это наш герой «шузи» стоит перед зеркалом, а Потап Сакиров – всего лишь его воображаемый двойник.

Как видим, С. Матвеев использует в своем романе самые разные формы иронии, от традиционной до постмодернистской; мнимое приятие чужого пафоса нацелено на представителей интеллигенции, а разнообразная игра культурными кодами – на образ самого рассказчика «я». В тексте романа «Шузи» одни имена отсылают к другим и к чужим произведениям – и так до бесконечности, так что автор, главный герой и читатели точно блуждают по лабиринту, из которого нет выхода.

Гибридность, окрашенная специфической иронией, пронизывает и роман-бред «Чорыглэсь лущкам кылбуранъёс» («От имени рыбы»), в котором В. Ванюшев в качестве главенствующей черты выделяет «культивирование идеи эгоистического самосознания некоего отторгнутого обществом субъекта, не признающего ни морали, ни юридических законов» [2. С. 356], и оценивает его как неудачное подражание антироманам французской писательницы Натали Саррот. По его словам, если и возможно влияние постмодернизма, то только постмодернизма агрессивного [2. С. 359].

Роман-бред состоит из авторского предисловия и 129 частей. Главный герой «мон» («я») рассказывает о сновидениях, в которых он ищет образ своей любимой женщины, постоянно ускользающей от его взора. Как отмечает Алексей Арзами, «...культура письма и культура графического оформления sub specie “закомплексованного” читателя являются безобразием. Матвеев свои прозаические тексты всегда старался выстраивать по законам неоднозначной литературной моды, разбивая обычно целостный жанр романа на микроскопические фрагменты и лишая их единого сюжетного стержня...» [1. С. 12]. Сергей Матвеев использует чередование сна и яви, предоставляя читателю право самому определить их границы. Иногда внутри одного сна герой видит другой, и пробуждение оказывается на самом деле возвратом в первоначальное сновидение. Сюжет *романа-брета* строится по принципу ризомы, и невозможно предсказать, какой поворот ожидает читателя в лабиринте видений и событий. В начале глав постоянны обращения

к читателю пропустить данную часть, если он имеет что-то против тех вещей, о которых пойдет повествование, поскольку автор якобы всегда уважает выбор читателя. Основной материал текста – размышления главного героя на самые различные темы: от идеи сверхчеловека Ницше, которого автор называет Тоды Албасты (Белый Дух), до всевозможных рефлексий, в которые причудливо вплетены цитаты из книг, словарные статьи, рисунки, схемы и т. п.

Образ возлюбленной, которую ищет герой романа, это – в одноименных главах – и *неандерталка*, и *рыба*, и жидкость в стеклянной бутылке («Просьба продать тело»), и просто символическое воплощение ее идеала, чей облик меняется на протяжении всей книги; герой вроде бы находит ее, но снова теряет. Трепетность по отношению к ней сочетается с самыми «приземленными» чувствами: жаждой обладания телом и невыполнимым желанием слиться, стать одним телом, якобы бывшим когда-то единым.

Главный герой – эгоцентричный интеллеktуал, противоречащий сам себе. Он с легкостью уравнивает древнейшее китайское учение о Дао с рассказом о борьбе с герпесом на губе (глава «Поиск рифмы для “Дао”»). Он откровенно признается в том, что как эгоист с удовольствием бы растерзал весь мир. Тем не менее он испытывает самые нежные чувства, граничащие с обожествлением возлюбленной и благоговением перед ней, а себя сравнивает со сморщенной червивой половинкой яблока (глава «Пьяная голова и трезвый сон»): «...Тон – Кылдысин, тон – Кылчин, тон мукет дуннеысь лулос. Мон адыми; адыми – кырсь, адыми – урод...» («...Ты – Кылдысин (удмуртское верховное божество), ты – ангел, ты создание из другого мира. Я – человек; человек грязный и плохой...») [6. С. 98].

Помимо ключевых образов, в романе фигурирует целая галерея второстепенных, не менее абсурдных, чем главные герои, странных в своих поступках. Само наличие их вызывает недоумение: это и летающий штепсель из главы «Кафка и Дали», пытающийся лишить главного героя его «мужского достоинства»; и совокупляющиеся куриные тушки без крыльев и голов в главе «Бескрылые и безголовые курицы» и др. Появляются такие личности, чье присутствие вызывает удивление, пока читатель не вспоминает о постмодернистской иронии и абсурдности сновидений. В главе «Эмоция под названием Я» это Иисус Христос, лежащий под плащаницей и поворачивающий голову по направлению руки главного героя; или образ ребенка из главы «Прогулки с ребенком, который еще не родился» и др. Автор играет с читателем, персонажи абсурдны в своем существовании и в своих поступках. Вспоминаются слова В. Курицына: «...не текст существует по законам мира, а мир по законам текста» [4. С. 227].

«Чорыглэсь лушкам кылбураньёс» – переводится буквально как «причитания, украденные у рыбы». Почему у *рыбы*? Она же не может *причитать*. Или: С. Матвеев отвечает, расчленив слово *Кылдысин* на три составляющие части: *Кыл* + *ды* + *син*. *Кыл* – слово «в начале было Слово», *ды* – ускорение, *син* – глаз, исток. В единстве все это ассоциируется с образом возлюбленной: «*Кылдысинэ тон мынам*» («Ты мое божество Кылдысин») [6. С. 97].

Текст романа соединяет в себе самые различные формы повествования. Такой прием гибридности характерен для постструктурализма как тенденция

к размыванию границ между разными областями человеческого знания – искусством, философией, наукой.

Автор использует прием дадаистов в главе «“Дао”-лы рифма утчан» («Поиск рифмы для “Дао”»), текст представляет собой набор бессмысленных слов, просто игру звуками: «Саплес, наплес, дыльк. Дык. Жык. Шык. Пык... Та-ра-ри-рум – па-ра-бим-бум!..» [6. С. 99] или: «Урод – умой, умой – урод, урод – умой, умо – уро, уро – умо, умо – уро, ур – ум, ум – ур, ур – ум, у – у, у, у...» [6. С. 196]. Критик А. Шкляев поясняет: если слово повторить много раз (пробуя его на вкус), то его значение пропадает, а когда задумываешься об «оболочке» (то есть буквенном выражении), то и она исчезает. Будто «по ту сторону сознания» проходишь [8. С. 103].

Образ героя в постмодернизме создается по логике конструирования образа автора-творца. Или наоборот: образ автора в тексте умышленно уравнивается в правах с персонажем. Приемов множество: от совпадения имени героя с именем биографического автора до расщепления авторского сознания на «подголоски», принадлежащие как повествователю, так и персонажам. В романе Матвеева мы сталкиваемся с этим приемом. Так, например, в главе «Ницше и сырые жерди» герой романа якобы встречается с великим философом Фридрихом Ницше. Кумир, которого герой видит во сне, является порождением его подсознания. Таким способом авторское сознание расщепляется на множество других «я» с иронико-фантастическим содержанием.

Композиция романа «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» – это движение параллельных миров, прекрасно уживающихся в рамках одного повествования. Алексей Арзами пишет по этому поводу: «Очень удобно для писателя: берешь ручку и записываешь сны, события реальной жизни. Априори не надо соединять, “сводить” истории, линии судеб. “Я” множится и разрывается, лики “другого” редко становятся лицами и еще реже – людьми» [1. С. 12]. Помимо этого, во сне человек мгновенно переносится на какие угодно расстояния и может оказаться в местах, где никогда не бывал. Примечательно, что эти незнакомые места зачастую восполняются подсознательно осмысливаемыми локусами.

Постмодернизм как мировосприятие в романах Сергея Матвеева имеет ряд характерных признаков. Но все они – и гибридность как форма интертекстуальности, и игра всевозможными культурными кодами, и осколочное мышление автора в мире хаоса – все окрашены постмодернистской иронией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арзами А. Почему эстонскую литературную премию дали Матвееву?... // Удмуртская правда. 2008. № 10. 27 янв.
2. Ванюшев В. М. Вторсырье с Запада как «абсолютно новое» для Удмуртии // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 355–359.
3. Зайцева Т. И. Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 174 с.
4. Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. 1992. № 2. С. 225–232.

5. *Лантев А. М.* «Тй учке ёмгес ёукпала...» («Вы чаще смотрите на восток...»). Ижевск: Инвожо, 2008. С. 43–48.
6. *Матвеев С.* Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс (От имени рыбы). Ижевск: Удмуртия, 2006. 222 с.
7. *Матвеев С.* Шузи (Дурачок). Ижевск: Удмуртия, 1995. 286 с.
8. *Шкляев А.* Кин со сыёе – адыми шуон (Кто он такой – человек) // Кенеш. 2008. № 3. С. 102–104.

Поступила в редакцию 28.05.2014

V. L. Shibanov

The Specificity of Post-modern Irony in Sergey Matveyev's Novels

The Udmurt writer Sergey Matveyev (b. 1964), the author of six collections of verse and two novels - is the most prominent representative of postmodernism in the Udmurt literature. Humor and satire are almost absent in his comicality, irony and self-irony go to the fore. The genre of novel “Shuzi” (“Half-wit”, 1995) is determined by the author as “novel-chatter” and the novel “Tchorygles lushkam kylburanyos” (“On behalf of fish”, 2006) as “novel-nonsense”. In the first novel the hero-schizoid meets different representatives of the Udmurt intelligence and ironically unmasks their high life principles. But formally the hero tells a story about his love affairs and is interested in seven women, each of which a separate chapter is devoted. The novel “On behalf of fish” is a chain of strange and erotic dreams. The plot is based on the principle of the rhizome; the hero wanders through the maze of his dreams in search of the beloved woman (YOU). Who is she, from the text is not clear, because in each dream she turns into a different creatures (Neanderthals, fish, schoolgirl, liquid in glass bottle and other). The main character is a sophisticated intellectual; through the hidden taunt he depicts the reality of the Udmurt world.

Keywords: the Udmurt literature, Sergey Matveyev, humorous culture, postmodernism, irony, post-modern irony.

Шибанов Виктор Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: shibvik@ramdler.ru

Shibanov Viktor Leonidovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: shibvik@ramdler.ru

А. Е. Загребин, К. И. Куликов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В «ПРОБЛЕМНЫХ ПОЛЯХ» ИСТОРИИ УДМУРТИИ (1920-е – начало 1930-х гг.)*

В первые годы советской власти в России началась активная работа по созданию местной истории. Особенно интенсивно исследовательская и публикационная деятельность велась во вновь образованных автономных регионах, где локальная история должна была принять образ национальной истории. Такая задача стояла, в том числе, перед властью и гуманитарным сообществом Вотской автономной области. Опыты по написанию исторических текстов были тесно увязаны с разработкой проблем традиционной народной культуры, что в целом было характерно для младописьменных народов. Этнография в те годы стала основным средством формирования исторического сознания в национальных регионах Советской России. Свертывание краеведческого движения и критика этнографии на рубеже 1920–1930-х гг. были связаны с утверждением марксистского понимания исторического процесса – формационным подходом, учением о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. За короткое время история Удмуртии проделала сложный эволюционный путь от истории народной культуры к идеологизированной истории края.

Ключевые слова: история Удмуртии, исторические источники, историография, этнография, идеология, власть, марксизм, П. Н. Луппов, М. Г. Худяков.

История как наука и, одновременно, важная составляющая политики, практически во все времена была функционально связана с идеологическим окормлением процессов национально-государственного строительства. Так, растянувшееся на несколько столетий становление европейских наций многократно демонстрировало те закономерности, что позволяют говорить о существовании необходимой последовательности идей, действий и решений, сопровождающих путь народа к современным формам самоорганизации [39. Р. 97–101]. История и литература отвечали в этом движении за духовную консолидацию и воспитание народа в свете избранной модели общественного развития, как правило,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-11-18005/14 «История и историки в Удмуртии в 1920 – начале 1930-х гг.: исследовательские практики и власть».

на примерах героических событий прошлого [2]. Трудности наступали тогда, когда лица, ответственные за написание истории, заботясь об объективности своих текстов, начинали отыскивать документальные, либо овеществленные свидетельства минувших эпох. Хотя, довольно часто, представляемые на суд профессионального сообщества исторические источники не выдерживали критики, а в отношении младописьменных народов текстовая культура отступала на второй план, уступая место устно-поэтическим, этнографическим и археологическим материалам.

Применительно к истории земель, населенных удмуртами, данное обстоятельство обнаружилось в ходе академических экспедиций XVIII в., когда Г. Ф. Миллер и другие, выехавшие в российские провинции ученые столкнулись не только с ситуацией «акустической экзотики», но и с зачаточным состоянием местной археографии [12. С. 92]. Уже в те годы выход виделся в применении этнографических методик сбора исторической информации, позднее дополненных образцами фольклора и ископаемых раритетов. Некоторое оживление в поиски письменных источников по истории удмуртов и финно-угорских народов России в целом внес в 1820–1840-е гг. А. И. Шёгрэн, чей архив по сей день представляет значительный интерес для изучения [11. С. 197–225]. Тем не менее, пришедший на вторую половину XIX в. триумф теории развития заметно усилил позиции науки о народах и культурах, обеспечив лидерство этнографии в вопросах истории удмуртского края. Эффект усиливали многочисленные публикации «из народного быта» сельских пастырей, учителей, чиновников и политических ссыльных, регулярно появлявшиеся в епархиальной, губернской и уездной периодике [24]. Рубеж веков и первые советские десятилетия, казалось, давали шансы для смены исследовательской парадигмы, но отсутствие мотивированных кадров, подготовленных к длительному «архивному сидению» и «библиотечному бдению», не оставляло надежд на скорую перемену.

Завершение активной фазы Гражданской войны на территории Камско-Вятского междуречья и создание в 1920 г. Вотской автономной области (ВАО) актуализировало задачу по организации науки в крае в качестве одного из структурообразующих элементов новой удмуртской идентичности. Наука в этом контексте понималась, прежде всего, как гуманитарная, то есть историко-филологическая работа, целью которой было изучение происхождения, основных этапов истории и важнейших культурных достижений народа, претендующего на право называться нацией. Однако создание национальной истории оказалось делом не менее сложным, чем формирование узнаваемого образа национальной культуры, также являвшееся «проблемным полем» для правительства автономии.

Первая попытка легитимации науки в Удмуртии была предпринята в начале 1923 г., когда был создан Академический центр при Отделе народного образования ВАО, призванный развивать образование народа на научной основе. Ввиду отсутствия в крае ученых-профессионалов было принято решение о приглашении специалистов из петроградских, московских и казанских научных центров. В 1925 г. Облисполкомом была создана языковая комиссия, перед которой была поставлена задача создать единые правила правописания для удмуртского языка [26. С. 63]. Также власти выделяли средства на проведение этнографических

и археологических экспедиций, очевидно, видя целью не только получение новых знаний об этносе, но и дополнительную возможность для просветительского (идеологического) воздействия на него.

Экспедиция как способ получения историко-культурной информации, этнография как форма интерпретации и музей как место презентации становятся в середине 1920-х – начале 1930-х гг. основным научным трендом советской гуманитаристики. Желание властей начать историю «с чистого листа» должно было, тем не менее, опираться на некоторый базис. Попытка вывести в абсолют историческую социологию в виде такого предмета, как «история общественных форм», оказалась далека от задачи формирования системного знания в силу абстрактности формы и фрагментарности содержания. В полевом исследовании виделась определенная альтернатива «старой школе» изучения истории, тяготевшей к разысканию и толкованию письменных источников – процессу малоподвижному и плохо сочетающемуся с динамикой тотального обновления прежних институтов [36]. Новая стилистика получения исторической информации должна была стать истинно народной, предполагая «хождение в народ» за знаниями как установку времени перемен [25. С. 18–20]. Отправлявшиеся в (ино)родное «поле» лояльные ученые представлялись проводниками культурной революции, а этнография рассматривалась в качестве одного из научных направлений с особыми политическими задачами.

Старейшее на Востоке России объединение профессиональных ученых и любителей-краеведов – Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете раньше других – летом 1919 г. заявило о готовности к «инородчествуведению» в рамках специальной «Востоковедной комиссии» [14. С. 70]. Комиссия была призвана инициировать цепь мероприятий по изучению и преподаванию языков народов Поволжья [4. С. 168]. Начальным шагом должна была стать экспедиция к удмуртам, в ходе которой предполагались сбор информации методом анкетирования населения и составление этнографических карт. Рассматривать этот посыл можно в качестве одного из первых вестников кризиса переломной эпохи в отечественной историографии, когда местная/областная история все громче заявляет о своем праве, используя исследовательский потенциал наук, ранее казавшихся вспомогательными – археологии, фольклористики, статистики, географии и этнографии. В национальных регионах, в особенности – этнографии.

Исключением из этнографического контекста истории удмуртов были публикации П. Н. Луппова (1867–1949), еще в дооктябрьский период обратившегося к проблемам христианизации края и опиравшегося в своих поисках на материалы центральных и местных архивохранилищ [20]. В заслугу ему следует отнести труды по фундированию региональной истории документальными свидетельствами [3. С. 31–60]. При его деятельном участии к середине XX в. сформировался первичный корпус данных о письменных источниках по истории Удмуртии, преимущественно – русских позднесредневековых текстов [9]. Однако, в самом начале 1920-х гг., когда шло формирование органов власти ВАО, включая управление образовательным процессом, важно было наполнить школьные программы хотя бы минимальным объемом знаний о прошлом края, подчеркнув историчность автохтонного населения, ныне претендующего на создание своей истории, развитие национальной культуры и национально-государственное строительство.

Примечательна в этом отношении «Программа по истории Вотского народа», авторы которой призывали «...не только излагать историю в собственном смысле, но и знакомить с архивными документами и вообще с документальными первоисточниками прочитывать документы с разъяснениями и разбором их» [21. С. 12]. Здесь же они справедливо предостерегали от склонности всецело полагаться на этнографическую литературу, в особенности на «любительские труды» [21. С. 14]. Недоверие П. Н. Луппова к этнографическим наблюдениям как к историческому источнику отнюдь не было тотальным. Наверняка он отдавал себе отчет в ограниченных возможностях региональной истории, чье развитие совпало со временем, когда большая часть страны пребывала в послевоенной разрухе, не исключая архивные учреждения, а научные коммуникации по линии «центр-периферия» были значительно подорваны.

Совмещая заботы по организации деятельности губернского архива, преподавание в Вятском педагогическом институте им. В. И. Ленина и работу в НИИ краеведения, П. Н. Луппов ориентировал своих студентов, среди которых было немало представителей национальных меньшинств Вятского края, на комплексное восприятие процесса «делания истории». Так, на занятиях по методике краеведения в 1924 г. им был предложен план широкого анкетного опроса по теме «Влияние революции на быт нацмен», с целью фиксации начальных советских трансформаций в образе жизни местного неславянского населения [28]. Исследование, занявшее несколько лет и проводившееся на территории Вятской губернии, Вотской АО, Марийской АО и Татарской АССР, стало для него личным опытом приближения истории к современности, чья этнографическая специфика лежала, буквально, на поверхности.

В дальнейшем П. Н. Луппов не раз обращался к эвристическим возможностям этнографии, включая непосредственное наблюдение обрядовых действий в удмуртских деревнях [27]. Живя и работая на протяжении почти всей жизни в Вятке, он не переставал находиться в контакте с любителями удмуртской истории, с 1925 г. объединенными под эгидой Научного общества по изучению Вотского края (НОИВК) [1]. Одной из инициатив членов правления НОИВК была идея «заказать» вятскому историку создание «Истории Удмуртии», конечно, в тех реалиях вряд ли осуществимая. Слабость источниковой базы, условность хронологии, вкупе с неразработанностью большинства сюжетов истории края невольно подталкивала «ревнителей удмуртской истории» к полевым практикам. А этнографический поворот, ставший в рассматриваемый период частью научного творчества П. Н. Луппова, в целом отвечал потребностям «удмуртского исторического нарратива» и еще больше – складывающейся интеллектуальной идентичности удмуртов.

В этой связи до некоторой степени символично, что первым директором Удмуртского НИИ стал выпускник Вятского педагогического института Я. И. Ильин (1886–1958), как и его наставник, позитивно воспринимавший полевою (фольклорно-этнографическую) и камеральную (книжную) стороны исследовательского процесса. В Вятке он начал работу над своим главным трудом – сводным указателем опубликованных работ об удмуртах, и к 1924 г. им было найдено свыше 500 названий такого рода. Но рукопись затерялась в Центриздате.

К чести автора, он подготовил новый вариант «Роя книг» – расширенный и исправленный, являющийся точкой отсчета удмуртской научной библиографии [17]. Даже беглый взгляд на выявленные публикации отдавал явный приоритет этнографическим «наблюдениям» и «описаниям» над историко-архивными изысканиями, что в целом было характерно для формирующегося исторического сознания населения регионов, еще недавно находившихся в составе более крупных административно-территориальных единиц.

Пожалуй, единственной большой проблемой для этнографического поворота в деле создания истории Удмуртии стала уверенно нараставшая со второй половины 1920-х гг. экспансия марксистской методологии, подминавшая под себя прежние умеренные схемы теории развития [23. С. 33–34]. Отображение революционных темпов социальных изменений и поиски фактов классовой борьбы постепенно были вменены в обязательную повинность всем, желающим писать и говорить от имени народа. История удмуртских экспедиций и текстов К. П. Герда, В. П. Налимова и М. Т. Маркелова наглядно показала ту идеологическую ломку, что претерпевала отечественная наука о народах [13]. Этнография, ставшая в те годы для многих энтузиастов народоведения личной историей, или даже биографией, оказалась прочно связана с гражданской и политической историей изучаемого региона.

Скудость письменных исторических источников и богатство археологического и фольклорно-этнографического материала, очевидно, подтолкнули еще одного первопроходца истории Удмуртии, М. Г. Худякова (1894–1936), к написанию весьма разноплановых текстов, варьирующихся от краеведческих очерков и полевых отчетов до масштабных исторических сочинений и эпических произведений [8. С. 5–49]. Центральное место среди его трудов по истории удмуртов занимает, появившаяся примерно в середине 1920-х гг. «История вотского народа» [35]. Общий пафос исследования, если не брать в расчет те модные теории, что часто сопровождали искания молодых обществоведов из раннего советского времени, был созвучен старой «гердерианской идее» о самоценности каждой культуры и праве каждого народа на свою историю.

Собственно сам этнографический поворот во взглядах М. Г. Худякова отмечается после его переезда в 1925 г. в Ленинград, где, работая в разных учреждениях, в основном под руководством академика Н. Я. Марра, он поверил в большие реконструктивные возможности работы с «этнографической памятью». В 1930 г., приехав в Ижевск в качестве ученого секретаря Института по изучению народов СССР (ИПИИ), Худяков выступил перед школьными работниками со следующим обращением: *«Дорогие товарищи просвещенцы! Проблема культурной революции одна из главнейших наших задач. Одна из основных наших задач поднять культурный уровень населения и через культурную революцию прийти к социализму. Задача, безусловно, трудная. Она упирается в множество наших недостатков. Одним из таких недостатков по работе среди национальностей, а в частности среди удмуртов является почти полное отсутствие материалов, которые вскрывали бы прошлое удмуртов и служили бы ключом для понимания современной истории удмуртского народа. Выполнению этой ответственной задачи в смысле реальной помощи учительству в своей повседневной работе*

с учащимися и взрослым населением берет на себя Институт по Изучению Народов СССР, при Ак. Наук СССР в Ленинграде.

В свою очередь ИПИИ обращается к вам с просьбой полной надежды добросовестного отношения вас к получаемой работе, которая заключается в следующем:

1. Опросить каждого учащегося и каждую учащуюся обязательно удмурта, но ни в коем случае русских по трем графам прилагаемого бланка:

а. Фамилия имя и отчество.

б. Какой деревни.

в. Какого рода (выжы) или воршуда по отцу и по матери.

Последнюю графу, принадлежности опрашиваемого к тому или иному роду (выжы) или воршуду нужно понимать таким образом, например:

Дочь Ивана Мария из деревни Ушур вышла замуж в деревню Данвыр за Степана. В Данвыре её называют не Иван Марья, а Степан Эгра. Если у этой Марии Ивановны из д. Данвыр учится дочь или сын в Ушурской школе I ступени Захарова Анна Степановна или Захаров Петр Степанович то она или он будут Эгра воршуда или выжы по матери. По отцу же так: Предположим, Данвырский этот же Захаров Степан Сидорович выдал дочь Анну замуж в деревню Куака за Димитрия, то его дочь Анну Степановну не будут называть Степан Анна, а обязательно по вотски называли бы если её отец принадлежит к роду Чаб`я, Митрей Чаб`я. Таким образом учащийся или учащаяся Ушурской школы Захаров Петр Степанович из д. Данвыр принадлежит по матери роду Эгра, а по отцу – Чаб`я точно так же Захарова Анна Степановна из д. Данвыр принадлежит по матери роду Эгра, а по отцу к р. Чаб`я» [30].

Примечательно, что научная биография М. Г. Худякова как историка Удмуртии, претерпела еще одну трансформацию, связанную с очередной переменой в настроениях властей по отношению к написанию истории. В конце 1920-х гг. начался закат «золотого века» советского краеведения, одновременно с участвовавшими нападениями на позиции «буржуазной этнографии». Созданное энергией академика С. Ф. Ольденбурга Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) с его отделениями на местах испытывало неприкрытое давление со стороны коллег, уже взявших на вооружение марксистскую идею. Так, став адептом яфетических идей и борцом с «финской экспансией» в советской археологии, Худяков попытался поместить все имевшиеся в его распоряжении знания по истории и культуре удмуртов в рамки жесткой схемы общественного развития. Наиболее рельефно данная композиция была представлена им в рецензии на первую главу учебника по «Истории классовой борьбы в Удмуртии» для средней школы, посвященную ранним периодам истории края [18. С. 7–34]. Тогда, исполняя январское постановление 1933 г. правительства, в стране была развернута работа по подготовке стабильных учебников, включая региональную историю, исполненных по канону марксистско-ленинской науки.

Таким образом, можно сказать, что опыты написания истории Удмуртии в 1920-х – начале 1930-х гг. в целом соответствовали российской историографической динамике. Импульс гражданской активности и ставший его частью научно-исследовательский подъем позволили развиваться плюрализму мнений по проблемам истории, выведя этнологический дискурс на передний план диалога

ученых и власти. Короткая волна признания и даже частичного доминирования этнокультурной тематики и музейных проектов разбилась о требование властей дать стране четкое представление «о прошлом, настоящем и будущем». Внутренняя конфликтность в стане этнографов, на которых была возложена несвойственная им функция обществоведов, привела к кризису во взаимоотношениях с «заказчиком», а неуклюжие попытки прививки марксизма в науку о народах все больше раздражали партийных кураторов. Выбор, сделанный последними в пользу догматизированной, зато предельно ясной теории, во многом предопределил судьбу исторической науки в центре и на местах. Историкам-источниковедам позволялось искать, публиковать и анализировать документы о классовой борьбе, историкам-интерпретаторам – писать о предпосылках, причинах и следствиях социально-экономических процессов в духе формационного подхода, тогда как специалисты в области этничности были вытеснены на периферийные поля сбора и первичной обработки «непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов» [32. С. 226]. Хотя дисциплинарные поражения были не столь фатальны как человеческие жертвы, принесенные этнографами в боях за историю.

Возвращаясь в Удмуртию начала 1930-х гг., мы застаем серьезные перемены в ее интеллектуальном пространстве. Отметив десятилетие создания ВАО цепью юбилейных мероприятий, в том числе помпезной музейной экспозицией, развернутой в помещениях перепрофилированного по этому случаю Свято-Михайловского собора, местные власти начали постепенно охладевать к экспозиционным, экспедиционным и прочим краеведным инициативам. Попытки НОИВК предлагать всевозможные варианты сохранения, изучения и использования регионального историко-культурного наследия пропускались сквозь призму идеологически выверенного оценивания [38]. Советская модернизация в таком «старо-промышленном» и одновременно национальном регионе как Удмуртия имела свои особенности, но осуществлялась проверенными механизмами трансляции властных идеологем – дискредитацией крестьянского образа жизни («Лудорвайское дело») и атаками на безыдейную интеллигенцию («Гердовщина»), не замечающую свершений в деле строительства нового мира.

Определенный пиетет сохранялся перед столичными учеными, чьи полевые исследования пока нельзя было поставить под жесткий контроль. Тем не менее уже в 1931 г. экспедиция Центрального музея народоведения была подвергнута суровой критике в местной печати за то, что приезжие этнографы уделяют излишне пристальное внимание «пережиткам» в быту удмуртов, как будто намеренно игнорируя успехи советской власти [16. С. 8–9]. Свои же были всегда на виду, поэтому люди, на протяжении первого советского десятилетия писавшие историю края, собиравшие и представлявшие культуру Удмуртии, были поставлены перед моральным выбором – безоговорочно принять безальтернативный путь либо отойти в сторону.

В личностном изменении это выглядело примерно так – Г. Е. Верещагин (1851–1930), еще до революции признанный профессиональным сообществом ведущим знатоком этнографии удмуртов, тихо скончался в безвестности и нищете в Ижевске [6]; известный этнограф и фольклорист М. И. Ильин (1876–1935), получив от ОГПУ упрек в «антисоветской деятельности всего НОИВК и Ильина

в частности», счел необходимым отказаться от всех постов и удалиться в деревню «...дабы иметь <...> возможность всецело посвятить себя делу систематизации своих разнообразных трудов на остатке своей жизни...» [31. Л. 178–179об.]; поэт, этнограф и фольклорист К. П. Герд (1898–1937) – ставший символом пробуждающейся удмуртскости, отчаявшись в борьбе со вчерашними друзьями, завистниками и соглядатаями, пребывал в незавидной должности преподавателя ижевской совпартшколы, вынуждено оправдываясь в прежних «заблуждениях» [10. С. 90]; один из создателей автономии, врач по профессии и ученый-гуманитарий по духу, Т. К. Борисов (1891–1943), будучи Председателем Облисполкома, гласно и негласно поддерживавший молодую удмуртскую интеллигенцию, в конце 1920-х гг. не по своей воле покинул родной край [33. С. 14]. Этот список можно было бы продолжать долго.

Заведя ситуацию в интеллектуальный тупик, власть остро нуждалась в людях, желательно, объединенных в рамках государственного учреждения, на которых была бы возложена обязанность по производству идеологически безупречного продукта в части регионального историописания и исторического документирования. Благо такого рода научно-исследовательские организации уже появлялись в стране, где после ликвидации ЦБК и роспуска многочисленных краеведческих обществ возник кризис идеи местной истории [37. С. 19]. В областных центрах, в которых имелись высшие учебные заведения, проблему отчасти решали кафедры истории или отдельные специалисты, строящие исследования на местном материале. В союзных республиках создавались собственные Академии наук с профильными институтами истории, а в автономных образованиях шел процесс организации комплексных институтов при местных правительствах, призванных содействовать продвижению новой социалистической культуры. Функция подготовки кадров историков, прежде всего школьных учителей истории и обществоведения, воспитанных в духе «единственно верной» теории и методологии, была возложена на пединституты. Так, например, в Удмуртском государственном педагогическом институте (УГПИ) с 1934 г. начал работу историко-филологический факультет.

Весной 1931 г. бюро Удмуртского Обкома ВКП(б) принимает постановление о создании в Ижевске самостоятельного научно-исследовательского института имени 10-летия Удмуртской автономной области [29. С. 28–29]. Плод компромисса между партийной бюрократией и гуманитарным сообществом – институт был призван принять интеллектуальное, в том числе архивное и библиотечное наследие НОИВК и частных собраний любителей истории местного края. Соблюдение установленных работодателем правил гарантировало научным сотрудникам более чем скромное, зато стабильное финансирование исследовательской деятельности. Также, несмотря на постепенное угасание этнической мобилизации, нельзя было не учитывать стремление молодой удмуртской интеллигенции к творческой самореализации [15. С. 399]. Поиски баланса отразились и в подборе кандидатур на директорскую должность. Власть остановилась на фигуре Я. И. Ильина, окончившего на тот момент аспирантуру НИИ народов Советского Востока и имевшего положительный опыт руководства Можгинским педагогическим техникумом [34. С. 61–62; 103–105]. Проблемой для них было то, что всячески проявлявший свою лояльность кандидат был заподозрен в связях

с опальным «идеологом кулачества» К.П. Гердом [5. С. 86–87]. Этого оказалось вполне достаточно для принесения его в жертву стремительно раскручивающемуся с весны 1932 г. органами Нижегородского ОГПУ так называемому Делу «СОФИН» (Союз освобождения финских народностей) [19. С. 224]. Личная драма первых директоров института, историков – Я. И. Ильина, В. А. Максимова и Ф. П. Макарова сошлась со временем «великого перелома» в сознании людей науки, так недавно думавших о возможностях выбора тематики, методологии и прочих иллюзиях. В измененной парадигме не спасало даже публичное «отмежовывание» и саморазоблачение.

Движение по проблемным полям истории Удмуртии было для исследователей тех лет сначала сродни затейливой игре в термины и методы, когда синтез этнографических, археологических и фольклорно-лингвистических данных виделся отличительным знаком квалифицированного и верифицируемого исторического текста; затем, по нарастающей – все более простым и лапидарным следованием заданной траектории научного поиска. Рост публикаций тематически выверенных документов и материалов, начиная с середины 1930-х гг., также стал знаменем изменившегося времени, когда работы о революциях, классовой борьбе, гражданской войне и ее красных героях составили львиную долю печатной продукции историков [22]. Шок, испытанный удмуртскими гуманитариями «после Герда», усугубился нарастающим страхом последующих репрессий, а спасительная ниша «истпарта» оказалась столь же уязвима для критики, что и недавние этнологические увлечения.

Вынужденный отказ от «сложноподчиненной» и этнически окрашенной истории, безусловно, имел свои последствия для судьбы этнографии в Удмуртии. От пугающего внимания одних, равно и безразличия других, постепенно угасало одно из перспективных исследовательских направлений. Но, очевидно, в нем исторически был заложен полезный потенциал знания, что позволило спустя годы вернуться к оставленным сюжетам на новом уровне историографической культуры [7]. Впрочем, длительное дисциплинарное размежевание с историей отчасти способствовало легитимации этнографии в качестве самостоятельной исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Александров А. А.* П. Н. Луппов – ученый и краевед // Записки Удмуртского НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1968. Вып. 20. С. 221–229; *Максимов В. А.* Большой друг удмуртского народа // Там же. С. 230–236; *Садаков М. А.* П. Н. Луппов – первый историограф Удмуртии // Там же. С. 202–221.

2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

3. *Бердинских В. А.* Историк на грани веков: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1991. 128 с.

4. *Бобровников Н. А.* Об учреждении Востоковедной комиссии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1919. Т. 30. Вып. 2. С. 167–174.

5. *Богомолова З.* «Человеческие» документы. Выбранные страницы из многолетнего «Дела» К. Герда: т. II, № 232, архив 2459 // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1998. С. 71–89.

6. Владыкин В. Е., Загребин А. Е. Төро удмуртской этнографии // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск, 2004. С. 19–23.

7. Владыкин В. Е. Этнография // Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1970. С. 92–101; *Он же*. Из истории этнографического изучения удмуртов // Записки УдНИИ. 1970. Вып. 22. С. 117–140; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.

8. Гришкина М. В., Кузьминых С. В. Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М. Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 5–49.

9. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 420 с.

10. Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.

11. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.

12. Загребин А. Е. Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 85–94.

13. Загребин А. Е., Шаранов В. Э. Новые материалы об экспедиции В. П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 10–14; Загребин А. Е., Чураков В. С. Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.

14. Загребин А. Е. Казань: общественные инициативы и этнография удмуртов в первые советские десятилетия // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3. Серия: Гуманитарные науки. С. 69–75.

15. Загребин А. Е. Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 398–402.

16. Зеленцов В. Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля; Загребин А. Е. В. Н. Белицер и этнография удмуртов // Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В. Н. Белицер): альбом. Ижевск, 2013. 84 с.

17. Ильин Я. Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных (с 1762 до пол. 1928 г.). Ижевск: НОИВК, 1929. 86 с.

18. Кильдибеков П. В. Доклассовое общество в Удмуртии // П. В. Кильдибеков, Ф. П. Макаров. История классово-борьбы в Удмуртии. Для средней школы. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 142 с.

19. Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. 368 с.

20. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899. 298 с.; *Он же*. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1911. Вып. 1-2. 568 с.

21. Луппов П., Поздеев И. Программа по истории Вотского народа. Ижевск: Обл. упр. гос. изд-ва ВАО, 1921. 16 с.

22. За марксистско-ленинскую историю Удмуртии: Сб. статей и материалов. Ижевск: Удпартиздат, 1934. 87 с.; Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание. Ижевск, 1933. 68 с.; *Он же*. Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935. 84 с.; Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. 132 с.; *Он же*. Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935. 48 с.; К боевой биографии Азина: материалы и документы / Сост. Ф. П. Макаров. Ижевск, 1935.

98 с.; Вахрушев А. Н. Программа по истории классовой борьбы в Удмуртии: Проект: В порядке обсуждения // Труды Удмуртского комплексного НИИ. 1935. Сб. 1. С. 41–50.

23. Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 3–38.

24. Мельникова О. М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 76–86.

25. Мейерс, ван В. Советская этнография: охотники или собиратели? // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 9–42.

26. Васильева О. И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск, 1991. 210 с.

27. Проходя в 1921 и 1924 гг. курс процедур в грязелечебнице близ с. Варзи-Ятчи Можгинского уезда ВАО (ныне Алнашский район УР), П. Н. Луппов около трех месяцев занимался изучением этнографии южных удмуртов. См.: Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской Автономной Области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1927. Вып. 3. С. 81–114.

28. Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и коммент.: А. Е. Загребина и А. А. Иванова. Ижевск–Йошкар-Ола, 2008. С. 19–20; Загребин А. Е., Иванов А. А. Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 76–83.

29. Родионов Н. А. Становление и развитие института (1931–1945 гг.) // Институт: история и современность. К 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук: Сб. статей. Ижевск, 2001. С. 27–79.

30. Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М. Г. Ед. хр. 17.

31. Рукописный Фонд Научно-Отраслевого Архива УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2–Н. Д. 532.

32. Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.

33. Трофим Борисов: штрихи биографии. Ижевск: Удмуртия, 2011. 16 с.

34. Христоробова Л. С. Ильин Яков Ильич // Ученые-удмурты. Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 859 с.; Загребин А. Е. Я. И. Ильин – первый директор УдНИИ // Наука в УГПИ – УдГУ: история, современное состояние, перспективы. Ижевск: УдГУ, 2011. С. 103–105.

35. Худяков М. Г. История вотского народа // М. Г. Худяков. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 129–214.

36. Чураков В. С. Обзор фольклорно-этнографических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е – 30-е гг. XX в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2. С. 102–115.

37. Юманкулов. Работа научно-исследовательских краеведческих институтов // Советское краеведение. 1932. № 1. С. 18–19.

38. Юрпалов А. Ю. К истории Научного общества по изучению Вотского края // Связующая нить этнокультуры: Сб. статей. Ижевск, 2009. С. 239–252; Он же. Свято-Михайловский собор в г. Ижевске: попытка спасения // Российский город в исторической ретроспективе: Сб. статей. Ижевск, 2010. С. 307–312.

39. Hroch M. Historical belles-lettres as a vehicle of the image of national history // National History and Identity / Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6. P. 97–108.

A. E. Zagrebin, K. I. Kulikov

**Ethnographical Turn in the ‘Problem Fields’ of the History of Udmurtia
(1920-s – beginning 1930-s)**

In the first years of the Soviet power in Russia active work on creation of local history began. Especially intensive research and publishing activity was conducted in the newly established Autonomous regions, where local history had to take the way of national history. This task concerned the authorities and the humanitarian community of Votyak (Udmurt) Autonomous region. Experiments on writing historical texts have been closely linked to development problems of the traditional folk culture, which in general was typical for youth-literature peoples. Ethnography in those years became the main tool of formation of historical consciousness in the national regions of the Soviet Russia. The curtailment of the local history movement and criticism of Ethnography at the turn of the 1920–1930-ies were related to the approval of the Marxist understanding of the historical process – formational approach, the theory of class struggle and the dictatorship of the proletariat. In a short period of time the history of Udmurtia has done a complex evolutionary path from the history of ethnic culture to ideological history of the region.

Keywords: history of Udmurtia, historical sources, historiography, ethnography, ideology, authority, Marxism, P. N. Luppov, M. G. Khudyakov.

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Куликов Кузьма Иванович,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Zagrebin Aleksey Egorovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: adm@udnii.ru

Kulikov Kuzma Ivanovich,

Doctor of Sciences (History), Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: adm@udnii.ru

М. Г. Иванова, И. В. Журбин

**КУШМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ УЧКАКАР
В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ
АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2011–2013 гг.***

В статье представлены основные итоги археолого-геофизических исследований Кушманского городища Учкакар X–XIII вв., позволившие получить новые знания о структуре и планировке поселения. Выявление ранее неизвестной линии укреплений позволяет утверждать, что городище имело трехчастную структуру аналогично другим центрам округа чепецкой археологической культуры Иднакару и Гурьякару. Важное значение имеет открытие культурного слоя с объектами планировки за пределами третьей, внешней линии укреплений.

Применение новых методов позволило восстановить планировку и выявить особенности каждой из структурных частей с определением мощности культурного слоя, расположения и геометрических параметров разноплановых объектов. В результате геофизических измерений уточнены размеры всех трех линий оборонительных сооружений и определена их структура.

Археологические раскопки ключевых участков на всех структурных частях предоставили источники о конструкции сооружений и материалы для культурно-хронологических обоснований памятника, которые существенно дополняют сведения о культуре и хозяйственной деятельности средневекового населения, позволяют в общих чертах разработать концепцию развития городища. Новые материалы крайне важны для сравнительного анализа особенностей формирования планировочной структуры средневековых поселений лесной зоны Восточной Европы.

Ключевые слова: финно-угры, городища, средневековые, археолого-геофизические исследования, оборонительные укрепления, стратиграфия, планировочная структура.

В изучении укрепленных поселений бассейна р. Чепцы в последние десятилетия получены новые фонды источников, позволяющие существенно расширить

* Работа выполнена в рамках Программы интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН № 12-М-26-2005 «Изучение и сохранение памятников историко-культурного наследия Камско-Вятского региона: методика междисциплинарных исследований».

диапазон исследований проблем развития городищ в русле градообразовательных процессов. Наиболее полной изученностью отличается городище Иднакар IX–XIII веков. Многолетние планомерные изыскания памятника позволили впервые получить данные о процессах освоения и использования площадок, различных аспектах жизнедеятельности населения [4; 9; 3]. Другим выразительным примером является Кушманское городище Учкакар X–XIII вв., комплексные исследования которого начались в 2011 г. археологической экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН совместно с сотрудниками Физико-технического института УрО РАН, Автономного учреждения культуры Удмуртской Республики «Центр по охране объектов культурного наследия», Историко-культурного музея Удмуртской Республики «Иднакар». За прошедшие три полевых сезона здесь получены новые материалы, которые существенно дополняют сведения о культуре и хозяйственной деятельности средневекового населения, позволяют в общих чертах разработать концепцию развития городища. В настоящей статье представлен краткий обзор основных итогов археолого-геофизических исследований памятника.

Учкакар расположен на правом берегу р. Чепцы, в ее нижнем течении, на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – глубокой долиной ручья Кушман, правым притоком р. Чепцы. Наряду с городищами Иднакар и Гурьякар, он относится к числу крупных поселений, имеет две линии укреплений, мощный культурный слой и является центром средневекового микро-региона. В непосредственной близости от него находится ряд памятников, датируемых IX–XIII вв. н.э. – Кушманские I, II и III селища, Мосеевский могильник Бигершай, Коповский могильник Бигершай, Хутор-Озерковское селище. Более удалены Комаровское городище Чибинькар, Жабинские I и II селища, а также Жабинский могильник [2, № 140, 141, 166, 243, 248, 249, 250, 261, 264]. Являясь самым западным поселением на территории чепецкой культуры с прекрасным обзором течения реки и долины на многие километры, городище, безусловно, имело стратегическое значение.

Памятник впервые упоминается в переписях XVII в., в 1880-х гг. был исследован А. А. Спицыным [18. С. 74] и Н. Г. Первухиным, который провел пробные раскопки, снял топографический план и закупил значительную коллекцию предметов [15. С. 83–86]. В 1930 г. на городище провел раскопки А. П. Смирнов. Две взаимно перпендикулярные траншеи прорезали внутреннюю и внешнюю части площадки, а также обе линии укреплений. Было вскрыто 20 сооружений, идентифицированных как жилые дома, кладовые, очаги, горны, сараи, загоны для скота. Полученные материалы долгое время оставались неопубликованными, и только в 1970-е гг. по инициативе А. П. Смирнова они были введены в научный оборот. Особенности сооружений и характер вещевого материала позволили включить городище в число памятников чепецкой культуры и датировать IX–XII, возможно – пер. пол. XIII в. [5. С. 105–106]. В 1959 г. Учкакар и его окрестности обследованы Г. Т. Кондратьевой, собравшей с поверхности фрагменты керамики и открывшей расположенные рядом 3 селища [13. Л. 4–5], в 2007 г. А. Н. Кирилловым снят топографический план, уточнена общая площадь памятника [12. Л. 14–18].

Площадка городища имеет подтреугольную форму и ориентирована с северо-востока на юго-запад, визуально прослеживаются две линии оборонительных сооружений. С юго-восточной стороны от центральной площадки фиксируется обширная терраса площадью 5400 кв. м, которая на 7–8 м ниже уровня центральной площадки и отделена от нее крутым склоном. Высота мыса от уреза воды – 32–34 м, от основания подошвы склона – 27–29 м, площадь памятника, ограниченная внешним валом, составляет ок. 30 тыс. кв. м. Параметры площадки, структура и характер культурного слоя городища близки Иднакару.

Основная задача комплексных исследований городища заключалась во внедрении современных методик, ориентированных на более тщательную фиксацию материала с целью получения максимума информации о памятнике при раскопках минимальных площадей. С применением разработанной на Иднакаре комплексной методики геофизических исследований планировалось выявить мощность культурного слоя на всей площадке с локализацией объектов планировки, изучить структуру оборонительных укреплений. С целью верификации данных геофизики, получения источников о конструкции сооружений и культурно-хронологических обоснований памятника предусматривались археологические раскопки ключевых участков на всех структурных частях.

Оборонительные сооружения являются одним из существенных показателей социального статуса поселений, поскольку именно они разграничивают площадку поселения и в эпоху средневековья имели основополагающее значение в функционировании складывающейся этнополитической общности. Как уже отмечалось, на Уччакаре визуально просматриваются две четко выраженные линии валов и рвов. От напольной части площадку ограничивает *внешняя линия* укреплений. Перепад высот между дном рва и гребнем вала составляет 2–3 м. Вал длиной 170 м имеет дугообразную форму шириной основания до 18 м, высота относительно внутренней поверхности площадки составляет около 1,0 м. По данным электротомографии, ширина рва достигает 10 м, глубина – не менее 0,70 м.

Другая (*средняя*) линия обороны находится на расстоянии 112 м к юго-западу от внешнего вала (расстояние измерено между гребнями валов). Вал также имеет дугообразную форму длиной 98 м, шириной основания – до 14 м. Со стороны внутренней части перепад высот невелик (0,3–0,5 м), с внешней стороны – между гребнем вала и дном заплывшего рва он достигает 2,0–2,3 м. Ров шириной 10–15 м прослеживается ближе к краям площадки с северо-западной и юго-восточной сторон.

По результатам электроразведки внутренней площадки на мысовой части выявлены очертания дугообразного рва шириной 6–8 м, глубиной более 1 м, который в рельефе не выражен. Для выявления характера слоя на этой части в 2013 г. был заложен раскоп площадью 63 кв. м, разрезающий предполагаемый ров. При выборке слоя рядом со рвом обнаружены остатки насыпи вала со следами деревянных конструкций, который еще в древности был сnivelирован.

Таким образом, выявление еще одной *внутренней линии* укреплений показало, что городище имело внутреннюю, среднюю и внешнюю укрепленные части аналогично другим крупным центрам округи чепецкой культуры Иднакару и Гурьякару [7. С. 51].

Характер изменения удельного сопротивления позволяет предположить, что насыпь валов внутренней и средней линий оборонительных сооружений сформирована из суглинков с различными примесями, перекрытых с внешней стороны материковой глиной. Аналогичная структура основания вала зафиксирована при геофизических и археологических исследованиях валов городища Иднакар и Рождественского городища на Верхней Каме [8. С. 125–127; 11. С. 114–116, рис. 8].

Наиболее мощный слой (до 1,5 м) содержит *средняя часть*, где геофизическими исследованиями выявлено не менее 16 сооружений подпрямоугольной формы, расположенных пятью нечеткими рядами, ориентированными параллельно внутреннему валу. Расстояние между смежными рядами и сооружениями в рядах составляет 4–5 м. Предварительная интерпретация этих объектов основана на аналогиях аномалий сопротивления грунта, вызванных сооружениями городища Иднакар и Гурьякар [8. С. 121–122].

Раскопки одной из аномалий (раскоп I площадью 81 кв. м) полностью подтвердили предварительную интерпретацию геофизических данных. Выявлено сооружение, центральным компонентом которого является глинобитная площадка подпрямоугольной формы, окруженная слоем темного гумуса, который содержит разнообразные включения (песок, глина, уголь, зола, древесный тлен и пр.). Предварительно выделено три уровня залегания сооружений. Большей выразительностью отличается комплекс второго уровня с мощной площадкой прокаленной глины с прослойками гумуса с золистыми включениями, свидетельствующими о неоднократных подновлениях. Комплекс третьего уровня, включающий площадку прокаленной глины, разновременные очаги и яму, по элементам интерьера и составу находок можно отнести к жилым. На материковом слое зафиксированы столбовые ямки разных размеров, связанные с конструкциями сооружений. В целом по составу, характеру залегания и вскрытым объектам культурный слой аналогичен другим укрепленным поселениям бассейна р. Чепцы X–XIII веков [11. С. 75].

Для хронологических определений наиболее показательны стеклянные бусы. В нижних горизонтах абсолютно преобладают лимоновидные бусы X–XI вв., в отличие от верхних, где преобладают одноцветные и глазчатые заглушенного стекла, изготовленные из навитой трубочки, более характерные для XI–XIII вв. Хронологии бус не противоречат находки в нижних горизонтах кресала калачевидной формы X в., фрагмента проушного широколезвийного топора славяно-финского типа X–XI вв., отдельных украшений из бронзы и деталей к ним, составной расчески из кости. Для верхних горизонтов особенно показательны поясные накладки аскизского типа, бытовавшие в регионе с конца XI до конца XII в., коленчатый ключ от взрезного замка из железа XI–XIII вв., детали поясного убора из бронзы. В целом материалы средней части городища укладываются в хронологические рамки X–XIII веков [11. С. 75–79].

На *внешней части* геофизическими измерениями выявлен культурный слой мощностью 30–40 см и более 40 ям, достаточно равномерно распределенных по всей площадке. На раскопе площадью 81 кв. м, заложенном за линией рва средней линии укреплений, полностью изучены конструкции двух ям. Интересна округлая

яма, перекрывающая другую яму квадратной формы с обшивкой из деревянных досок. Расположенные вокруг нее столбовые ямы позволяют предполагать наличие рухнувшей конструкции. Подобные объекты с обшивкой стенок и деревянной крышкой, имевшие хозяйственное назначение, исследованы на других городищах Прикамья [4. С. 66–69, рис. 22]. Найденные в заполнении многочисленные куски шлаков, обмазки, фрагменты бронзовых предметов, а также наличие льячки, трехсторонней литейной формы не исключают локализации здесь литейного дела.

Заполнение другой ямы прямоугольной формы состояло из скопления крупных прокаленных камней. Столбовые ямки, выявленные на дне ямы, могли поддерживать какое-то перекрытие. Возможно, яма составляла часть наземной постройки с отопительным сооружением. Судя по стратиграфии, исследованные сооружения функционировали одновременно. По составу слабопрофилированной неорнаментированной лепной керамики, стеклянных бус, накладки аскизского типа эта часть могла функционировать в XI–XIII вв., соответствуя позднему этапу средней части городища. По мощности и характеру культурного слоя, конструкции ям, составу коллекции внешняя часть Кушманского городища аналогична внешней части городища Иднакар, территория которой начала застраиваться не ранее XI в. и функционировала в XII и XIII веков [4. С. 78–79].

На *мысовой части*, на поверхности сnivelированного вала прослежены зольник и столбовые ямы, позволяющие предполагать бытование здесь постройки. По предварительным данным вещевого комплекса укладывается в хронологические рамки X–XIII вв., то есть соответствует хронологии средней части.

Исследования методом магниторазведки и электротомографии впервые выявили культурный слой с заглубленными объектами (ямы – ?) за пределами укрепленной части городища. Данный результат чрезвычайно важен, поскольку дает основания предполагать наличие еще одной структурной части памятника и более интенсивное развитие поселения.

Таким образом, междисциплинарные исследования городища Учкакар за сравнительно короткие сроки позволили получить принципиально новую информацию о структуре поселения, которая оказалась более сложной, чем представлялась по внешне выраженным топографическим параметрам. По данным электроразведки можно с уверенностью утверждать, что городище в пределах, ограниченных внешним валом, имело трехчастную структуру. Раскопки ключевых участков показали, что оно функционировало в пределах X–XIII вв. Выявлено, что внешняя часть была заселена позже средней, скорее всего – в XI в. Для определения функций и хронологических рамок других структурных частей необходимы дальнейшие археологические изыскания.

Культурный слой городища насыщен разнообразными предметами, свидетельствующими о развитии основных хозяйственных занятий и железообрабатывающего, бронзолитейного и косторезного ремесленных производств. Выразительны зооморфные изделия из кости и рога. Впервые на чепецких памятниках обнаружена уплощенная орнитоморфная подвеска с развернутыми крыльями, выполненная из рога по мотивам пермского звериного стиля. Еще одна подвеска выполнена из позвонка крупного животного и отдаленно напоминает фигурку медведя.

Представляет интерес состав керамики. Среди фрагментов глиняных сосудов, изготовленных с примесью толченой раковины, характерных для чепецких памятников, встречаются фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге, сходные с сосудами городов Волжской Болгарии. Хотя в целом доля гончарной керамики по отношению к лепной невелика, но распределение ее по горизонтам демонстрирует ее значительное возрастание в конце XI–XIII вв., что свидетельствует об усилении болгарского влияния на местное население. Это явление наблюдается на Иднакаре [4. С. 208, табл. 20–21].

О торговых связях свидетельствуют находки бус, среди которых преобладает продукция ближневосточного производства (Сирия, Египет) на всем протяжении функционирования памятника. В отличие от коллекций погребальных памятников, бус древнерусского производства здесь немного. Примечательна находка фрагмента серебряной саманидской монеты X в.

Следует заметить, что вещевой комплекс городища Учкакар получен при вскрытии сравнительно небольших участков, поэтому по объему и разнообразию он не сопоставим с материалами городища Иднакар, но в коллекции представлены основные категории инвентаря, находимые при исследовании городищ бассейна р. Чепцы. Они в значительной степени дополняют источники для раскрытия различных аспектов материальной и духовной культуры населения финно-угорского средневековья.

Кроме того, с учетом современных требований проведен отбор археоботанических и палеопочвоведческих образцов и формирование остеологической коллекции, которые переданы для обработки в Институт археологии РАН (г. Москва) и Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино). Предварительные результаты анализа археоботанических и палинологических проб, оценки структуры коллекции костных остатков уже вносят существенные коррективы в сложившиеся представления об отдельных направлениях хозяйства, после обработки всего объема материалов возможно значительное уточнение модели хозяйственной жизни средневекового населения [1; 13; 17].

Обширные материалы комплексных исследований требуют детального научного анализа и осмысления, но, безусловно, результаты полевых исследований Кушманского городища существенно дополняют источники о структуре и планировке городищ чепецкой культуры, позволяющие в значительной мере конкретизировать особенности освоения и использования площадок, развития в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы.

Обширные материалы комплексных исследований требуют детального научного анализа и осмысления, но, безусловно, результаты полевых исследований Кушманского городища существенно дополняют источники о структуре и планировке городищ чепецкой культуры. Для дальнейшей конкретизации особенностей освоения и использования площадок, развития чепецких городищ в русле процессов урбанизации в лесной зоне Восточной Европы необходимо продолжение археологических раскопок мысовой части, террасы на юго-восточном склоне, культурного слоя за пределами внешней линии обороны и прилегающих селищ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антипина Е. Е., Яворская Л. В. Предварительные результаты исследования остеологической коллекции городища Учкакар. Раскоп I–2011 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. Отв. ред. и сост. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. С. 159–166.
2. Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., ШUTOва Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии // Под общей редакцией А. Г. Иванова, Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
3. Иванова М. Г. Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований–08. 2009. С. 171–181.
4. Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
5. Иванова М. Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: Удм. НИИ ИЭЛЯ при СМ УАССР, 1976. С. 93–106.
6. Иванова М. Г. Междисциплинарные исследования линий обороны городища Иднакар: особенности структуры и технологии формирования // Вестник Удмуртского университета. 2010. Серия 5: история и филология. Вып. 3. С. 52–60.
7. Иванова М. Г. Средневековые городища бассейна р. Чепцы: особенности топографии и планировочной структуры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 2. С. 48–56.
8. Иванова М. Г., Журбин И. В. Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 2 (10). С. 120–130.
9. Иванова М. Г., Журбин И. В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 68–79.
10. Иванова М. Г., Журбин И. В., Кириллов А. Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 97–108.
11. Иванова М. Г., Кириллов А. Н. Кушманское городище Учкакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 75–79.
12. Кириллов А. Н. Отчет об археологических разведках в Глазовском и Ярском районах Удмуртской Республики в 2007 году / Архив БУК «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».
13. Кондратьева Г. Т. Отчет о разведке по правому берегу р. Чепцы в Ярском районе Удмуртской АССР, произведенной в 1959 г. // Отчет Удмуртской археологической экспедиции за 1959 год / Архив ИА РАН, д. 1952; архив НМУР, д. 9.
14. Лебедева Е. Ю. Предварительные результаты изучения археоботанической коллекции средневекового городища Учкакар (Кушманское) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. Отв. ред. и сост. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. С. 182–194.
15. Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1896. Т. 2. 261 с.
16. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 28. 1952. 276 с.

17. Спиридонова Е. А., Алёшинская А. С., Иванова М. Г., Качанова М. Д. Результаты палинологических исследований образцов из шурфа 5 на Кушманском II селище // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. Отв. ред. и сост. Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. С. 254–264.

18. Спицын А. А. Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1893. Т. 1. 192 с.

Поступила в редакцию 9.09.2014

М. G. Ivanova, I. V. Zhurbin

Ancient Settlement Uchkakar (Kushmansky) of a Cheptsya River Basin: Main Results of Archaeological and Geophysical Research in 2011–2013 Years

The main results of archaeological and geophysical research of the ancient settlement Uchkakar (Kushmansky) of IX–XIII centuries are presented in the article. The research allows gaining new knowledge about structure and settlement planning. For example, unknown earlier fortification line was found on the Uchkakar settlement. This fact gave the grounds to claim that settlement Uchkakar had three-part structure, as well as other ancient settlements of Chepetskaya culture – Idnakar and Guryakar. The great value has the opening of the cultural layer with the objects of the planning beyond the third, the outer line of fortifications.

Application of new methods allowed restoring site planning and revealing features of structural parts with determining the power of cultural layer, location and geometric parameters of various objects. As a result of geophysical research the sizes of three fortification lines were specified and their structure was defined.

Archeological research of key sites on all structural parts provided sources about constructions and materials for cultural and chronological justifications of a monument. These sources significantly supplement data about culture and economic activity of the medieval population; allow developing the concept of evolution of the ancient settlement. New materials are extremely important for the comparative analysis of features of formation of planning structure of medieval settlements of a forest zone of Eastern Europe.

Keywords: Finno-Ugrians, ancient settlements, Middle Ages, archaeological and geophysical research, fortification lines, stratigraphy, planning structure.

Иванова Маргарита Григорьевна,

доктор исторических наук, профессор,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: margrig45@mail.ru

Журбин Игорь Витальевич,

доктор исторических наук, кандидат технических наук,

Физико-технический институт Уральского отделения РАН

426000, Россия, г. Ижевск, ул. Кирова, 132

E-mail: zhurbin@udm.ru

Ivanova Margarita Grigoryevna,

Doctor of Sciences (History), Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: margrig@mail.ru

Zhurbin Igor Vitaljevich,

Doctor of Sciences (History), Candidate of Technical Sciences,
Physics and Technology Institute of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
426000, Russia, Izhevsk, Kirov St., 132
E-mail: zhurbin@udm.ru

УДК 572.9

И. Г. Широбоков

**К АНТРОПОЛОГИИ
ПЕРМСКИХ НАРОДОВ XVII–XIX вв.
(краниологические данные)**

В статье проанализированы краниологические материалы по пермским народам. Рассмотрен вопрос о морфологическом единстве удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян. Прослежена генетическая преемственность групп со средневековым населением Волго-Камья.

Ключевые слова: удмурты, коми-пермяки, коми-зыряне, антропологический состав, краниология, физическая антропология.

Введение

Последние данные по краниологии удмуртов были введены в научный оборот более 40 лет назад. Эти материалы представлены двумя сборными выборками южных и северных удмуртов, основу которых составили серии, полученные при раскопках кладбищ Н. М. Малиевым и М. С. Акимовой, дополненные В. П. Алексеевым [2; 5; 9. С. 41]. Материалы по северным удмуртам представлены выборкой Буринского могильника и 3 черепами из кладбища близ села Балезино, по южным удмуртам – выборками Аксакшурского и Можгинского I могильников, а также сборной серией черепов из раскопок кладбищ под Мамадышем и Малмыжем).

Впоследствии, в конце 1980-х гг., значительные по объему материалы по удмуртам, находившиеся в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН) и Удмуртского государственного университета (УдГУ), были измерены по ряду антропологических программ Г. В. Рыкушиной. Большая часть изученных ею материалов происходит из раскопок Н. И. Шутовой и в территориальном отношении охватывает значительную часть исторической области расселения удмуртов [40]. К большому сожалению, эти данные не были опубликованы и в настоящее время остаются недоступными для других исследователей.

Многие антропологические коллекции безвозвратно утрачены в результате перезахоронений сотрудниками УИИЯЛ УрО РАН скелетных останков, происходящих из раскопок ряда могильников, а также депаспортизации и разрушения части коллекций, находящихся на хранении в институте и университете. На протяжении

последних пяти лет автором были измерены по принятой в практике российских антропологов краниометрической программе все доступные антропологические материалы УдГУ и УИИЯЛ УрО РАН, относящиеся к периоду от конца I до конца II тысячелетия н.э., в том числе измеренные ранее Г.В. Рыкушиной. В 2012 г. в рамках соглашения между УИИЯЛ УрО РАН и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (МАЭ РАН) ряд краниологических коллекций, отобранных сотрудниками последнего, были переданы из института в фонды отдела антропологии МАЭ РАН на постоянное хранение и зарегистрированы под номером 7545.

В результате исследований опубликованные ранее данные по краниологии удмуртов были дополнены выборками из 11 могильников (в числе последних: Чабыровский, Еловский, Качкашурский II, Едыгронский, Большедокъянский II, Чужьяловский, Якшурский, Пуро-Можгинский I, Арняшский, Атынский и Енабердинский могильники). В общей сложности автором было измерено 62 черепа (30 мужских и 32 женских), относящихся к XVII–XIX вв. К настоящему времени краниологические материалы, характеризующие антропологический состав удмуртов, представлены более чем 270 черепами.

Появление новых данных и доступность бланков краниометрических измерений В.П. Алексеева, копии которых находятся в архиве МАЭ РАН, позволили произвести новую разбивку удмуртских серий на несколько территориальных групп. В числе последних были выделены:

- северо-западная (среднечепецкая) группа (Еловский и Чабыровский могильники);
- северо-восточная (верхнечепецкая) группа (Буринский, Чубойский, Качкашурский II);
- юго-восточная (ижская) группа (Аксакшурский, Якшурский, Пуро-Можгинский I) + выборка Едыгронского могильника;
- юго-западная (вало-кильмезская) группа (Можгинский I, Большедокъянский II, Чужьяловский) + выборка Енабердинского могильника;
- группа северо-западного Татарстана (Арняшский, Атынский, могильники под Мамадышем).

Характеристики и датировки всех могильников приведены в монографии Н. И. Шутовой [40]. Исключение составляют материалы Едыгронского могильника XVII – начала XIX в., раскопанного И. Г. Шапран в 1990 г. (археологические материалы не опубликованы), а также сборная серия из кладбищ под Мамадышем и Малмыжем, раскопанных в 1871 г. Н. М. Малиевым. Датировка последней предположительно укладывается в рамки XVII–XVIII вв. [9. С. 41]. Выборка из могильника у с. Базезино, обследованного П. Г. Тарасовым в 1906 г., по предположению А. Г. Иванова, происходит из Чубойского могильника XVII–XVIII вв., характеристика которого также приведена в монографии Н. И. Шутовой.

В качестве основного критерия для выделения групп рассматривалось относительное географическое расположение могильников. Сама необходимость объединения выборок в территориальные группы связана с небольшой численностью серий из отдельных памятников, значительная часть которых представлена единичными черепами. Последнее обстоятельство не позволяет при межгрупповом сопоставлении с уверенностью интерпретировать отклоне-

ния характеристик краниологических выборок, происходящих из конкретных могильников, как случайные или как отражающие реальную территориальную изменчивость удмуртского населения.

В некоторых случаях отнесение выборок к определенной группе может показаться спорным, тем не менее, как правило, оно находит подтверждение в антропологических материалах. Так, например, правомерность выделения в бассейне р. Чепцы среднечепецкой и верхнечепецкой групп подтверждается реально существующими различиями между морфологическими характеристиками соответствующих серий черепов. Выборка из Едыгронского могильника занимает в территориальном и краниологическом отношениях промежуточное положение между верхнечепецкой и ижской группами, однако в большей степени все же сближается со второй. Серия из Енабердинского могильника суммирована с вало-кильмезской группой, так как относительно близка к ней территориально. Предложенное автором деление на группы носит предварительный характер. Чтобы не лишать других исследователей возможности создания иных вариантов группировок, в таблице 1 приведены значения ряда основных краниометрических признаков не для обобщенных серий, а для выборок по отдельным могильникам.

Материалы синхронного времени по коми-пермякам и коми-зырянам менее значительны по территориальному охвату. Коми-пермяки представлены двумя сериями, происходящими из раскопок кладбищ кон. XVIII – нач. XIX в. у Кудымкара [9. С. 40] и д. Пятигоры (неопубликованные материалы В. И. Хартановича), коми-зыряне – выборками из кладбищ близ Гривы и Подъельска, относящимися к XIX – нач. XX в. [34].

Расположение могильников всех изученных пермских групп отображено на рисунке 1.

Целью настоящего исследования является анализ антропологического состава близких к современности пермских групп (в первую очередь удмуртов, представленных наибольшим числом выборок). Анализ осуществлялся при помощи методов многомерной статистики, корректное применение которых для межгрупповых исследований в антропологии обосновано в работах В. Е. Дерябина [19]. Исследование проводилось по 14 краниометрическим признакам: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, zm, 77, 75(1), SS:SC (№№ по Мартину и др.). Данные измерений подвергались каноническому дискриминантному анализу с использованием стандартной внутригрупповой корреляционной матрицы, а также сопоставлялись при помощи расстояний Махаланобиса. Для проведения расчетов использовались пакет программ «STATISTICA 8» и адаптированные для антропологического анализа программы, написанные Б. А. Козинцевым («CANON») и И. А. Гончаровым («Multican»).

Общая краниологическая характеристика серий и межгрупповая изменчивость пермских народов

подавляющая часть выборок пермских групп отличается общностью краниологического типа. Территориальная дифференциация краниологических выборок удмуртов и коми-пермяков XVII–XIX вв. выражена значительно менее отчетливо, чем межгрупповые различия населения бассейна р. Чепцы

в IX–XII вв. Пермские народы характеризуются короткой, среднеширокой или широкой, брахикранной по указателю черепной коробкой со средневысоким сводом и среднешироким лбом. Лицевой скелет средневысокий и среднеширокий, как правило, несколько уплощен на уровне орбит и клиногнатен на уровне альвеолярного отростка. Орбиты низкие, средней ширины. Грушевидное отверстие имеет средние размеры, носовые кости среднеширокие и высокие как по абсолютным размерам, так и по указателю. При этом угол носа к линии профиля относится к средним величинам. Женские выборки характеризуются сходными параметрами. Для некоторых параметров черепа прослеживается направленная территориальная изменчивость. Так, с запада на восток постепенно уменьшаются длина черепной коробки и высота лица, а также увеличивается уплощенность лицевого скелета. Систематические различия между выборками удмуртов и коми-пермяков отсутствуют, исключение составляют высота лица и симотический указатель – оба признака имеют несколько меньшую величину у коми-пермяков. Эти вариации, впрочем, незначительны на общем фоне антропологической изменчивости населения Волго-Камского региона.

За границы приведенного описания выходят характеристики северо-западных групп пермян: среднечепецкой группы удмуртов и коми-зырян. Мужские черепа в данных выборках отличаются высоким сводом, лицевой скелет широкий, резко профилирован на уровне альвеолярного отростка, нос к линии профиля выступает сильно. Следует отметить, что женская выборка среднечепецких удмуртов выделяется среди пермских групп противоположной комбинацией признаков: наиболее узким лицевым скелетом и слабо выступающим носом. Расхождения могут быть связаны с тем, что большая часть мужских черепов происходит из Чабыровского могильника, а женских – из Еловского. Однако в любом случае выявленные различия свидетельствуют о некотором усилении гетерогенности населения в северных районах расселения пермских финно-угров.

Отметим, что сходная картина наблюдается по соматологическим данным. Г. А. Аксянова, опираясь на собственные данные 1996 г. по удмуртам Можгинского района и данные, собранные М. В. Витовым среди ярких удмуртов в первое послевоенное десятилетие, отмечает высокие межгрупповые различия между ними. При этом расхождение объясняется исследователем главным образом большим хронологическим разрывом (около полувека) между экспедициями [8. С. 189–190]. По независимым данным, полученным в 1984 г. А. И. Дубовым, на фоне гомогенных удмуртских выборок центральных и северных районов Удмуртии особое место занимают удмурты Ярского района (на территории которого, отметим, располагаются Чабыровский и Еловский могильники), для которых характерны относительно высокие частоты светлых волнистых волос и высокое переносье. Исследователем это отклонение интерпретируется как следствие присутствия неучтенной русской примеси [20. С. 105–106]. Однако, как будет показано ниже, если принять допущение, что выделение удмуртов северо-западного района Республики по данным разных систем не является случайным, оно может быть объяснено иными причинами.

В целом накопленные к настоящему времени данные о вариативности краниологических комплексов населения Европы свидетельствуют о принадлежности

указанных выше характеристик к локальным вариантам европеоидной расы. Влияние монголоидного компонента в морфологической характеристике черепов практически не проявляется, а для выборок коми-зырян и среднечепецких удмуртов может быть с уверенностью исключено.

Для оценки межгрупповых различий с учетом внутrigрупповых корреляций между краниометрическими признаками была построена матрица расстояний Махаланобиса (Табл. 2). В рамках территориальной изменчивости удмуртских выборок наиболее близкую к «общеудмуртской» характеристике имеют серии из могильников юго-западных районов Удмуртии (среднее расстояние Махаланобиса с остальными группами составляет 1.56) и северо-западного Татарстана (1.78). Наибольшие расстояния от других групп (что вполне ожидаемо) отделяют группу среднечепецких удмуртов. В рамках пермских народов наиболее близкое положение к средней характеристике занимают удмурты Татарстана (0.53), выборки коми-пермяков Кудымкара (0.31) и Пятигор (0.81).

Результаты генетических исследований удмуртов позволяют использовать эти данные для решения отдельных задач в рамках краниологии. Изучение ряда полиморфных ДНК-локусов, гаплогрупп митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в группах южных, центральных и северных районов Удмуртии привело исследователей к выводам об относительно низкой межпопуляционной изменчивости [41. Р. 576–577], высокой роли эффекта основателя и дрейфа генов в истории формирования генофонда современных удмуртов [42; 43], о значительном сокращении численности их предков в эпоху средневековья и резком росте популяции в течение последних 10 поколений [44. Р. 918]. Эти результаты свидетельствуют о том, что генетическое изучение современных удмуртов (в отличие от изучения палеоДНК) не может играть значительную роль при изучении ранних этапов истории пермских финно-угров.

Однако применение описанных результатов к краниологическим материалам XVII–XIX вв. (период, на который приходится резкий рост численности удмуртов) позволяет предположить, что территория, с которой происходит выборка, в наибольшей степени сближающаяся с «общеудмуртской» характеристикой, с высокой степенью вероятности являлась изначальной областью формирования ставшего типичным для удмуртов краниологического комплекса. В таком случае юго-западные районы Удмуртии и северо-западные районы Татарстана в наибольшей, а северо-западные районы Удмуртии в наименьшей степени соответствуют такой области. Это предположение согласуется с гипотезой о формировании ядра удмуртского этноса в нижнем течении Камы в начале II тыс. н.э. [38; 27; 13].

Если исходить из предположения, что такой подход применим в целом к пермским группам, то возникает соблазн установления области, в которой протекало формирование общего прапермского антропологического комплекса на краниологическом материале. В рамках краниологической вариабельности выборок пермских финно-угров центральное место занимают коми-пермяки Кудымкара. Этот результат можно было бы рассматривать как подтверждающий гипотезу о формировании пермской прародины в районе Верхней и Средней Камы, обоснованную С. К. Белых [11; 12]. Однако в данном случае, несмотря

на притягательную простоту метода, подход не подкрепляется аналогичными результатами генетических исследований, что не позволяет им пользоваться с той же уверенностью, как по отношению к удмуртским группам. Кроме того, само существование генетического (в рассматриваемом случае краниологического) единства прапермской общности, часто подразумеваемого для древних языковых общностей имплицитно, требует, как представляется автору, отдельного обоснования, которое не может опираться на материалы Нового времени. К сожалению, при сохраняющихся значительных лакунах в изучении антропологических материалов Прикамья I – первой пол. II тыс. н.э. любые предположения на этот счет могут носить лишь предварительный характер.

Общее представление о роли территориальной и хронологической изменчивости в формировании состава пермских народов XVII–XIX вв. может быть получено при помощи методов многомерной статистики с привлечением широкого круга сравнительных материалов.

Положение краниологических выборок пермских народов среди синхронных групп населения европейской части России

На первом этапе к анализу были привлечены материалы синхронного времени по группам населения Волго-Камья, центральных и северных районов европейской части России. Всего при проведении канонического анализа были использованы данные измерений 44 выборок XVII–XIX веков. К сожалению, в настоящее время отсутствуют какие-либо краниологические материалы по бесермянам и чепецким татарам.

Положение групп в пространстве первых двух векторов, суммарно охватывающих около половины изменчивости исходных признаков (50,5 %), свидетельствует о краниологической общности большей части пермских групп (Рис. 2). Исключение составляют обе выборки коми-зырян, а также северо-западная группа удмуртов, сближающиеся с сериями карел и ижоры, образующими восточнобалтийский кластер на графике. Отметим, что русское население Волго-Камья (выборки Вятской губернии, села Гольяны, Казани и Ижевска) также по сумме векторов сближаются с восточнобалтийскими группами, отклоняясь от основной части образующих обособленное скопление выборок русских. Следовательно, специфичность краниологической характеристики среднечепецкой группы удмуртов может объясняться не контактами с русским населением (хотя и не полностью исключаемыми), а включением в состав первых общего североевропейского компонента с широким географическим ареалом.

Отклонение морфологической характеристики черепа среднечепецких удмуртов в североевропеоидном направлении снимает также вопрос об участии в их формировании (рассматриваемых групп, но не северных удмуртов в целом) групп чепецких татар или бесермян. Соответствующие краниологические материалы отсутствуют в распоряжении исследователей. Однако анализ значительных по объему соматологических данных свидетельствует о взаимной близости типов бесермян и чепецких татар и выраженности в их составе южноевропеоидных – понтийских черт внешности [7].

Наиболее близкими к основному массиву пермских групп оказывается население Среднего Поволжья, в том числе сборные выборки казанских татар, мордвы-эрзя и горных марийцев, а также русское население Казани и Вятской губернии. Мордва-мокша, луговые марийцы и серии саамов образуют отдельное скопление, которое не является единым в географическом отношении и по морфологической характеристике составляющих его групп может быть условно обозначено как уральское. Нагрузки на вектора показывают, что группы, расположенные в левом нижнем секторе графика, характеризует понижение высоты свода черепа (17) и угла выступания носа (75(1)), увеличение ширины лице (45) и его уплощенности на уровне альвеолярного отростка (zm). Уменьшение углов горизонтальной профилировки на территории Восточной Европы обычно связывают с присутствием недифференцированного уральского (субуральского) или метисного монголоидно-европеоидного компонента. Показательно, что краниологические серии удмуртов и коми-пермяков уступают в содержании этого компонента не только луговым марийцам, но и мордве-эрзе, а также чувашам, а у коми-зырян и карел, по всей видимости, его доля близка к нулевой.

Последнее наблюдение не является новым. Ранее в ходе интеграции данных краниоскопии и краниометрии А. Г. Козинцев и В. Г. Моисеев пришли к выводу, что для удмуртов, коми-зырян и карел не характерны типичные для уральцев комбинации признаков [24. С. 86–87; 24. С. 56]. По новым данным, по краниоскопическим признакам «уральская» тенденция сильно выражена у удмуртов Татарстана, однако к выводу следует относиться с осторожностью из-за небольшой численности выборки [26. С. 59]. Поскольку в отечественной антропологии обсуждение роли компонентов монголоидного (уралоидного, субуральского, сублапоноидного, западносибирского) происхождения по данным разных систем антропологических признаков в формировании состава народов Волго-Камья, в том числе удмуртов, имеет собственную давнюю историю, эта тема, очевидно, требует отдельного обсуждения, выходящего за рамки данного исследования.

Положение краниологических выборок пермских народов среди средневековых групп населения Восточной Европы и Западной Сибири

На следующем этапе исследования к анализу, помимо пермских групп XVII–XIX вв., были привлечены данные 34 краниологических выборок Волго-Камья, относящихся ко второй половине I – началу II тысячелетия н.э. В их числе серии, характеризующие группы Нижней Камы булгарского и золотоордынского времени [4; 6; 16; 21], население, оставившее полоумско-чепецкие [18; 2; 5; 30; 22; 39; неопубликованные данные автора], ломоватовские [5; неопубликованные данные автора], родановские [22; 15], азелинские [3; 9], мазунинские памятники [5; 29; 31; 28; неопубликованные данные автора], а также средневековых марийцев [6; 22]. К сожалению, интерпретация результатов анализа затруднена из-за полного отсутствия каких-либо публикаций, посвященных антропологическому составу населения, оставившего памятники

верхнеутчанской, еманаевской, неволинской, чумойтлинской, кочергинской, вымской, ванвиздинской культур. Однако изучение уже введенных в научный оборот краниометрических данных позволяет наметить основные закономерности в трансформациях антропологического состава населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья.

Результаты статистического анализа сведены в таблицу 3, в которой представлены расстояния Махаланобиса между поздними пермскими и средневековыми выборками. В качестве условной границы близкого сходства использовалось среднее расстояние между группами пермян (-0.41).

Среди привлеченных к анализу материалов на первое место выступает сближение всех пермских групп с выборками Верхнего Прикамья XII–XV вв., а также отдельными сериями с северной территории Волжской Булгарии X–XIII веков. Выборка Митинского могильника V–VII вв. также сближается с пермскими группами, в наименьшей степени сближаясь с зырянами. Сборная ломоватовская выборка из Пешнигортского и Деменковского могильников, хронологически относящаяся к периоду между временем функционирования родановских и Митинского могильников, с пермскими финно-уграми сходна в меньшей степени. Сходство коми-зырян со средневековыми группами во всех случаях сопоставления уступает сходству с последними выборками двух других пермских этносов. Исключение составляют только выборки из родановских могильников, которые обладают фактически аналогичной коми-зырянам морфологической характеристикой.

Из числа пермских групп только в характеристике коми-зырян практически нет систематических отклонений от комплекса, выявленного у родановского населения. Исключение составляет меньшая длина черепной коробки, обусловившая брахикранию первых, но этот признак характеризуется выраженной эпохальной изменчивостью. В то же время выборки коми-пермяков очевидно уступают родановцам по большинству высотных размеров черепа, сближаясь в этом отношении с ломоватовскими группами. В свою очередь систематические различия родановцев и удмуртов связаны с меньшей шириной лба и некоторой уплощенностью лица на уровне альвеолярного отростка у последних. Эти признаки в наибольшей степени сближают удмуртов с некоторыми средневековыми группами северных областей Татарстана.

Следует отметить также, что родановские группы сближаются с выборками из Митинского (среднее расстояние Махаланобиса -2.18) и Поломского I могильников (-4.11), а также пермскими группами XVII–XIX вв. (-2.09) в большей степени, чем со сборной серией из Деменковского и Пешнигортского могильников (0.88), относящейся непосредственно к предшествующему родановцам времени. В настоящее время изучение вопроса о связях групп населения родановской и ломоватовской культур в лучшей степени обеспечено историческими и археологическими источниками, нежели данными физической антропологии. По этой причине два антропологических наблюдения – сходство выборок коми-зырян и родановцев, а также систематические расхождения в характеристиках последних с ломоватовцами – следует, по всей вероятности, рассматривать как следствие исторически зафиксированного перемещения

групп населения с территории бассейна Вычегды на Верхнюю Каму в середине II тыс. н.э. Степень различий между группами переселенцев и субстратным населением, связанными, вероятно, общностью происхождения в прошлом, является достаточной для фиксации изменения состава региона и не может быть сведена к эпохальной вариативности признаков. Следовательно, тот факт, что краниологические комплексы части предковых групп родановцев и ломоватовцев формировались в условиях различного в антропологическом отношении окружения, не подлежит сомнению.

Среди серий кон. I – нач. II тыс. н.э. в наименьшей степени сближаются с пермянами поломско-чепецкие выборки. Единственное близкое расстояние фиксируется между выборкой из Поломского I могильника и среднечепецкими удмуртами XVII–XVIII веков. Несомненно, во всех случаях сопоставления величина расстояний между выборками не отражает напрямую генетического родства групп. В определенной степени она обусловлена уже упоминавшейся эпохальной изменчивостью краниометрических признаков. Частично по этой причине для пермских финно-угров азелинские выборки оказались максимально далекими, а позднесредневековые серии с территории Татарстана и Верхнего Прикамья – максимально близкими среди сравниваемых выборок. Однако фактор времени не может быть использован в качестве основного при объяснении больших различий между чепецкими и поздними пермскими сериями. Среднее расстояние между ними и удмуртами XVII–XIX вв. и любой из средневековых чепецких серий (за исключением Поломского I могильника) больше, чем расстояние между первыми и некоторыми мазунинскими сериями (например, Боярского и Тарасовского могильника), в хронологическом отношении отстоящими значительно дальше от групп пермских этносов.

В настоящее время среди исследователей представлено несколько точек зрения на генетические отношения населения, оставившего памятники поломско-чепецкой культуры, и современных жителей региона: от признания средневековых обитателей бассейна Чепцы основным компонентом в формировании северной группы удмуртов [23] до отрицания существования неразрывной преемственности между первыми и вторыми [38]. Результаты краниологического исследования в большей степени согласуются с позицией тех исследователей, которые полагают, что потомки местного населения частью вошли в состав позднесредневековых групп переселенцев, ставших предковыми для современных северных удмуртов [17. С. 374–375; 14. С. 6; 13. С. 48–51]. Как было показано выше, среднечепецкие удмурты в наибольшей степени отклоняются от общеудмуртского типа, в то же время сближаясь с близкими к современности группами восточнобалтийского ареала. Это сходство вряд ли следует интерпретировать как следствие поздних контактов. Представленный у карел, ижоры, коми-зырян и среднечепецких удмуртов краниологический комплекс в древности имел широкое распространение на территории Европы, а для удмуртского населения находит ближайшие аналогии в группах прикамского населения кон. I тыс. н.э. – нач. II тыс. н.э., в том числе в антропологических материалах Поломского I могильника и памятников родановской культуры.

Заключение

В целом итоги краниометрического изучения новых и ранее опубликованных материалов, характеризующих антропологический состав пермских групп в XVII–XIX вв., можно свести к следующим заключениям:

1. Изменчивость краниологических признаков в выборках пермских финно-угров XVII–XIX вв. позволяет выделить в их составе два европеоидных комплекса, которые условно могут быть обозначены как прикамский и североевропейский. Коми-пермяки и большая часть удмуртских групп относятся к первому, а коми-зыряне и выборка среднечепецких удмуртов – ко второму типу. Типы на статистически значимом уровне различаются между собой по высоте свода черепа, ширине лица и его горизонтальной профилировке на уровне альвеолярного отростка. Кроме того, в рамках прикамского типа коми-пермяки выделяются несколько меньшими высотными размерами свода черепа и лицевого скелета. В рамках североевропейского типа среднечепецкие удмурты отличаются менее выраженной брахикранией и более выступающими носовыми костями.

2. Результаты сопоставления данных генетики и краниологии позволяют предположить, что юго-западные районы Удмуртии и северо-западные районы Татарстана являлись той областью, в которой сложился краниологический комплекс, определивший впоследствии антропологический облик удмуртов XVII–XIX веков. В случае, если это предположение справедливо, выборки из могильников чумойтлинской культуры в числе групп I – первой половины II тыс. н.э. должны, по всей вероятности, обладать наибольшей степенью сходства с позднесредневековыми удмуртскими сериями.

3. Группы населения полемско-чепецкой культуры не принимали участия в качестве основного компонента при формировании антропологического состава современных северных удмуртов. Однако средневековое население бассейна р. Чепцы, вероятно, оказало некоторое влияние на состав удмуртов северо-западных районов Удмуртии.

4. Генетическая связь пермских народов со средневековым населением Верхнего Прикамья, по-видимому, не должна вызывать сомнений. Этот факт, впрочем, в настоящее время можно рассматривать пока лишь как свидетельство родства групп, но не общего происхождения предков пермских финно-угров из районов Верхней Камы. Эпоха средневековья в изучении истории Прикамья по-прежнему слабо обеспечена антропологическими материалами. Отсутствие каких-либо краниологических данных для целой серии археологических культур и территориальных районов не позволяет детально проследить процесс сложения антропологического состава пермских групп. Ключ к решению этой проблемы кроется в изучении истоков основных компонентов и характера изменения состава населения Волго-Камья в середине I – середине II тыс. н.э.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность А. Г. Иванову за ценные замечания к тексту статьи, а также предоставленные узкие датировки материалов из могильников полемско-чепецкой культуры.

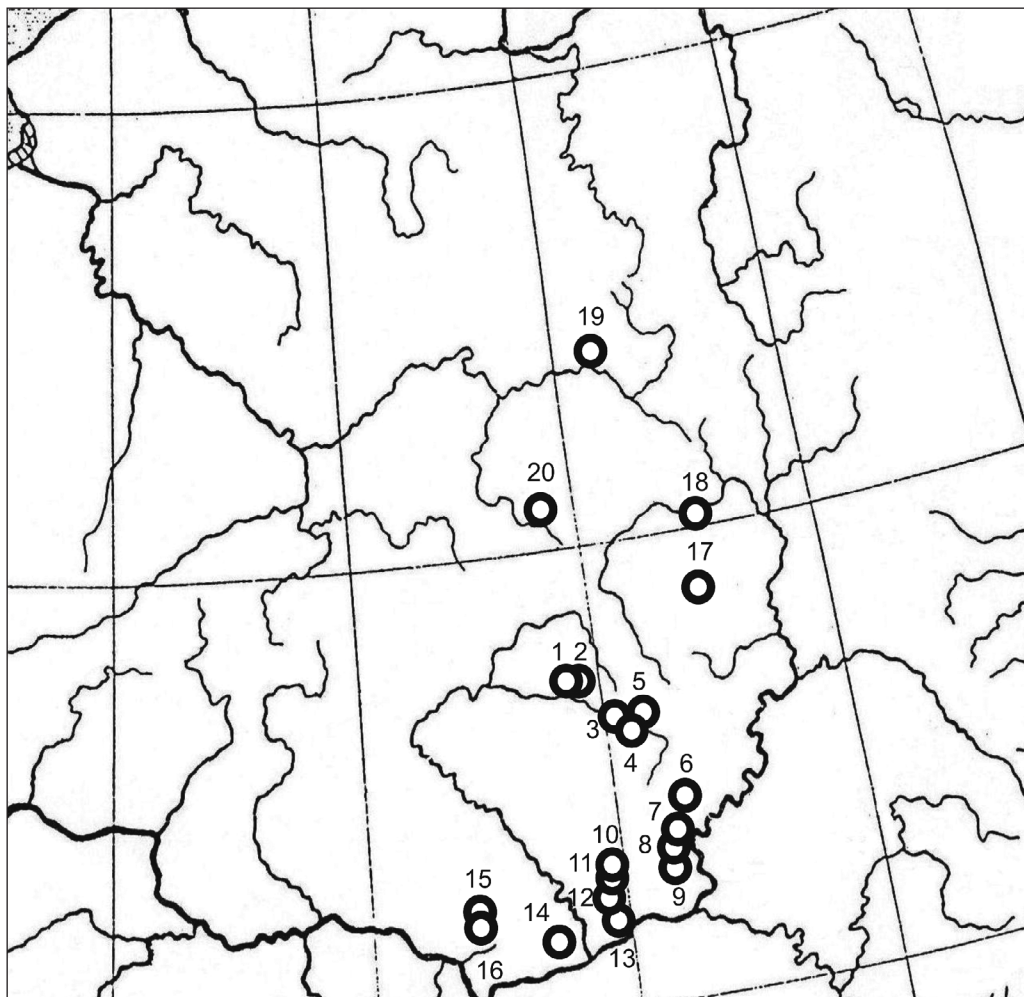

Рис. 1. Расположение могильников XVII–XIX вв., материалы которых использовались для краниологического изучения пермских финно-угров.

Обозначения могильников: 1 – Еловский; 2 – Чабыровский; 3 – Качкашурский II; 4 – Чубойский; 5 – Буринский; 6 – Едыгронский; 7 – Якшурский; 8 – Пуро-Можгинский; 9 – Аксакшурский; 10 – Большедокъянский II; 11 – Чужьяловский; 12 – Можгинский I; 13 – Енабердинский; 14 – могильники под Мамадышем и Малмыжем; 15 – Арняшский; 16 – Атынский; 17 – Кудымкарский; 18 – Пятигорский; 19 – Подбельский; 20 – Гривский

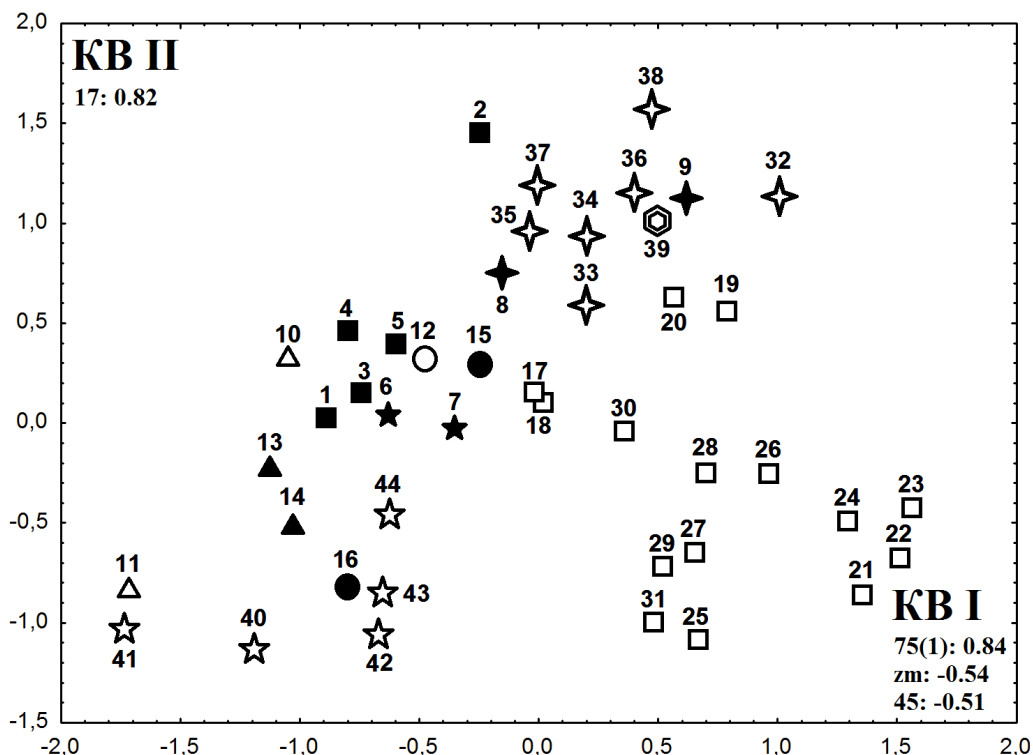

Рис. 2. Расположение 44 краниологических выборок XVII–XIX вв. с территории европейской части России в пространстве I и II канонических векторов.

КВ I и II – канонические векторы; маленькими цифрами обозначены признаки и наибольшие величины нагрузок на векторы. Обозначения групп: *Удмурты*: 1 – верхне-чепецкая группа; 2 – среднечепецкая группа; 3 – юго-западная группа; 4 – юго-восточная группа; 5 – татарская группа. *Коми-пермяки*: 6 – Пятигоры; 7 – Кудымкар. *Коми-зыряне*: 8 – Подбельск; 9 – Грива. *Марийцы*: 10 – горные; 11 – луговые. *Татары*: 12 – казанские татары. *Чуваши*: 13 – северные; 14 – южные. *Мордва*: 15 – эрзя; 16 – мокша. *Русские*: 17 – Вятская губ.; 18 – Казань; 19 – Ижевск; 20 – с. Гольяны, Удмуртия; 21 – Новгородская губ.; 22 – Ярославская губ.; 23 – Тверская губ.; 24 – Костромская губ.; 25 – Архангельская губ.; 26 – Псковская губ.; 27 – Вологодская губ.; 28 – Петербургская губ.; 29 – Олонецкая губ.; 30 – Старая Ладога; 31 – Московская губ. *Карелы*: 32 – Турха; 33 – Кондиевуара; 34 – Пеккавуара; 35 – Боконвуара; 36 – Чикша; 37 – Регярви; 38 – Алозеро. *Ижора*: 39 – Липпово. *Саамы*: 40 – Северная Салма; 41 – Чальмны-Варрэ; 42 – Пулозеро; 43 – Варзино; 44 – Иоканга.

Источники данных: 1–5, 19–20 – неопубликованные данные автора, суммированные с материалами М. С. Акимовой [5] и В. П. Алексеева [9]; 6 – неопубликованные данные В. И. Хартановича; 7, 10, 11, 15–18, 21–31 – [9]; 8, 9 – [34]; 12–14 – [10]; 32–37 – [33]; 38 – [37]; 39 – [35]; 40 – [36]; 41–44 – [32]

**Средние значения некоторых краниометрических признаков
в мужских и женских выборках из удмуртских могильников XVII–XIX вв.**

№ пол	1		2		3		4		5		6		7		8	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	184.0 (1)	169.8 (6)	174.7 (6)	167.0 (3)	184.0 (2)	177.0 (2)	165.0 (1)	167.5 (2)	176.9 (33)	168.9 (36)	175.2 (6)	170.7 (3)	170.7 (3)	164.0 (3)	170.0 (1)	170.0 (2)
8	145.0 (1)	136.4 (5)	140.5 (6)	134.0 (2)	145.5 (2)	135.5 (2)	137.0 (1)	143.0 (2)	145.4 (33)	138.5 (36)	144.3 (6)	140.7 (3)	140.0 (3)	135.3 (3)	148.0 (1)	135.0 (1)
17	144.0 (1)	131.2 (6)	139.8 (6)	126.0 (2)	134.5 (2)	133.0 (2)	-	132.5 (2)	134.1 (32)	130.3 (36)	134.4 (5)	128.7 (3)	138.5 (2)	128.3 (3)	134.0 (1)	132.0 (1)
9	100.0 (1)	93.4 (5)	93.7 (6)	96.3 (3)	99.0 (2)	94.0 (2)	88.0 (1)	95.5 (2)	95.0 (34)	92.5 (36)	97.7 (6)	96.3 (4)	93.5 (2)	93.5 (2)	96.5 (2)	92.0 (2)
45	141.0 (1)	122.3 (3)	135.8 (5)	124.7 (3)	133.5 (2)	121.0 (2)	130.0 (1)	127.5 (2)	133.8 (33)	126.6 (36)	132.0 (6)	126.0 (2)	130.5 (2)	-	132.0 (1)	125.0 (1)
48	72.0 (1)	68.3 (4)	71.8 (5)	64.3 (3)	74.0 (2)	69.5 (2)	69.0 (1)	70.0 (1)	71.5 (31)	65.6 (35)	71.4 (5)	73.0 (2)	73.0 (1)	-	73.0 (1)	-
55	54.0 (1)	47.4 (5)	53.6 (6)	45.0 (3)	52.0 (2)	50.5 (2)	51.0 (1)	52.0 (1)	52.7 (32)	48.6 (35)	50.8 (6)	50.5 (2)	49.5 (2)	47.0 (2)	50.0 (2)	-
54	24.0 (1)	24.1 (5)	25.3 (6)	25.0 (3)	26.0 (2)	25.5 (2)	24.0 (1)	25.0 (1)	23.5 (32)	24.5 (35)	26.8 (6)	26.3 (3)	24.0 (1)	23.0 (1)	26.0 (1)	-
51	45.0 (1)	41.0 (5)	42.4 (5)	41.0 (3)	43.5 (2)	41.5 (2)	42.0 (1)	43.0 (1)	42.0 (33)	40.1 (35)	43.7 (7)	46.5 (2)	40.0 (1)	40.0 (2)	43.5 (2)	-
52	31.0 (1)	33.4 (5)	33.3 (5)	30.3 (3)	31.5 (2)	34.3 (2)	31.0 (1)	31.5 (1)	33.8 (34)	32.6 (35)	33.8 (6)	34.0 (2)	30.0 (1)	34.0 (2)	33.5 (2)	-
77	133.9 (1)	140.2 (4)	142.4 (6)	144.8 (3)	145.5 (2)	141.6 (2)	151.2 (1)	149.9 (1)	141.8 (32)	143.6 (36)	144.7 (6)	146.9 (2)	148.5 (1)	142.8 (1)	140.0 (2)	-
zm	132.9 (1)	124.6 (1)	125.1 (5)	132.1 (3)	132.3 (2)	129.5 (2)	130.0 (1)	133.0 (1)	129.2 (29)	129.2 (32)	132.8 (6)	131.0 (2)	126.4 (1)	-	130.2 (2)	-
SC	8.6 (1)	7.3 (5)	8.5 (6)	8.8 (3)	8.5 (2)	10.7 (2)	7.3 (1)	7.0 (1)	8.5 (30)	8.3 (34)	10.2 (6)	8.9 (3)	-	9.4 (1)	8.4 (2)	-
SS	4.2 (1)	2.7 (5)	4.7 (6)	2.4 (3)	4.4 (2)	5.2 (2)	2.0 (1)	2.7 (1)	4.2 (30)	3.3 (34)	5.2 (6)	3.3 (3)	-	3.0 (1)	4.1 (2)	-
75(1)	28.0 (1)	22.0 (2)	30.6 (5)	21.3 (3)	31.0 (1)	24.5 (2)	-	26.0 (1)	26.4 (28)	23.8 (32)	24.5 (6)	20.5 (2)	-	-	-	-

Обозначения могильников: 1 – Еловский; 2 – Чабыровский; 3 – Качкашурский II; 4 – Чубойский; 5 – Буринский; 6 – Едыгронский; 7 – Якшурский; 8 – Пуру-Можгинский

№ пол	9		10		11		12		13		14		15		16	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	177.0 (3)	168.8 (5)	166.0 (1)	171.0 (1)	170.0 (1)	161.0 (1)	174.3 (55)	168.8 (33)	175.8 (4)	169.8 (6)	179.0 (20)	169.5 (15)	177.7 (3)	171.0 (3)	181.0 (2)	176.0 (1)
8	147.3 (3)	137.2 (5)	146.0 (1)	137.0 (1)	148.5 (2)	135.0 (1)	142.4 (56)	137.8 (31)	147.8 (4)	140.4 (7)	146.0 (23)	140.9 (17)	144.0 (3)	140.0 (3)	133.0 (1)	141.0 (1)
17	138.0 (3)	126.3 (6)	138.0 (1)	133.0 (1)	140.0 (2)	123.0 (1)	133.3 (55)	128.1 (33)	131.5 (4)	133.6 (5)	135.9 (17)	129.5 (14)	130.0 (3)	140.0 (2)	140.0 (2)	134.0 (1)
9	98.3 (4)	90.9 (10)	96.0 (1)	90.0 (1)	101.0 (2)	90.0 (1)	93.9 (56)	91.3 (34)	102.5 (4)	97.6 (7)	97.4 (23)	93.5 (17)	93.7 (3)	96.0 (3)	96.0 (2)	91.0 (1)
45	135.5 (2)	124.3 (3)	134.0 (1)	115.0 (1)	135.0 (1)	-	131.9 (54)	123.9 (32)	132.3 (4)	130.3 (3)	134.8 (17)	127.3 (11)	127.5 (2)	133.0 (1)	132.0 (1)	128.0 (1)
48	69.0 (4)	65.7 (10)	73.0 (1)	65.0 (1)	68.0 (1)	69.0 (1)	70.2 (56)	67.4 (34)	73.3 (4)	70.3 (3)	71.8 (17)	67.7 (11)	70.7 (3)	-	-	71.0 (1)
55	52.3 (4)	49.1 (10)	52.0 (1)	46.0 (1)	46.5 (2)	49.0 (1)	50.7 (58)	48.8 (35)	52.8 (4)	51.3 (4)	50.8 (16)	48.1 (14)	51.7 (3)	48.5 (2)	48.5 (2)	51.0 (1)
54	24.5 (4)	24.6 (10)	22.0 (1)	25.0 (1)	24.0 (2)	24.0 (1)	24.3 (55)	23.8 (32)	23.3 (4)	24.0 (2)	24.8 (11)	23.6 (8)	23.7 (3)	26.0 (1)	25.0 (1)	25.0 (1)
51	40.8 (4)	40.3 (10)	-	38.0 (1)	44.5 (2)	-	41.2 (57)	39.6 (35)	44.0 (4)	42.0 (5)	41.7 (19)	40.1 (14)	42.5 (2)	43.0 (2)	43.0 (2)	42.0 (1)
52	33.3 (4)	33.0 (10)	34.0 (1)	31.0 (1)	30.5 (2)	-	32.7 (58)	32.1 (35)	33.5 (4)	32.8 (5)	32.8 (19)	31.9 (14)	33.5 (2)	32.8 (2)	32.8 (2)	33.0 (1)
77	144.0 (4)	142.4 (10)	144.4 (1)	136.7 (1)	139.1 (2)	-	142.1 (57)	144.0 (33)	138.5 (4)	141.4 (4)	140.7 (19)	142.3 (14)	144.9 (2)	146.4 (2)	146.4 (1)	138.5 (1)
zm	132.9 (3)	128.5 (7)	124.9 (1)	118.3 (1)	124.8 (1)	-	130.1 (52)	130.6 (29)	128.3 (4)	131.4 (3)	126.8 (10)	127.4 (8)	132.3 (2)	125.5 (1)	125.5 (1)	124.3 (1)
SC	9.1 (4)	8.4 (9)	-	10.2 (1)	7.1 (2)	-	8.5 (52)	8.5 (34)	9.3 (4)	10.8 (5)	9.8 (13)	9.0 (10)	10.1 (4.8)	6.9 (2.8)	6.9 (2.8)	9.5 (4.1)
SS	4.0 (4)	3.2 (9)	-	3.6 (1)	3.8 (2)	-	3.9 (52)	3.1 (34)	4.6 (4)	4.6 (5)	4.1 (13)	4.2 (10)	4.8 (2)	2.8 (1)	2.8 (1)	4.1 (1)
75(1)	30.7 (3)	25.6 (8)	-	21.0 (1)	-	-	27.2 (51)	23.3 (32)	22.3 (3)	-	25.1 (9)	25.8 (6)	19.5 (2)	28.0 (1)	28.0 (1)	-

Обозначения могильников: 9 – Аксакурский; 10 – Большедоку́нский II; 11 – Чужъяловский; 12 – Можгинский I; 13 – Енабердинский; 14 – могильники под Мамадышем и Малмыжем; 15 – Арняшский; 16 – Атынский

Таблица 2

**Матрицы расстояний Махаланобиса, вычисленных
между удмуртскими выборками XVII–XIX вв. (слева от диагонали)
и между пермскими группами (справа от диагонали)
по 14 краниометрическим признакам (мужчины)**

Выборка	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Верхнечепецкая группа удмуртов	-	1.28	0.01	3.01	1.08	0.85	1.51	2.25	5.38
2. Среднечепецкая группа удмуртов	3.08	-	2.27	3.44	2.50	1.56	3.35	1.87	1.55
3. Юго-западная группа удмуртов	0.43	3.30	-	1.90	-0.12	-0.63	-0.24	1.57	3.45
4. Юго-восточная группа удмуртов	3.35	4.90	2.19	-	1.36	-1.60	1.94	2.21	5.98
5. Удмурты северо-западного Татарстана	1.36	3.64	0.31	1.81	-	-0.48	-1.02	-0.40	1.31
6. Коми-пермяки Кудымкара						-	-1.04	1.39	2.40
7. Коми-пермяки Пятигор							-	0.84	1.15
8. Коми-зыряне Подъельска								-	1.72
9. Коми-зыряне Гривы									-

Примечание: приведенные выше цифры сопоставимы только в рамках каждого из наборов групп.

Таблица 3

**Матрица расстояний Махаланобиса, вычисленных между
пермскими группами XVII–XIX вв. и выборками середины Волго-Камья I –
середины II тыс. н.э. по 14 краниометрическим признакам**

Выборка (датировка материала)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Деменковский (VII–IX), Пешнигортский (VII–XI)	2.16	1.93	3.26	3.09	2.50	0.35	1.98	5.47	7.55
Митинский (V–VII)	-1.00	-1.03	-0.90	-0.35	-1.14	-2.90	-1.84	1.17	2.81
Варнинский (VI – нач. X)	7.63	3.76	8.04	8.11	6.38	4.27	5.94	9.68	9.29
Поломский I (VII–IX)	3.66	-1.56	3.06	2.61	0.44	0.22	1.22	1.61	0.16
Поломский II (VIII–IX)	3.69	1.76	3.01	4.81	2.94	0.47	1.43	6.33	6.32
Мыдланьшай (2-ая пол. VIII–IX)	6.88	3.12	5.63	7.60	4.02	2.88	3.35	6.85	5.81
Качкашурский I (IX–XI)	10.92	7.53	9.73	12.89	7.31	6.40	6.49	11.24	10.67
Плотниковский (XIII–XV)	1.15	-5.82	0.11	-0.26	-1.63	-2.97	-1.57	-0.04	-3.06
Редикорский (XII–XIV)	-1.13	-5.49	-2.01	-2.70	-3.49	-3.99	-2.97	-3.02	-4.32
Кудымкарский (XII–XIV)	-0.17	-4.05	0.34	-2.00	-1.72	-2.23	-0.51	-1.37	-1.60
Тарасовский (I–V)	7.39	0.20	7.05	5.94	4.97	3.42	5.26	6.77	4.00
Покровский (IV–V)	12.29	7.50	10.53	13.24	7.82	7.53	7.48	10.73	9.08
Ижевский (III–V)	7.13	5.66	5.57	8.77	3.98	3.50	3.19	6.86	7.18
Чепанихинский (III)	16.66	13.91	15.53	18.41	11.53	12.52	11.99	14.36	14.65
Боярский (IV–V)	1.82	0.38	2.11	2.57	0.56	-0.69	0.37	3.16	4.29
Мари-Луговской (IV–V)	15.32	15.75	18.37	17.61	16.92	13.67	16.25	21.87	25.40
Суворовский, Азелинский (III–V)	13.90	8.68	13.39	15.08	11.87	9.28	10.61	16.22	14.51

Дубовский (X–XI), Руткинский (XII–XIII)	6.13	12.60	8.74	7.81	8.58	7.28	8.64	10.57	17.57
Тангачи (XIV–XVI)	3.14	6.93	1.97	5.61	3.71	1.49	1.35	6.84	9.92
Такталачук (XIII–XIV)	1.73	0.74	2.57	1.93	1.08	-0.10	1.30	3.08	4.74
Мари-Луговской (XIII–XIV)	5.31	7.90	7.19	5.56	5.63	5.33	6.64	6.62	11.11
Ташкирмень (XII–XV)	1.21	1.57	0.42	2.10	0.97	-0.93	-0.35	3.31	4.61
Окрестности Казани (XIV–XVII)	-0.49	-0.45	-0.83	-0.20	-0.73	-2.30	-1.44	1.04	2.45
Старокуйбышевский I (X–XII)	0.53	-1.37	0.46	-0.66	-1.13	-1.23	-0.24	-0.90	-0.19
Семеновский II (XII–XIII)	-1.71	-1.51	-1.52	-1.68	-2.41	-3.14	-2.26	-1.18	0.83
Старый Венец (X–XIII)	2.71	6.25	4.87	3.69	4.44	2.84	4.48	6.49	11.43
Булгар (сумм.) (X–XV)	2.92	0.10	2.50	2.90	1.92	0.03	1.26	4.21	3.88
Дербешкинский (XIII–XIV)	3.34	5.28	5.57	4.55	5.79	2.70	4.96	9.05	12.79
Большетиганский (VIII–IX)	2.32	-1.83	2.82	0.98	0.05	-0.14	1.37	0.83	0.61
Большетарханский (VIII–IX)	1.16	-0.54	2.35	0.29	0.77	-0.26	1.57	1.85	3.22
Танкеевский (IX–XI)	0.21	-0.57	0.11	0.41	-0.21	-1.82	-0.74	1.73	2.83
Березовский (1-ая пол. II тыс. н.э.)	2.56	3.03	0.87	3.78	2.14	0.00	0.14	4.72	5.51
Измерский (XI–XIII)	-0.38	-0.18	0.23	-0.14	-0.33	-1.79	-0.51	1.47	3.57
Биляр (X–XIII)	0.91	-1.74	0.92	0.06	0.36	-1.31	0.24	1.75	1.73

Примечание: жирным шрифтом выделены минимальные расстояния Махаланобиса между каждой из групп пермян и средневековыми выборками. В качестве условной границы использовано среднее расстояние между пермскими группами (-0.41). Обозначения групп: Удмурты: 1 - верхнечепецкая группа; 2 – среднечепецкая группа; 3 – юго-западная группа; 4 – юго-восточная группа; 5 – татарская группа. Коми-пермяки: 6 – Пятигоры; 7 – Кудымкар. Коми-зыряне: 8 – Подъельск; 9 – Грива. Датировка по возможности приводится для серии, а не памятника.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акимов М. С. Антропологические материалы из могильника Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск, 1962.
2. Акимов М. С. Краниологический очерк удмуртов // Вопросы антропологии. Вып. 10. 1962. С. 110–115.
3. Акимов М. С. Черепа раннего средневековья с р. Вятки // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск, 1963. С. 145–155.
4. Акимов М. С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. С. 177–196.
5. Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
6. Акимов М. С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. Вып. 45. 1973. С. 15–29.
7. Аксянова Г. А. Антропология бесермян // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 100–117.
8. Аксянова Г. А., Аксянов Е. А. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 137–152.
9. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

10. Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 232–271.
11. Белых С. К. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 245–281.
12. Белых С. К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск, 2009. 150 с.
13. Белых С. К. К вопросу об исторической эволюции прапермской общности в эпоху Средневековья // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2011. Вып. 11. С. 45–52.
14. Белых С. К., Макаров Л. Д. Население Камско-Вятского края в болгарское время // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 378–394.
15. Брюхова Н. Г. Антропологический материал Плотниковского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание (культурные области, археологические культуры, хронология). (11–16 октября 2010 г.). Уфа, 2010. С. 271–274.
16. Газимзянов И. Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России. Антропология. Ч. 2. М.: Старый сад. 2000. С. 189–216.
17. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. 464 с.
18. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.
19. Дерябин В. Е. Краткий справочник по решению типовых задач биометрической обработки антропологических данных. (Рукопись, депонированная в ВИНТИ). М., 2005.
20. Дубов А. И. Антропологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 94–107.
21. Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991.
22. Ефимова С. Г. Краниология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. Вып. 90. М., 1999. С. 127–140.
23. Иванова М. Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 5–19.
24. Козинцев А. Г., Моисеев В. Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 81–88.
25. Моисеев В. Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 132 с.
26. Моисеев В. Г., Селезнева В. И. Краниоскопическая характеристика населения Волго-Камья I тысячелетия н.э. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. СПб., 2012. С. 55–62.
27. Напольских В. В., Чураков В. С. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья в период монгольского нашествия и в золотоордынскую эпоху // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 470–476.
28. Рыкушина Г. В. Тихонов А. Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М., 2000. Ч. 2. С. 170–188.

29. *Фаттахов Р. М.* Антропологическая характеристика населения Удмуртского Прикамья середины I тысячелетия н. э. // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 206–215.
30. *Фаттахов Р. М.* Краниологическая характеристика материалов из Варнинского могильника // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск. 1980. С. 152–156.
31. *Фаттахов Р. М.* Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы // Сборник МАЭ. Т. 36. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 130–138.
32. *Хартанович В. И.* Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сборник МАЭ. 1980. Т. 36. С. 35–47.
33. *Хартанович В. И.* Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.
34. *Хартанович В. И.* Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник МАЭ. 1991. Т. 44. (Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии). С. 108–125.
35. *Хартанович В. И.* Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М., 2004. С. 96–124.
36. *Хартанович В. И.* Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез. Сборник к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004. С. 108–125.
37. *Хартанович В. И., Широбоков И. Г.* К проблеме формирования антропологического состава населения «Лопских погостов» (по краниологическим материалам могильника XVII – начала XIX века Алозеро) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2. С. 141–152.
38. *Чураков В. С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2007. Вып. 2. С. 79–100.
39. *Широбоков И. Г.* Краниологическая характеристика средневекового населения Камско-Вятского междуречья (по архивным материалам А. В. Шевченко) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. СПб., 2010. С. 167–172.
40. *Шутова Н. И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.
41. *Bermisheva M. A., Petrova N. V., Zinchenko R. A., Timkovskaya E. E., Malyshev P. Y., Gavrilina S. G., Ginter E. K., Khusnutdinova E. K.* Population study of the Udmurt population: Analysis of ten polymorphic DNA loci of the nuclear genome // Russian Journal of Genetics. 2007. Vol. 43 (5). P. 563–578.
42. *Bermisheva M. A., Tambets K., Villems R., Khusnutdinova E. K.* Diversity of mitochondrial DNA haplogroups in ethnic populations of the Volga–Ural region // Molecular biology. 2002. Vol. 36 (6). P. 802–812.
43. *Bermisheva M. A., Viktorova T. V., Khusnutdinova E. K.* Polymorphism of Y-chromosomal diallelic loci in populations of the Volga–Ural region // Russian Journal of Genetics. 2001. Vol. 37 (7) P. 833–837.
44. *Zinchenko R. A., Elchinova G. I., Petrova N. V., Osipova E. V., Malyshev P. Yu., Polyakov A. V., Ginter E. K.* Genetic structure of the Udmurt population // Russian Journal of Genetics. 2007. Vol. 43 (8). P. 918–928.

Поступила в редакцию 12.09.2014

I. G. Shirobokov

To Anthropology of Perm Peoples of the XVII–XIXth Centuries (Craniological Data)

The craniological data on the Perm Peoples are analyzed in the article. Morphological unity of the Udmurts, Komi-Permyaks, Komi-Zyryans is considered. The genetic continuity of the groups with the medieval population of the Volga-Kama region is traced.

Keywords: the Udmurts, the Komi-Permyaks, the Komi-Zyryans, anthropological structure, craniology, physical anthropology.

Широбоков Иван Григорьевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник,

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

E-mail: ivansmith@bk.ru

Shirobokov Ivan Grigoryevich,

Candidate of Sciences (History), Research Associate,

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera)

199034 Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 3

E-mail: ivansmith@bk.ru

Н. П. Лигенко

**ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
СЕЛА ИЖЕВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

На основе впервые вводимого в научный оборот статистического материала представлена картина эволюции частновладельческой промышленности села Ижева с учетом всех функционировавших экономических форм: начиная с домашнего производства и кончая капиталистическими предприятиями. Частный капитал сформировал многоотраслевое производство, в развитие которого свою лепту внесли купцы, сельские обыватели, мещане. Классически капиталистический путь развития проделало оружейное производство, заложенное мастерами казенных заводов. В развитие кожевенного и сапожного производства вложили капиталы сарапульские купцы. На базе пищевой отрасли промышленности региона сложилось акционерное общество с центром в селе Ижеве. Мелкие формы производства обслуживали нужды населения села и его округа, продукция более крупных частновладельческих предприятий вышла на уровень всероссийского рынка. В целях создания объективной картины промышленного развития села сделана попытка выявить представительность и сопоставимость данных массовых источников, установить их достоверность и точность. Содержащиеся в них материалы карточного характера позволяют определить региональные и временные особенности эволюционного процесса развития отдельных предприятий; однако отсутствует полнота сведений для единовременного охвата всего комплекса промышленных заведений в исследуемый период.

Ключевые слова: массовые источники, репрезентативность, представительность данных; ремесло, домашнее и мелкотоварное производство, капиталистическая мануфактура, фабрика; социальные слои населения.

Ликвидация крепостнической зависимости горнозаводского населения кардинально изменила его жизнь, а также судьбу помещичьих крестьян в целом [8. С. 261–263]. Особый указ 1866 г. об отмене крепостного права на Ижевском заводе (как продолжение реформы 1861 г.) способствовал активизации модернизационных процессов и усложнению функциональной занятости населения. Особенно зримо это сказалось на развитии частновладельческой торговли и промышленности, что, в свою очередь, позволило Ижевску сравнительно

быстро проделать путь от заводского поселка до селения городского типа [9. С. 59–86; 10. С. 58–62; 1. С. 4]. Эти социальные процессы в какой-то мере предотвратили отток населения и способствовали миграции капитала в село Ижево из соседних уездов, а также из удаленных регионов страны.

Активизация же социально-экономического развития в пореформенный период позволила расширить и усложнить отраслевую структуру хозяйства села Ижева. Представители всех социальных слоев населения, в том числе бывшие крепостные мастеровые, «непременные работники», причисленные к разряду «сельских обывателей», смогли свободно заниматься любым видом промышленной деятельности (за небольшим исключением). Так, у литейщиков села Ижева свой «промысел начался с 1867 г., то есть со времени освобождения оружейников от обязательных отношений к заводу». Кузнецы Нагорной волости стали заниматься промыслом «после увольнения из Ижевского завода с 1867 г.» и т. д. [2].

Данная проблематика довольно полно обеспечена источниковой базой: делопроизводственной документацией государственных и земских учреждений, а также общественных организаций. Для получения наиболее достоверной картины развития частновладельческого производства проанализируем статистические источники на предмет полноты сведений, репрезентативности, представительности содержащихся в них данных. Существенна также проверка сопоставимости в пространстве и во времени данных массовых источников, поскольку сведения собирали разные учреждения, соответственно программе, поставленным целям и задачам каждого из них.

Исследователю следует учитывать, что при сборе материала карточного характера на местах учетчики по своей инициативе могли давать сведения разного наполнения. Отметим, что общий анализ массовых источников по истории промышленности и рабочего класса периода капитализма представлен в коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» [14. С. 20–87]. В поле нашего зрения находится весь спектр промышленного производства села Ижево: от домашнего, обеспечивавшего нужды своей семьи, до крупных акционерных компаний с широким диапазоном сбыта продукции. Рассмотрим эволюционный путь промышленных заведений в селе Ижеве по отдельным годам соответственно характеру и объему данных, заключенных в каждом источнике.

Наиболее развернутую картину промышленной занятости населения представляют **ведомости волостных старшин за 1871 г.** [2], как первая попытка тщательного изучения Центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел промыслов в Вятском крае по специально составленным анкетам. Поволостное обследование промысловых занятий крестьян, проведенное под руководством Вятского губернского статкомитета, охватило и население заводских поселков, входивших в категорию горнозаводских крестьян Уральского горнозаводского округа. Особенность данной переписи – довольно тщательный сбор сведений о собственно фабрично-заводских предприятиях и о мелких кустарных промыслах, в результате чего были выявлены масштабы охвата населения промышленной деятельностью. По данным ведомостей, заполненных волостными старшинами, в самых разных видах частного промышленного производства села

Ижева было занято более 15 800 мастеров, при этом отдельно представлены сведения, касающиеся Заречной и Нагорной волостей [2. Л. 8].

Среди частных заведений наибольшее развитие в обеих волостях к 1871 г. получила **металлообработка** [2. Л. 4–182]. Этот вид производства лег на подготовленную почву: металл закупался на заводах, где навыки его обработки складывались более столетия. «С давнего времени, мастерством этим занимаются по привычке находя его на сколько-нибудь выгодным», – отмечают волостные старшины. Ижевский завод в свое время назывался «рассадником кузнечного промысла»: рабочие, уходя с завода, как правило, основывали самостоятельное производство. По данным переписи «кузнечным делом»*, в селе Ижеве в 19 кузницах был занят 41 человек. Из них на Заречную волость приходилось 12 мужчин (6 мастеров-владельцев и 6 мастеров-подручных); на Нагорную (в составе 6 обществ: Тракторное, Михайловское, Церковное, Набережное, Госпитальное, Русско-Карлутское) – 29 мужчин. Поименно зафиксированы данные о каждом кузнеце (см. таблицу 1). В оборудование кузни входили молотки, клещи, забойки, изготовленные самими мастерами; меха покупали на Мензелинской ярмарке; уголь, наковальни, молоты, клещи – на базарах Ижевска. Каждый кузнец имел свою кузницу, «работу производит каждый хозяин с одним работником», молотобойцем, который, как правило, был наемным рабочим. Кустари Заречной волости отмечали, что «кузнечное дело с давнего времени вызвано спросом изделий. “Мастера единственно заработком от этого мастерства содержатся и пропитывают семейства свои”, – отмечает волостной старшина» [2. Л. 4].

Ассортимент продукции всех заведений был продиктован в значительной степени потребностями крестьянского хозяйства. Как известно, на многолюдный Ижевский базар съезжалась большая масса продавцов и покупателей широкой округи. Кузнецы предлагали потребителю сошники (790 шт.), топоры (1380 шт.), косы (290 шт.), серпы (295 шт.), ухваты (240 шт.), сечки (60 шт.), подковы (1450 шт.), ножи (150 шт.), ножницы (180 шт.), гвозди (30 пуд.), замки для ружей (350 шт.). Железо и сталь мастера приобретали непосредственно на Ижевском и Воткинском заводах, металлолом – на базарах и ярмарках. На вопрос о нравственном влиянии промысла на мастера кузнецы отвечали: «нравственность хорошая, от этой работы не утрачивается, физические силы развиваются. Но от постоянного отсутствия огня теряется зрение и слух от стука» [2. Л. 4]. На данном этапе кузнечный промысел носил мелкотоварный характер.

На таком же уровне находились мастерские по «литью разных вещей»: кастрюлей, самоваров, подсвечников, ковшей, чашек, ручомойников. Однако здесь ярче была выражена тенденция трансформации в простую капиталистическую кооперацию. Об этом свидетельствуют сообщения самих мастеров: «Работа производится в доме хозяина наемными рабочими, которые в другие места работать не уходят. Оборот промышленности с течением времени увеличивается и потому сама промышленность улучшается. Для большего улучшения нужно

* Название промысла дается по источнику.

большее число рук. А для найма их порядочный капитал. Рабочие мастерских занимаются постоянно и содержатся зарплатой» [2. Л. 8].

Развитию производства способствовала востребованность изделий. «Вещи делаются по заказу разным лицам. Выгодно, сразу сбываются, не залеживаются», – поясняли мастера. В данном случае успешность работы мастерской зависела от активности, предприимчивости хозяина. Медь для изделий приобреталась на Мензелинской ярмарке; опоки, горшки, огнеупорные изделия из белой глины – на оружейном заводе. Остальные слесарные инструменты кузнецы мастерили сами. Технология изготовления вещей методом литья была довольно проста, свойственна мелким формам производства. По рассказам рабочих, медь расплавлялась в тиглях из белой глины, затем выливалась в формы; «изделие доводилось до готовности слесарными инструментами» [2. Л. 8].

Перепись в Заречной волости зафиксировала две мастерские по изготовлению охотничьих ружей (850 шт.) и пистолетов (750 шт.), где работало 10 мужчин – наемных работников из местных жителей. К сожалению, имена владельцев оружейных мастерских не указаны. Слесарные инструменты частично приобретали на оружейном заводе, частично их изготавливали сами мастера. «Черновые вещи» приобретались у кузнецов Заречной и Нагорной волостей. Отделку «чеповых вещей» производил в мастерской хозяина особый для каждой вещи мастер; после отделки следовала сборка ружей. Как утверждали ружейники, «для развития этого дела нужен только спрос на ружья и мастеров найдется много. Рабочие этим мастерством содержатся с семейством» [2. Л. 18].

В Нагорной волости выделкой охотничьих ружей занималось 40 мужчин. Изготавливали 2 500 ружей (стоимостью от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.; от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 40 коп.). Работу возглавляли сами хозяева в своих мастерских, рабочих нанимали «из местных жителей». Материал для производства изделий: ружейные стволы – покупали из бракованной продукции в Ижевском заводе (от 2 руб. 50 коп. до 2 руб. 70 коп. за пуд). Остальные предметы: железные материалы (от 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 50 коп. за пуд), березовые болванки для ложей, инструменты (тисы, коловороты, стальные пилы, зубилы, винтовальные мечки, доски, оправки и колтышки) приобретали на базарах села Ижева. В документе подчеркивается, что все производство ружей происходило «в одних мастерских, в другие же не передаются. Прежде отделяются стволы, потом приборы и ложа и, наконец, складывается полное ружье» [2. Л. 8]. Продавали ружья на базарах в селе Ижеве и на ярмарках Нижегородской, Мензелинской, Бугульминской, а также в Перми. Мастера-владельцы заведений «с малолетства обучались в Ижевском оружейном заводе». По экономическим показателям можно говорить в данном случае о наличии простой капиталистической кооперации, еще не трансформировавшейся в капиталистическое мануфактурное производство.

Помимо кузнецов, в селе Ижеве были зафиксированы слесари (62 чел.), которые на дому в своих мастерских изготавливали отдельные части к «казенным ружьям», «работою этой занимаются... постоянно во всякое время года» в своих мастерских. «Черновые вещи для отделки» мастера получали из складов Арендно-коммерческого управления Ижевского завода; туда же сдавали готовую про-

дукцию. В данном случае мы имеем дело с надомничеством, наемной работой мастеров, выполнявших заказы Ижевского оружейного завода.

Другие виды частного промышленного производства были ориентированы на мелкий, местный рынок для обслуживания нужд сельского населения Ижевца и его округа. В промысле по изготовлению **политурной мебели** участвовали 8 мужчин и двое детей. Изготавливали столы ламберные (75 шт.) и десертные (20 шт.), гардеробы (10 шт.) шкафы с ящиками (30 шт.), стулья (81 шт.), кросна для ручного тканья (25 шт.). По словам мастеров, «сбыт очень выгоден... Для улучшения промысла необходимо, кроме капитала, разделение труда. Например, один должен постоянно приготавливать лес, другой делать чернь, третий отделывать, четвертый красить» [2. Л. 16]. На данном этапе развития промысла «каждую вещь делает один мастер». Можно предположить, что изготовление мебели выполнялось на профессиональном уровне, поскольку «один из мастеров по распоряжению бывшего ижевского начальства» обучался в С.-Петербургской школе и его стаж работы составлял шесть лет. Этот вид промысла носил ремесленную форму: изделия изготавливались по заказу обывателей. Производство только еще зарождалось, и размеры его были небольшие. Однако мастера видели пути расширения производства, его потенциальные возможности.

Сапожный промысел «начался назад тому порядочно, время с малолетства мастеров», вызван спросом на вещи. «Для развития промысла нужны рабочие руки, а для найма их капитал», – считали кустари [2. Л. 10]. **Сапожники** села шили разного сорта сапоги (750 шт.), башмаки (1250 шт.), калоши (500 шт.). В селе функционировало 5 мастерских, которые имели наемных рабочих. Там было разделение труда. «Вся работа начинается одним, а заканчивается другим мастером в одной и той же мастерской. «Вещи приготавливаются по заказу обывателей. Сбыт выгоден, потому что товар не лежит долго», – поясняют мастера. В данном случае мы можем говорить о мелких заведениях на уровне простой капиталистической кооперации, обслуживавших первостепенные нужды ижевчан. На этом этапе продукция мастерских была востребована, но потенциальные возможности их были ограничены, поскольку рядом, в Сарапуле, набирали силу более крупные кожевенно-сапожные заведения, утвердившиеся на поволжском рынке.

Бондарный и горшечный промыслы более раннего происхождения. По словам мастеров, «промыслом занимались с малолетства, перешло от предков. Упадка незаметно». По данным переписи, **бондари** (5 мужчин) изготавливали бочки (100 шт.) «для простонародья». Работа основывалась на семейной кооперации, найма не было. Сбыт производился на базаре – помелочно и на заказ. **Гончары** (6 мужчин) производили корчаги (560 шт.), горшки (600 шт.) плашки (200 шт.). Промысел основывался также на семейной кооперации. Сбывали их помелочно на базарах в Ижевске.

Широко в селе было представлено **«ручное тканье»**, которое охватывало 2 435 взрослых женщин и 265 подростков. В год изготавливалось более 5 150 аршин холста из льняной и конопляной пряжи, которую приобретали на базарах. Как экономическая категория промысел носил домашний характер, и условий

для перерастания в более развитые формы промышленности здесь не было. По рассказам ткачей, они «занимаются тканьем холстов у себя на дому, только одни члены семейства, для того наемных рабочих не бывает. И особого промысла не составляет... Холст употребляется для ношебной одежды своих членов семейства, хотя продается, но самая малая часть на базарах в селе Ижевском помелочно, скупщиков нет». Функционирование промысла, по-видимому, связано с традициями: он существовал «с незапамятных времен, – объясняют ижевчане, – холст употребляется на рубахи и штаны. А также на прочую одежду хозяевам». Однако ткачихи тут же добавляют, что «ручное тканье... уменьшается по случаю дешевизны ситцев» [2. Л. 8].

В Нагорной волости зафиксировали еще один вид домашнего производства: **вязание на спицах** из шерстяной и льняной пряжи чулок, носков, варежек. В этом промысле было задействовано 1 938 женщин, 91 мужчина, 328 детей. «Промыслом занимаются «с малолетства, происшедшим от предков... Изделия эти приготавливаются собственно для семейств своих, хотя продаются на базарах в селе Ижевском помелочно, но в малом количестве».

Получили развитие и художественные промыслы: тканье полотенцев с узорами, кушаков, тесьмы (129 женщин), «перешедшие от предков», коими занимаются «с малолетства». Вытканые полотенца надевались на «пьялы» и вышивались цветными узорами. Изготавливались в основном для семьи. А «какая-то часть продается помелочно в селе Ижеве на базаре», – рассказывают рукодельницы. Традиционным было также «кружевное дело» (207 женщин и 61 подросток). По данным переписчиков, «узкие кружева вяжутся одной иглой, а широкие на бубнах. Рукоделием занимаются с малолетства, перешел от предков, упадка не замечается. Напротив промысел изобилует» [2. Л. 175]. Народное творчество в промыслах сельских обывателей еще ждет своего исследователя.

Таким образом, данные переписи 1871 г. дают развернутую картину занятости населения в частном промышленном секторе и свидетельствуют о том, что в селе Ижево в пореформенный период постепенно развивается многоотраслевое мелкое производство, обслуживавшее необходимые потребности жителей села и его округа. Объемы продукции и число занятых в них производителей указывают на небольшие пока заведения, ориентированные на мелкий, местный рынок. Будущее зарождающейся частновладельческой промышленности зависело от предприимчивости предпринимателей и конкурентоспособности избранного вида деятельности.

По сведениям за 1877 г., представленным Сарапульской уездной земской управой, число самостоятельных мелких производителей (по сравнению с переписью 1871 г.) было намного меньше: так, в селе Ижеве насчитывалось 25 частных промышленных заведений [4. Л. 412]. Их них всего: в Нагорной волости функционировало 10 кузниц, 6 слесарен, одна столярня – всего 17 мастерских. В Ижевской Заречной волости – 8 заведений (2 кузницы, 2 слесарни, 3 чеботарни, одна портняжная мастерская). По-видимому, в данном случае были учтены только те немногие заведения, которые постоянно имели связь с рынком и приобретали в управе свидетельства на мелочный торг; вне учета остались домашние промыслы и частично – ремесло.

Данные ведомостей о фабриках и заводах за 1885 г., собранные Губернским статистическим комитетом для ежегодного отчета губернатора, охватили наиболее крупные заведения, работавшие на рынок; вне учета остались мастера, обслуживавшие нужды своей семьи или запросы заказчика (см. таблицу 2). Заметим, что ведомостные сведения делятся на две группы: в одну внесены «фабрики и заводы», имевшие годовую производительность «не свыше 1 тыс. руб.»; в другую – «свыше 1 тыс. руб.», что свидетельствует о расширении числа предприятий и увеличении в 1880-е гг. объемов производства [5]. Достоинство источника – также в представленном пофамильном перечне владельцев промышленных заведений и в указании на их социальную принадлежность.

Всего в 1885 г. в селе Ижеве было учтено 17 частновладельческих «фабрик и заводов», которые можно отнести к мелкотоварной и мануфактурной форме промышленности, поскольку все они основывались на ручном труде и – в отдельных случаях – на конной тяге. По сравнению с предыдущими сведениями, эти ведомости указывают на возрастание числа и размеров кожевенных заведений (6). Мастерские сельских обывателей, не выдержавшие конкуренции, были вытеснены сарапульскими купцами и слободскими мещанами. По карточным данным, владельцами кожевен были сарапульские купцы Ф. И. Колобков, Е. К. Манин, К. П. Ончуков, слободские мещане А. А. Хлыбов и Е. А. Хлыбов, отставной солдат Г. А. Хлыбов. Согласно ведомости, самым ранним (основан в 1867 г.) был кожевенный завод слободского мещанина Егора Афонасьевича Хлыбова, где при двух рабочих обрабатывалось 100 штук кож на 450 руб. Остальные заведения основаны были в 1880-е гг. Ни один из владельцев не указывал места реализации выделанных кож. Вполне очевидно, что товар сбывали на активно развивавшиеся кожевенно-сапожные фабрики Сарапула, тем более что в селе Ижеве была только одна чеботарня (учрежденная в 1881 г. сельским обывателем А. Шиховым) с годовым производством – 130 пар мужской и женской обуви; и она не могла поглотить всю продукцию, выпускаемую кожевнями. Вновь возникли мыловаренное заведение А. Я. Смагина (основанное в 1882 г.) и солодовенное А. Логинова.

Сохранилась созданная в 1864 г. сарапульским мещанином Тимофеем Николаевым столярная мастерская, изготавливавшая при трех рабочих разного типа мебель на 200 руб.; сбыт товара производился в селе Ижеве. Еще одна столярная мастерская, образованная в 1881 г. сельским обывателем Андрианом Емельяновичем Лушниковым (тоже при трех рабочих), производила мебели на 700 руб. Сбыт происходил также в Ижевском заводе. Остальные, ранее перечисленные, мелкие заведения по изготовлению мебели исчезли.

Кузнечно-столярное заведение, созданное в 1868 г. сельским обывателем Василием Васильевичем Макшановым, изготавливало экипажи (15 шт.) и конские подковы (600 шт.), при трех рабочих сумма производств составляла 320 руб. Сбыт производился на Нижегородской, Ирбитской и Мензелинской ярмарках [5]. В результате конкуренции сократилось (по сравнению с 1871 г.) число слесарных и кузнечных мастерских, занимавшихся изготовлением ружей. В источнике отмечены четыре специалиста: П. М. Рохлин, И. Л. Ширяев, П. Д. Емшанов, В. Ф. Петров. Слесарная мастерская, принадлежавшая отставному солдату

Павлу Михайловичу Рохлину (создана в 1868 г.), производила охотничьи ружья в количестве 300 штук на 750 руб., при шести рабочих. Продукцию сбывали на Нижегородской, Ирбитской и Мензелинской ярмарках. В том же году сельский обыватель Ив. Л. Ширяев создал слесарную мастерскую, где производилось 100 охотничьих ружей на 250 руб. в год, при двух рабочих; сбыт происходил на тех же ярмарках. В ведомостях за 1885 г. появились данные о кузнечном и слесарном заведениях сельского обывателя, будущего фабриканта Ивана Федоровича Петрова. Основаны они были в Заречной волости, на 5-й улице в 1874 г. (по данным ведомости). Для кузницы выстроили каменное здание, для слесарни – деревянное. В год производилось 600 охотничьих ружей на 2 тыс. руб. На тот период времени это было самое крупное частное предприятие по изготовлению охотничьих ружей. Обслуживалось оно 16 взрослыми рабочими и двумя малолетними подростками. Сбыт продукции производился на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

В источнике впервые появляются сведения о функционировании пиво-медоваренного завода сарапульского купца Ивана Ивановича Бодалева. Купеческие братья Бодалевы, родом из Зарайского уезда (с. Ловцы) Рязанской губ., прибыли в Сарапул в нач. 1860-х гг. На момент учета, в 1885 г., это было самое крупное в селе частное предприятие, основанное (по данным ведомости) в 1872 г. в каменном здании на берегу Ижевского заводского пруда. При помощи конного двигателя производилось пиво столовое, венское, баварское – общим объемом в 32 тыс. ведер, на 38 600 руб. На предприятии работало 50 мужчин, 5 женщин и двое детей. Было скуплено в Сарапульском уезде ячменного солода на 10 тыс. руб., а из Баварии – 100 пуд. хмеля. Пиво сбывалось в Вятской, Пермской и Уфимской губ. [5].

Таким образом, по данным ведомостей за 1885 г. многоотраслевая частновладельческая промышленность набирает силу, торгово-производственная ориентация выходит за пределы села на общероссийский рынок. В результате конкуренции были вытеснены мелкие неустойчивые заведения и на передний план выдвинулись предприятия, основанные сарапульскими купцами и сельскими обывателями, бывшими мастерами Ижевских заводов, металлургического и оружейного. В селе Ижеве начинают активно функционировать пиво-медоваренное, оружейные, кожевенно-сапожные, солодовенные, мебельные и экипажные предприятия. Однако заметим, что при сравнении данных ведомостей за указанные выше годы, мелкие заведения на протяжении даже 15 лет проходят в основном под разными фамилиями, то есть во владении ими не просматривалось преемственности, что свидетельствовало о неустойчивости домануфактурных форм производства (см. таблицу 2). Промышленные занятия населения (на уровне домашней и ремесленной формы производства) остаются за пределами внимания статкомитета, поскольку продажа продукции «с рогожки» или «с возу» на базарах, ярмарках, торжках не облагалась налогом.

В ведомостях о фабриках и заводах села Ижева за 1889 г., зафиксированных Сарапульским полицейским управлением для статкомитета, указаны, как и в 1885 г., 17 промышленных заведений [6. Л. 112–128]. Из них, на основании представленных данных, самое большое число приходилось на оружейное

производство. Так, карточные сведения содержат описание «фабрик», принадлежащих И. Ф. Петрову, И. С. Березину, П. М. Рохлину, А. Н. Евдокимову, А. В. Будакову, П. И. Плотникову, И. С. Васильеву, М. А. Невлеру. При этом заметим: все они, кроме заведения Невлера, созданы до 1885 г. В вышеприведенных ведомостях за 1885 г. была отмечена, однако, только фабрика И. Ф. Петрова, что еще раз указывает на неточность данных статистики.

Наряду с оружейным, продолжало развиваться кожевенное производство: описаны четыре кожевенных заведения, на два меньше, чем в 1885 г. Они представляли собой небольшие (мелкотоварного типа) производства, основанные на ручном труде. К самым ранним (по данным ведомости за 1889 г.), возникшим в 1844 г., относилось заведение Федора Ивановича Колобкова (по ведомости 1885 г., Е. А. Хлыбова – 1867 г.). Годовая производительность кожевни на 1889 г. была самой высокой – 1 975 руб. Обслуживалась кожевня тремя взрослыми рабочими, которые обрабатывали 250 конинных и 100 юфтовых шкур. Сбыт производился в пределах Вятской губ. Кожевенно-сапожное заведение Ефгина Карповича Манина возникло в 1867 г. При 15 взрослых рабочих сумма производств составляла 1390 руб., что (при сравнении с показателями заведения Ф. И. Колобкова) вызывает недоверие к показателям Е. К. Манина, поскольку ареал сбыта был шире: поволжские города, где реализовывалось продукции на 1200 руб. Да и объем перерабатываемой продукции был значительно больше: кож коровьих – 250 штук, конинных – 40, жеребьих – 50, опойков – 100, выростковых – 100 штук. Сырье для переработки приобретали в Сарапульском уезде: 9 540 сырых кож, корья – 540 пудов, извести – 280 пудов, золы – 120 пудов. В 1882 г. было открыто кожевенное заведение Ксенофонтом Петровичем Ончуковым, в 1883 г. – Алексеем Александровичем Хлыбовым. Сумма производств первого составляла 1350 руб. (при двух рабочих), второго – 1 100 руб. (при одном рабочем). Сбыт продукции и приобретение сырья производились в Вятской губ. В кожевенном заведении Гаврилы Александровича Хлыбова выделялись яловые кожи (200 шт.), опойки (50 шт.); сумма производств составляла – 850 руб., работа производилась самим хозяином и взрослым рабочим. Сырьевой материал: невыделанные кожи (250 шт.), ивовая кора (215 пуд.), известь (100 пуд.), зола (20 пуд.), березовый деготь (5 пуд.) – приобретались в селе Ижеве. Сбывалась продукция тоже в пределах Вятской губ.

В 1885 г. Петр Иванович Поданин основал солодовенное заведение, которое изготовляло солода 400 пуд. на 380 руб., при двух рабочих. Мыловаренное заведение, образованное в 1882 г. Александрой Акимовной Смагиной, изготовляло мыло (500 пуд.) и свечи (30 пуд.) Сумма его производства составляла 1980 руб. Несколько позднее подобного рода заведение было учреждено Федором Ижболдиным.

Таким образом, по данным 1889 г., в селе Ижево функционировали оружейные, пиво-медоваренное, кожевенные, экипажное, солодовенные и свечно-сальные предприятия. Все они стояли на уровне капиталистической мануфактуры, но уже проявили потенциальные возможности своего роста, контрастируя по объемам изготавливаемой продукции и годового дохода от 350 до 27 400 руб. Нельзя не заметить, что в сбыте продукции кожевенные предприятия

были вытеснены к концу века с поволжских рынков; продукция реализовалась в рамках Вятской губ. Можно предположить также, что с расширением кожевенно-сапожного производства в вятских уездных городах (в частности в Сарапуле и Слободском) продукция кожевен поглощалась местным промышленным рынком.

Статистические данные начала XX в., представленные именными списками фабрик и заводов, получены уже другим методом сбора информации. Совет съездов и представители торговли и промышленности проводили Всероссийское обследование промышленных предприятий путем анкетирования, при этом анкеты заполнялись самими владельцами «фабрик и заводов», а затем проверялись представителями местной коронной администрации. В данном случае, учетом были охвачены самые крупные предприятия. Обратимся к наиболее полным данным, отражающим состояние промышленности в селе Ижево за 1909 и 1914 годы. Так, по спискам, собранным за 1909 г., в селе Ижеве было 6 предприятий [14]. Самое большое число приходилось на оружейные фабрики, имевшие машины и механизмы. Их владельцами были Н. И. Березин (локомобиль и керосино-бензиновый двигатель, годовое пр-во – 24 525 руб.), М. А. Будаков (паровой двигатель – с ч.с. 40, годовое пр-во 10 тыс. руб.), А. Н. Евдокимов (паровой двигатель с ч.с. 12, годовое пр-во 35 тыс. руб.), И. Ф. Петров (паровой двигатель с ч.с. 8, годовое пр-во 92 тыс. руб.) Остальные два предприятия оставались на уровне мануфактурного производства: это – кирпичный завод Ижевского Нагорного общества (годовое пр-во 7500 руб.) и лесопильный завод В. К. Килина (локомобиль – 25 л.с., годовое пр-во 1270 руб.). Данные о бодалевских заводах в источнике отсутствуют: по-видимому, анкеты для Совета не были представлены владельцем. Однако в издании 1909 г. под названием «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» есть сведения о паровом лесопильном заводе, основанном И. И. Бодалевым в 1899 г. в Ижевской Нагорной волости (локомобиль в 8 л.с., годовое пр-во 24 100 руб.) [23].

По данным за 1914 г., в селе Ижеве было зафиксировано 7 предприятий; 4 из них – фабрики, оснащенные машинами и механизмами [15]. Наибольшее развитие, по-прежнему, получило оружейное производство, согласно анкетированию фабрик И. Ф. Петрова (паровой двигатель в 30 л.с., годовое произв. – 500 тыс. руб), А. Н. Евдокимова (паровой двигат. в 12 л.с., годовое произв. – 35 тыс. руб.), М. А. Будакова (паровой двигатель в 40 л.с., год пр-во 10 тыс. руб.). По каким-то причинам фабрика Н. И. Березина не вошла в этот список. Акционерное общество – «Ижевское торгово-промышленное товарищество», сформированное И. И. Бодалевым, – имело в селе Ижево пивоваренный завод № 2 (паровой и нефтяной двигатели в 85 л.с., годовое про-во 200 тыс. руб.). Три остальных предприятия можно отнести к капиталистической мануфактуре: это кирпичный завод Ижевского нагорного общества (годовое пр-во 7 500 руб.), кожевенное предприятие Е. В. Колобковой (8 раб., годовое пр-во не указано) и типография В. С. Кучина (сведения отсутствуют) [17].

В условиях военного времени возросла необходимость в продукции кожевенно-сапожного производства; организацией поставок занималось Главное интендантское управление – по его запросу губернаторы поставляли сводные

ведомости ежемесячной и годовой производительности кожевенных заводов [13. Л. 148]. Из 14 кожевенно-сапожных предприятий Сарапульского уезда в селе Ижеве находилось 2 кожевенных завода. Один – принадлежал «Торговому дому братьев А., Г., Ф. Колобковых»; он обрабатывал в год 4500 штук юфтовых кож при 18 рабочих; сырье приобреталось на местном рынке; готовая продукция сбывалась на Ижевский казенный завод. В работе использовался ветряной двигатель. Препоной для увеличения производительности завода, по мнению владельцев, был «недостаток материала, сырья и рабочих». Кожевенный завод Алексея Елисеевича Андреева обрабатывал юфтовые кожи в количестве 4 000 шт., при 10 рабочих; сырье приобретал на местном рынке, готовую продукцию сбывал приемочной комиссии. На данном этапе заводы не были оснащены машинами и механизмами, оставаясь на уровне капиталистической мануфактуры [13. Л. 156].

По сведениям за 1917 г. о производительности и оборудовании кожевенных заводов, собранных для Вятской районной комиссии по делам кожевенной промышленности, среди 16 заводов Сарапульского уезда, в селе Ижеве по-прежнему функционировало 2 кожевенных завода тех же владельцев. Однако заводы понизили объемы производимой продукции. Торговый дом «Колобковы-братья» выпускал чисто строганные юфтовые кожи в количестве 200 штук в год, юфтовые кожи остальных сортов – 480 штук; готовый стелечный полу-вал весом от 23 до 35 фунтов – 240 штук; продукция «вся идет для казенного оружейного завода». Кожевенный завод А. Е. Андреева наполовину сократил свое производство: выпускал юфтовых кож уже в количестве 2 000 штук, из них 1000 – «идет на приводные ремни для местной потребности населения завода» [13. Л. 191].

Итак, статистические источники содержат сведения о развитии в селе Ижеве частных промышленных заведений, позволяя представить общую картину эволюции промышленного производства и его отраслевую специализацию. Однако статистическая база, с одной стороны, не дает точных показателей роста числа предприятий и представления о полном объеме развития отдельных экономических форм; с другой стороны, карточные сведения, заключенные в ведомостях и списках «фабрик и заводов», открывают возможность пронаблюдать эволюцию экономических форм в отдельных отраслях производства, выявить особенности, уровень и перспективы развития частной промышленности и торговли в заводском селении в исследуемое время.

Таким образом, частная промышленность села Ижева носила многоотраслевой характер, будучи представленной разнообразными экономическими формами, начиная с домашней (ремесленной) мелкотоварной и кончая крупными предприятиями, на основе которых выросло акционерное общество. Мелкие формы производства через периодическую и стационарную сферы рынка обслуживали нужды местного населения. Виды промышленных занятий были продиктованы потребностями населения, характером имеющегося сырья и традициями промышленной деятельности. Преобладающая форма производства в 60–70-е гг. XIX в. носила мелкотоварный характер, в то же время присутствовали ремесленная и домашняя формы промышленности, причем последние не были уже столь

статичны: производитель при малейшем избытке продукции ориентировался на рынок. В 1870-е гг. размеры имеющегося в распоряжении населения капитала не позволили мелкотоварным заведениям села Ижева трансформироваться в капиталистические предприятия, как это было в Сарапуле и Елабуге. Однако в конце XIX – начале XX в. в ряде отраслей частные предприятия перешагнули рубеж мелкотоварной формы производства. Так, в кожевенном и кирпичном производствах сформировалась капиталистическая мануфактура; в оружейном и пищевом возникли более крупные предприятия, оснащенные машинами и механизмами. Заметим, что если в 1870–80-е гг. преемственности во владении заведениями не наблюдалось, то в нач. XX в. владение наиболее крупными предприятиями стало носить семейный характер. Предпринимательские династии села Ижева при активном участии сарапульского купечества сформировали местную торгово-промышленную элиту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вятский край. 1907. 18 июля. № 154. С. 4.
2. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 394.
3. Там же. Д. 465.
4. Там же. Д. 838.
5. Там же. Д. 1014.
6. Там же. Д. 1193.
7. ГАКО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 14.
8. История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 261–263.
9. Лигенко Н. П. Промышленность Удмуртии в период капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Устинов, 1896. С. 59–86.
10. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. 432 с.
11. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. С. 20–87.
12. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: 2008. 260 с.
13. РГИА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 164.
14. Список фабрик и заводов Российской империи. Составлен по официальным сведениям Отдела Промышленности министерства Торговли и Промышленности под редакцией В. Е. Барзара. СПб., 1912.
15. Фабрично-заводские Предприятия Российской империи. (Исключая Финляндию). Совет Съездов Представителей Промышленности и Торговли. Составлено под руководством Редакционного комитета, состоящего из членов Совета съездов Представителей Торговли и Промышленности. Издали инж. Пут. Сообщ. Д. П. Кандауров и сын. Петроград. Октябрь, 1914 г.

Таблица 1

Материалы подворной описи кузнецов и слесарей села Ижева на 1871 г.

Фамилии владельцев кузниц	Число масте-ров (чел.)	Место приобретения и объемы сырья (пуд.)	Ассортимент изделий	Место сбыта
Ижевская Заречная волость села Ижева. Сельские обыватели				
1. Храмов А.	2	Железо покупается из Арендно-коммерческого управления Ижевского завода, 35 пудов в год каж- дым хозяином	Выковыывают со- шники, топоры, ухваты, сечки, подковы, гвозди, вещи для ружей- ных замков и приборов	Изготовленные части для замков и приборов прода- ются для изготов- ления ружей ору- жейным мастерам. Орудия труда и бытовые пред- меты делаются по заказам или прода- ются на базарах
2. Маклаков В.	2			
3. Васильев И.	2			
4. Прилуков П.	2			
5. Федоров З.	2			
6. Погоре- лов П.	2			
Ижевская Нагорная волость села Ижева				
Тракторное общество				
1. Иванов Евсей	2	Железо до 20 пуд. на Воткинском заводе	Тисы, топоры, ножи, ружейные приборы	Продается на база- рах, делается по заказу
2. Колпаков М.	2	Железо до 10 пуд. в с. Ижеве	Замки, косы, серпы, сошники, ножницы	
3. Шифонов Я.	2	Железо до 40 пуд. в с. Ижеве	Косы, дверные части	
4. Яблочни- ков Г.	5	Железо до 70 пуд. в Ижевском заводе	Топоры, косы, ножи, оковка та- рантасов	
5. Никитин М.	2			
Михайловское общество				
6. Кудрин Н.	2	Железо до 20 пуд. в Ижевском заводе, на базарах с. Ижева	Тисы, топоры, ножи, вилки, ножницы, косы, сошники, оковка тарантасов	
7. Молошни- ков Р.	2			
Церковное общество				
8. Березин Н.	2	Железо до 20 пуд. в Ижевском заводе	Переделка ружей и стволов и при- готовление ружейных при- боров	
Набережные общества				
9. Дерендяев Ф.	2	Лом, железо до 30 пуд. на базарах в с. Ижеве	Топоры, ножи, оковывание ко- лес и телег	
10. Ярослав- цев В.	2			

<i>Госпитальное общество</i>				
11. Курбатов Я.	2	Лом, железо до 40 пуд.	Подковывание лошадей, оковка телег и колес	
12. Сандалов К.	2	на базарах в с. Ижеве		
<i>Русско-Карлутское общество, д. Русская Карлутка</i>				
13. Глазыриных И.	2	Железо до 20 пуд. в с. Ижеве	Топоры, ножи, подковы, тарантасы	
Итого: 19 кузниц	41			

Таблица составлена по данным: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 394. Л. 4–182.

Таблица 2

Сведения статистического комитета о фабриках и заводах села Ижево на 1885 г.

Ф.И.О. владельцев заведений, социальная принадлежность, название заведения	Год основания	Количество производимой продукции за год (шт.), сумма производств (руб.)	Число рабочих (чел.)	Место сбыта	Место и кол-во приобретения сырья
1. Рохлин Павел Михайлович, отставной солдат, слесарная мастерская	1868	300 шт. ружей на 750 руб.	6	Нижегородская, Ирбитская, Мензелинская ярмарки	Нет сведений
2. Ширяев Ив. Л., сельский обыватель, слесарная мастерская	1868	100 шт. на 250 руб.	2	Нижегородская, Ирбитская, Мензелинская ярмарки	Нет сведений
3. Селиванов Петр Дмитриевич, сельский обыватель, кузница	1868	Стволы (150 шт.), замки (400 шт.), приклады (400 шт.), скобки для охотничьих ружей (400 шт.), на 200 руб.	2	Нижегородская, Ирбитская, Мензелинская ярмарки	Нет сведений
Он же, слесарная мастерская	1868	400 ружей на 800 руб.	3	Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской ярмарках	Нет сведений
4. Макшанов Василий Васильевич, сельский обыватель, кузница	1868	15 экипажей, конские подковы (600 шт.) на 320 руб.	3	Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской ярмарках	Нет сведений

5. Николаев Тимофей, сарапульский мещанин, столярная мастерская	1864	разного типа мебель на 200 руб.	3	Ижевский завод	Нет сведений
6. Лушников Андриан Емельянович, сельский обыватель, столярная мастерская	1881	мебель на 700 руб.	3	Ижевский завод	Нет сведений
7. Хлыбов Гаврил Алексеевич, отставной солдат, кожевенное заведение	1884 г	обрабатывалось 50 шт. кож на 250 руб.	Нет сведений	Ижевский завод	Нет сведений
8. Хлыбов Егор Афонасьевич, слободской мещанин, кожевенное заведение	1867	Обрабатывалось 100 шт. кож на 450 руб.	2	Ижевский завод	Нет сведений
9. Шихов Алексей, сельский обыватель, чеботарня	1881	130 пар мужской и женской обуви	2	Ижевский завод	Нет сведений
10. Логинов Аким, сарапульский мещанин, солодовенное заведение	1882	Солод 200 пуд. на 160 руб.	1	Ижевский завод	Нет сведений
11. Петров Иван Федорович, сельский обыватель, кузнечное в каменном здании и слесарное заведение в деревянном в Заречной вол. на 5-й улице	1874	600 охотничьих ружей разных систем на 2000 руб.	16 взрослых мужчин, 2 малолетних подростка	Нижегородская, Ирбитская ярмарки	Железо – 200 пуд., сталь – 25 пуд., медь – 10 пуд.; ложевые болванки – 400 шт., ореховые – 200 шт.
12. Бодалев Иван Иванович, сарапульский купец, пиво-медоваренный завод на берегу заводского пруда в каменном здании (Конный двигатель – 1, 2 л.с.)	1872,	Пиво столовое, венское, баварское – 30 тыс. ведер на 36 тыс. руб., мед – 2 тыс. ведер на 2600 руб. Итого: 38600 руб.	50 рабочих мужчин, 5 женщин, 2 детей	Вятская, Пермская, Уфимская губ.	Русский ячменный солод – 10 тыс. пуд., хмель заграничный из Баварии – 100 пуд.

13. Смагина Александра Акимовна, сарапульский мещанин, мыловаренное заведение в деревянном здании на 3 котла Нагорная вол. на Безымянном починке	1882	Мыло – 500 пуд. на 1800 руб., Свечи – 30 пуд. на 180 руб. Итого: 1980 руб.	1	Нет сведений	Нет сведений
14. Колобков Федор Иванович, сарапульский купец, кожевенный завод на Безымянном починке. 10 котлов, 2 печи: зольная и дубная		Кож кониных – 600 шт. на 3600 руб., юфтовых черных – 150 шт. на 900 руб., подошвенных – 100 шт. на 700 руб., опойков – 150 шт. на 225 руб., выростков – 100 шт. на 200 руб. Итого: 1100 шт. на 5625 руб.	4	Ижевский завод	Нет сведений
15. Манин Ефим Карпович, сарапульский купец, кожевенный завод Нагорная вол., Безымянный починок в каменном здании. Отделка – в деревянном. Ветряная толчея – 1, котлов чугунных – 2, чанов дубильных – 6, зольных – 4, вертельников квасных – 1, мялки для сыромятных кож – 1, печей – 2	1872	Кож юфтовые – 27 шт. на 324 руб., сыромятные – 70 шт. на 350 руб., подошвенные – на 350 руб., черные юфтовые – на 500 руб., выростков – 30 шт. на 75 руб. опойков – 120 шт. на 144 руб. конины – 250 шт. на 1250 руб., жеребят – 16 шт. на 32 руб. Итого: 673 шт. на 3025 руб.	3 – мужчин, 1 – женщин	Ижевский и Воткинский заводы, г. Сарапул	Нет сведений
16. Ончуков Ксенофонт Петрович, купец, кожевенный завод Нагорная вол. Безымянный починок. 1 котел, 6 чанов	1882	Конинных опоек – 100 шт. на 600 руб., яловых – 300 шт. на 1500 руб. Итого: 500 шт. на 2500 руб.	4	Сбыт местный	Нет сведений
17. Хлыбов Алексей Александрович, слободской мещанин, кожевенный завод Нагорная вол. Безымянный починок. В деревянном здании 1 котел, 2 чана	1883	Конинных опоек – 100 шт. на 600 руб., яловых – 150 шт. на 900 руб., опойков – 500 шт. на 500 руб.; 200 шт. на 300 руб. Итого: 950 шт. на 2300 руб.	2	Сбыт местный и в Сарапульском уезде	Нет сведений

Таблица составлена по данным: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1014. Л. 214.

N. P. Ligenko

**Private Industry of the Village of Izhevo in the Second Half
of the XIX – the Beginning XX Century**

On the basis of statistical material introduced in the scientific use for the first time the picture of the evolution of private industry of the village of Izhevo with all functioning economic forms: from home production to private factories is presented. Private capital has formed a diversified production. Merchants, rural inhabitants, burghers contributed to its development. Arms manufacture did the classical capitalist journey that was laid by artisans of state-owned factories. Sarapul merchants invested capital in the development of the leather and shoe production. On the basis of the food industry of the region has formed a joint stock company headquartered in Izhev. Small forms of production served the needs of the population of the village and its surroundings, the products of the larger privately owned companies reached the level of the Russian market. In order to create an objective picture of the industrial development of the village the author makes an attempt to identify the representativeness and comparability of data of mass sources, to establish their reliability and accuracy. Contained materials of card character allow determining the regional and temporal features of the evolutionary process of the development of private enterprises; however, there is no completeness of the information for a single coverage of the whole complex of industrial establishments in the investigated period.

Keywords: mass sources, representativeness, the representativeness of the data; craft, home and small-scale production, capitalist manufactory, factory; social strata of the population.

Лигенко Нэлли Павловна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: ligenko@udnii.ru

Ligenko Nellie Pavlovna,

Doctor of Sciences (History), Leading Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: ligenko@udnii.ru

В. С. Воронцов, Д. А. Черниенко

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
И ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УДМУРТИИ***

В статье систематизирован региональный опыт научно-исследовательской работы в области межэтнических и межконфессиональных отношений; показаны основные проблемы, актуальные задачи, организационные формы и наиболее важные результаты в контексте общего развития историко-этнологического знания. Обращено внимание на исторические особенности региона с точки зрения этноконфессиональной структуры как среды активного взаимодействия финно-угорских, славянских и тюркских народов. Формирование научных традиций отнесено к концу 1960-х – 1970-м гг., когда были проведены первые в республике массовые этносоциологические опросы населения. Новый импульс в изучении этнической проблематики был вызван с ростом межнациональной напряженности в стране в условиях кризиса советской системы. Характеризуется деятельность ведущих научно-образовательных центров республики; показаны роль, проблемно-тематическая специфика и конкретные формы работы как образовательных и академических учреждений, так и временных творческих групп, ориентированных на изучение разных аспектов этноконфессиональных процессов в регионе. Отмечаются важность и необходимость сотрудничества научно-образовательных учреждений с органами власти и институтами гражданского общества, особенно при подготовке социально значимых научно-исследовательских и издательских проектов, мероприятий по сохранению гражданского мира и согласия. Подведены итоги научно-исследовательской работы ученых республики, определены перспективные направления в изучении этнических и конфессиональных процессов.

Ключевые слова: исследовательские традиции, научный потенциал, этнические процессы, конфессиональное пространство, межэтнические и межконфессиональные отношения, этнокультурное взаимодействие.

* Статья подготовлена в рамках Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем в Приволжском федеральном округе и Интеграционного проекта программ фундаментальных исследований УрО РАН № 12-И-6-2062 «Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Урало-Поволжском регионе Российской Федерации».

Удмуртская Республика, как и многие другие субъекты Российской Федерации, характеризуется сложным национальным составом. Исторически регион формировался как контактная зона трех основных этнокультурных массивов – финно-угорского, славянского и тюркского, что в значительной степени обуславливает содержание и интенсивность современных этнических процессов. Доминирующий этнокультурный компонент Удмуртии в настоящее время – восточнославянские народы, составляющие почти 2/3 численности населения Удмуртии (61,1 % – в 2002-м; 63,0 % – в 2010-м), из них русские – соответственно 60,1 % и 62,2 %. Финно-угорские народы (удмурты, марийцы, бесермяне) составляют чуть более четверти населения республики (30,09 % – в 2002-м; 28,69 % – в 2010-м), в том числе удмурты – 29,3 % и 28,0 %. Тюркские народы (татары, башкиры, чувашаи) составляют около 7 % населения Удмуртии (7,42 % – в 2002-м, 7,12 % – в 2010-м), в том числе татары – 6,96 % и 6,74 %. На протяжении 1990–2010-х гг. этническая карта Удмуртии, основу которой определяет приведенное здесь соотношение этносов, остается относительно стабильной, без резких демографических изменений, с незначительным приростом численности внешних мигрантов (азербайджанцев, армян, узбеков и др.).

Конфессиональная среда Удмуртии представлена православием, исламом, старообрядчеством, протестантскими деноминациями, так называемыми новыми религиозными движениями; в новейший период несколько расширился круг сторонников традиционных языческих верований у финно-угорских народов России. На 1 января 2014 г. в Республике действовало более 300 религиозных объединений, из которых 240 имеют статус юридического лица. В числе зарегистрированных – 150 объединений православных церквей, из них 141 р/о РПЦ, 7 старообрядческих общин, 2 религиозных организации Российской Православной Автономной Церкви, 68 организаций протестантов, 18 мусульманских общин, 1 иудейская организация, 1 буддистский центр, 1 организация из числа новых религиозных движений – Общество сознания Кришны.

В данной статье предлагается попытка систематизировать региональный опыт научно-исследовательской деятельности в области межэтнических и межконфессиональных отношений, показать основные проблемы, актуальные задачи, организационные формы и наиболее важные результаты в контексте общего развития историко-этнологической науки.

У истоков этносоциологического изучения населения Удмуртии в 1970-е гг. стояли сотрудники УдНИИ при СМ УАССР Г. П. Белорукова, Л. С. Христолюбова и Г. К. Шкляев, прошедшие аспирантскую подготовку в Институте этнографии АН СССР под руководством д.и.н., проф. В. В. Пименова [1]. В 1970 – сер. 1980-х гг. эта исследовательская группа была одной из самых квалифицированных и опытных: апробированные ею в Удмуртии методики и инструментарий были использованы для соцопросов в других регионах страны. Массовые опросы населения Удмуртии в 1968, 1979–1980 гг. позволили ученым проследить динамику социальных и этнических процессов среди удмуртского населения, выявить степень сохранности этнокультурных элементов в различных социальных и возрастных группах, характер межэтнических отношений и др. По результатам обследований были изданы научные сборники, подготовлены

докладные записки и рекомендации в советские, партийные и хозяйственные органы [2]. Начальный этап системного изучения этнических процессов показал важную роль научно-исследовательских и образовательных учреждений в формировании матрицы общественного сознания. Рекомендации ученых при их внедрении в практику управления могут оказывать содействие в корректировании государственной национальной политики, минимизировать риски возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, помогать в удовлетворении этнокультурных запросов представителей различных этнических групп. Проблема в том, что власть предержащие далеко не всегда готовы прислушиваться к выводам и рекомендациям ученых [3].

К концу советского периода кризисные явления в политической системе и противоречивость государственной политики в этнической сфере вызвали активизацию национальных движений в стране, нарастание противоречий и обострение межнациональных отношений. Но и в этот сложный для страны период в Удмуртии этнополитическая и религиозная ситуация оставалась относительно стабильной.

Вместе с тем в нач. 1990-х гг. в интеллектуальном и культурном пространстве Удмуртии появились некоторые дискуссионные сюжеты, вызывавшие в разное время наиболее острую научную и общественную полемику как инструменты активной политической деятельности на региональном уровне. К «уязвимым точкам» относятся следующие: вопрос о характере и последствиях вхождения удмуртских земель в состав Русского государства; исторический опыт и перспективы удмуртской государственности; попытки ревизии итогов «Мултанского дела»; обсуждение закона о государственных языках Удмуртской Республики и др. Обострение научных дискуссий и повышенное общественное внимание к этим проблемам характеризует процесс становления постсоветской государственности на волне этнической мобилизации во многих национальных административно-территориальных образованиях РФ.

Бурные дискуссии вышли за пределы республиканского парламента и отразились на страницах местных СМИ, в выступлениях лидеров национально-культурных организаций [4]. Именно этот период отмечен некоторым ухудшением климата межэтнических отношений в республике. Но к кон. 1990-х гг. напряженность и острота в обсуждении и общественной презентации этих проблем была в значительной мере снята, чему способствовали стабилизация социально-экономической ситуации в стране и укрепление российской государственности, организация государственно-общественного диалога в сфере национальной и конфессиональной политики [5].

Значительный вклад в повышение социального статуса региональной исторической науки в перв. пол. и сер. 1990-х гг. внесли сотрудники ведущего академического учреждения гуманитарного профиля – УИИЯЛ УрО РАН, подготовившие наиболее резонансные и востребованные в тот период издания по этнографии, археологии, сравнительной мифологии, этнополитике [6]. В последующем интеллектуальный и материально-технический потенциал для проведения научно-исследовательской работы в области межнациональных и межконфессиональных отношений поступательно наращивался. Институт получил признание в регионе, в России и за рубежом своими исследованиями

в области финно-угроведения, разработкой проблем национально-государственного строительства восточно-финских народов, этно-культурогенеза в Волго-Камском регионе в контексте общероссийских процессов.

Одно из приоритетных направлений в деятельности Института – комплексное изучение специфики регионального развития в современных условиях, включая социально-экономические, политико-правовые, этноязыковые, культурные трансформации народов Удмуртии [7]. В 1990–2010-е гг. проводились и продолжают исследования по вопросам взаимодействия удмуртской диаспоры с иноэтничным окружением [8], деятельности национально-культурных объединений [9], структуры и динамики этноконфессионального пространства Удмуртии [10], социально-культурной адаптации молодежи Удмуртии [11] и др. Многие исследовательские сюжеты инициированы учеными Института впервые в Республике и в Урало-Поволжье. Важным событием социокультурной жизни стал крупный научно-издательский проект УИИЯЛ УрО РАН «Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки»: помимо сведений о семи наиболее крупных народах Удмуртии, самостоятельными разделами представлена информация о национальном составе и демографических характеристиках, о современных этнокультурных и этноязыковых процессах в Удмуртии [12].

В 2013 г. в структуре отдела исторических исследований создан Центр, изучающий современные этнополитические процессы и межнациональные отношения. Его задача – организация и координация научно-исследовательской деятельности в данном направлении. В 2013–2014 гг. сотрудники Центра подготовили аналитические отчеты по итогам нескольких социологических опросов: «Общественно-политическая и социально-экономическая ситуация накануне выборов Главы Удмуртской Республики», «Миграционная ситуация в общественном восприятии населения Камско-Вятского региона», «Религиозная ситуация в общественном восприятии населения региона», «Языковая ситуация в Удмуртии». Проводится поквартальный мониторинг состояния этнополитической ситуации и межнациональных отношений в Камско-Вятском регионе; разработаны предложения к «Методическим рекомендациям для органов государственной власти субъектов РФ о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений» по заказу Министерства национальной политики УР и др.

Этноконфессиональная проблематика системно изучается также на базе Удмуртского государственного университета (УдГУ). Еще в 1989 г. вследствие общественной актуализации вопросов этничности в составе Лаборатории истории и культуре финно-угорских народов Приуралья (с 1993 г. – Институт истории и культуры народов Приуралья) был образован сектор по изучению межнациональных отношений с акцентом на изучении межэтнических, этноязыковых и этнокультурных процессов среди различных возрастных и социальных групп населения Удмуртии, главным образом – среди студентов и учащейся молодежи. В 1990 г. при первом массовом обследовании данной группы было опрошено 1800 чел. Особое внимание в исследовании уделили проблемам этничности, этническим аспектам формирования мира личности в подрастающем поколении, этнокультурным ориентациям и реалиям межэтнического общения [13]. Результаты исследования были доложены на межрегиональной научно-практи-

ческой конференции «Проблемы национального развития и межнациональных отношений в Урало-Поволжском регионе», а также легли в основу рекомендаций органам государственной власти.

Повторный массовый опрос (2600 чел.) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) был проведен в 1997 г., при этом сохранился прежний перечень основных направлений изучения молодежи, но по содержанию он стал более объемным. Итогом исследования стали научные публикации [14]; материалы опросов использовались при подготовке диссертаций [15].

С 2000 г. деятельность сектора осуществлялась в тесном контакте с государственными учреждениями и организациями республики (Министерство национальной политики УР, Институт национального образования УР): была проведена серия комплексных этносоциологических и экспертных опросов населения Удмуртии, посвященных этноконфессиональной проблематике [16]. Практическая реализация деятельности сектора отражена в серии научных экспертиз, предложений и рекомендаций при подготовке проектов и обсуждения Концепции государственной национальной политики УР (1997), Закона о государственных языках УР (2002), Стратегии государственной национальной политики РФ (2012) и др. нормативных актов.

С 2001 г. сотрудники сектора становятся экспертами регионального отделения «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (руководитель – директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, академик В. А. Тишков). На основании их аналитических сообщений регулярно формируются «Бюллетень» Сети, ежегодные доклады «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», а также банк данных «Этничность и конфликты в постсоветских государствах». Сотрудниками регионального отделения Сети в Удмуртии опубликовано более 100 статей, сообщений, аналитических обзоров по этнической, конфессиональной, миграционной и демографической проблематике [17].

В 1997 г. на историческом факультете УдГУ была создана (как результат успешного развития научной школы этнографии проф. В. Е. Владыкина) специализированная кафедра этнологии и регионоведения (в 2012-м преобразована в кафедру этнологии и истории Удмуртии). Деятельность кафедры и исследовательские программы ориентированы, прежде всего, на разностороннее изучение региональных особенностей финно-угорского мира; особый акцент сделан на реконструкции религиозно-мифологических представлений, менталитета и современного состояния удмуртского этноса. Новое направление – разработка методологических подходов к изучению региональной, локальной истории и исторического краеведения. Значимым шагом в утверждении этого направления и признании Удмуртии как одного из центров локально-исторических исследований стала организованная кафедрой Всероссийская научная конференция «Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания» (октябрь 2012). Накопленный опыт и научно-образовательные связи позволили в 2012 г. открыть также междисциплинарную программу подготовки магистров «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении». Содержание этой программы позволяет показать основные характеристики финно-угорского

сообщества, предусматривает знакомство с национально-конфессиональными процессами внутри финно-угорского мира и в контексте этнокультурного взаимодействия. Научную специфику кафедры сегодня определяет повышенный интерес к проблемам этнополитологии, этносоциальным процессам в удмуртском обществе в условиях модернизации [18].

Помимо постоянно действующих научно-образовательных структур (профильных кафедры, центра и сектора при УИИЯЛ УрО РАН и УдГУ), изучение региональных этноконфессиональных процессов осуществляют временные творческие коллективы. Осознанная необходимость такого подхода появилась на рубеже 1990–2000-х гг. Повышенная актуальность национальной и религиозной проблематики, необходимость постоянного мониторинга этнополитической и межэтнической ситуации в республике привели к формированию и апробации методов «проектного» исследовательского направления, то есть ориентированного на конкретный результат.

Первый такой опыт, благодаря совместной инициативе органов государственной власти и регионального научного сообщества, был реализован как масштабный научно-издательский проект под названием «Феномен Удмуртии» [19]. Курировал его Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, соруководители проекта – д.и.н., проф. М. Н. Губогло и д.полит.н., проф. С. К. Смирнова. Актуальные вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений в условиях постсоветских трансформаций стали связующей нитью всех тематических книг серии (9 томов, 12 книг): «Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века» (2001), «Постижение суверенности: становление государственности Удмуртской Республики» (2002), «Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций» (2002), «Идеология и технологии этнической мобилизации» (2003), «Нациестроительство и межэтнические отношения» (2003), «Электрокардиограмма (ЭКГ – Этничность. Конфессиональность. Гражданственность) деинфантилизации» (2006), «Как слово наше отзовется...» (2008), «Удмуртская диаспора» (2008), «Хроника этнополитической жизни» (2008). Ведущие ученые республики аргументировали свои позиции в оценке наиболее судьбоносных событий и процессов этнополитической и этносоциальной истории Удмуртии на рубеже XX–XXI вв. Таким образом, благодаря уникальной для России серии «Феномен Удмуртии», с нач. 2000-х гг. наметился очевидный и устойчивый интерес ученых, представлявших различные отрасли гуманитарного знания (исторические, политические, философские, культурологические науки), к этнокультурной и этнополитической проблематике.

В 2002 г. в рамках реализации международного проекта TEMPUS на базе кафедры политологии и политического управления УдГУ был создан «Центр социальной политики» (руководитель – М. Ю. Малышев), преобразованный в 2009 г. в университетский научно-образовательный центр (НОЦ). Он призван изучать изменения в структуре социальных идентичностей в условиях реформирования государства и общества; особенности этнокультурной адаптации различных категорий населения, в том числе мигрантов; проводить мониторинг политической и социально-экономической ситуации в республике; готовить рекомендации для органов власти различных уровней. В 2009–2012 гг. в рамках

аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» НОЦ разрабатывал две темы: «Исследование социальных и этнополитических условий государственной безопасности» (2009–2010 гг.) и «Комплексное исследование регионального социума в системе национальной безопасности» (2011–2012). В ходе их реализации анализировалось содержание соответствующей нормативно-правовой базы УР и ситуации, сложившейся на региональном рынке труда с учетом современных миграционных процессов; показаны риски и социальные последствия взаимодействия местного и мигрантского сообществ; предложена система мер, направленных на противодействие ксенофобии, религиозному экстремизму и деятельности деструктивных религиозных объединений. Результаты исследовательской работы отражены при проведении научных мероприятий, а также в соответствующих публикациях [20], аналитических отчетах, рекомендациях в Аппарат Главного федерального инспектора по Удмуртской Республике, Министерство национальной политики УР, Министерство образования и науки УР. Главный итог работы над проектами – два научно-методических пособия [21]. Значительное внимание в них уделено вопросам этнокультурного взаимодействия и межконфессионального диалога, анализу конфессионального пространства Удмуртии как фактору общественно-политической стабильности региона и особенностям государственно-церковной политики Удмуртии в современных условиях.

В 2008–2013 гг. при историческом факультете УдГУ функционировало специализированное подразделение для системного, комплексного, междисциплинарного изучения этноконфессиональных отношений в Удмуртии, а также для консультирования органов государственной власти – Научно-учебная лаборатория по исследованию конфессиональных проблем под руководством Ю. В. Семенова). Идею создания лаборатории поддержали Министерство национальной политики Удмуртии, профильные комиссии Государственного Совета УР и руководители национально-культурных объединений. Необходимость ее была обусловлена не только актуальными задачами государственно-общественного взаимодействия в религиозной сфере, но и возможностью опираться на солидную историографическую базу, представленную трудами М. Г. Атаманова (по семантике сакральных текстов); В. Е. Владыкина, Г. А. Поздеева, Г. И. Тропиной (по традиционным удмуртским верованиям), Е. М. Берестовой, А. Малых, Е. Ф. Шумилова (по истории православия в регионе); С. И. Ильинского, Ю. В. Семёнова, Е. А. Чураковой (по государственно-церковным отношениям); В. С. Воронцова (по конфессиональной идентификации населения); Р. Н. Касимова (по мифологическим представлениям чепецких татар) и др.

За период деятельности лаборатории подготовлено несколько десятков публикаций, в том числе монография [22]; в части мониторинга этноконфессиональной обстановки в регионе осуществлялось сотрудничество с академическими учреждениями – Институтом философии и права УрО РАН, Удмуртским филиалом Уральской академии государственной службы. Совместно с Администрацией Президента и Правительства Удмуртской Республики проведено несколько учебных семинаров для государственных и муниципальных служащих, взаимодействующих с общественными и религиозными объединениями.

Организованы научно-практические конференции, в том числе «Православие в Удмуртии» (2009), «Ислам в Удмуртии» (2009), Конгресс народов Удмуртии (2010, 2012, 2014). В 2010 г. осуществлен мониторинг для изучения последствий упразднения национально-регионального компонента из школьного образования и включения нового курса «Основы религиозных культур и светской этики». Результатом его стали научные публикации и практические рекомендации для региональной системы образования [23].

В апреле 2012 г. (в соответствии с решением Президента РФ) Министерством образования и науки РФ совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН, который оказывает организационное и методическое обеспечение, создан Распределенный научный центр (РНЦ) для мониторинга межнациональных и межрелигиозных проблем в регионах Приволжского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. В основу его работы положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления для предупреждения и разрешения межэтнической напряженности и конфликтов, утверждения российского самосознания, гражданского согласия и толерантности. В 2013–2014 гг. эксперты РНЦ от УР – сотрудники УИИЯЛ УрО РАН – участвовали в подготовке серии экспертных докладов о межнациональной и религиозной ситуации в ПФО [24]. В докладах анализируются как позитивные практики в области государственной национальной политики, так и кризисные проблемы в этноконфессиональной сфере. Доклады содержат рекомендации органам власти и общественным институтам в обеспечении гражданского согласия, улучшении общественного климата и социальных условий жизни многонационального населения ПФО. Составлен перечень ключевых и актуальных научных исследований в области межнациональных отношений в регионах ПФО, проведен сравнительный анализ настроений и ожиданий современной российской молодежи, выявлен уровень ее толерантности к инокультурным группам и мигрантам. Важны рекомендации для предотвращения радикальных идей, экстремизма и ксенофобии в молодежной среде.

В кон. 2000-х гг. Удмуртская Республика отмечала две крупные исторические даты: 450-летие присоединения к России (2008) и 90-летие своей государственности (2010). Подготовка к этим событиям органами власти различного уровня, представителями региональной научно-образовательной среды, СМИ и гражданскими институтами показала высокий интерес населения Удмуртии к региональной, этнической и конфессиональной истории (при наличии некоторых дискуссионных вопросов и сюжетов), а также необходимость дальнейшего общественного просвещения. Анализируя и систематизируя научно-исследовательскую деятельность в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, проводимую в Удмуртии в 1990–2010-е гг., выделим следующие основные черты:

1. Создание и функционирование университетско-академических постоянно действующих подразделений или временных творческих коллективов, решавших исследовательские, консультативные и просветительские задачи.

2. Наличие большого корпуса публикаций, включая литературу обобщающего характера [25] и цикл диссертационных исследований, построенных на материалах Удмуртии [26].

3. Разработаны и апробированы методики этносоциологических исследований, этнологического мониторинга, что способствовало накоплению обширной эмпирической базы и достоверных источников.

4. Определены основные темы и направления, по которым ведется наиболее активная исследовательская работа: вопросы идентичности, межэтнических отношений, этнокультурных и языковых процессов, в том числе, в молодежной среде; взаимодействия славяно – финно-угорско – тюркского населения в регионе; конфессионального пространства и государственно-церковных отношений.

Вместе с тем актуальной и востребованной остается системная реализация следующих задач:

– Изучение материальной и духовной культуры разных народов Удмуртии и Урало-Поволжья, а также проблем сохранения культурного наследия.

– Подготовка энциклопедических и словарно-справочных изданий, отражающих полную этнокультурную палитру Удмуртии.

– Изучение современных демографических и миграционных процессов, взаимодействия культурных норм и психологических установок местных и мигрантских сообществ.

– Расширение знаний во всех религиозных группах на территории Удмуртии, мониторинг их толерантного и конфликтогенного потенциала.

– Участие в подготовке и повышении квалификации специалистов государственных и муниципальных органов власти и управления по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белорукова Г. П. Некоторые особенности сближения наций в Удмуртии (по материалам сельского населения) // Вопросы развития национальных отношений. Устинов, 1985. С. 83–92; Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии: Образ жизни и этнические процессы. Устинов, 1986. С. 109–123; Пименов В. В., Христюлова Л. С. Удмурты: Этносоциологические очерки. Ижевск, 1976. 77 с.; Шкляев Г. К. Характер межэтнических контактов в сельских поселениях различного типа // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск, 1983. С. 50–62.

2. Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: сб. ст. Ижевск, 1983; Статистико-этнографические исследования в Удмуртии: сб. ст. Устинов, 1985; Вопросы развития национальных отношений: сб. ст. Устинов, 1985; Современное городское население Удмуртии: Образ жизни и этнические процессы: сб. ст. Устинов, 1986; Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993, и др.

3. Христюлова Л. С. Этносоциологические и этнокультурные исследования в Удмуртии // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сб. ст. / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 2005. С. 333.

4. Подробнее см.: Губогло М. Н., Смирнова С. К. и др. Феномен Удмуртии. Т. 6. «Как слово наше отзовется...». Москва – Ижевск, 2008. 768 с.; Воронцов В. С., Семенов Ю. В. СМИ и межнациональные отношения в Удмуртии (опыт социологического исследования) // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 95–108.

5. См. например: Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 280 с.; Куликов К. И., Христолюбова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1995 г. М., 1996. 72 с.; Куликов К. И. Удмуртия – субъект России: Проблемы экономики, политики, национальных отношений (1990-е гг.). Ижевск, 1999. 279 с.

6. Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. 168 с.; Древние мастера Прикамья: Очерки. Ижевск, 1994. 108 с.; Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: Учебное пособие. Ижевск, 1994. 192 с.; Куликов К. И. Кому выгодна ксенофобия. Ижевск, 1996. 32 с.; Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии: Опыт историко-психологического анализа. Ижевск, 1998. 213 с.; Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. 178 с.

7. Загребин А. Е., Никитина Г. А. Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Ps I. Piliscsaba, 2010. S. 297–331 Загребин А. Е. Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 398–402; Загребин А. Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 16–24.

8. Материалы семинара-совещания «Дiasпоры Урало-Поволжья: современное состояние, проблемы и пути решения». Ижевск, 2002. 96 с.; Diasпоры Урало-Поволжья: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Ижевск, 2005. 284 с.; Шеда-Зорина И. М. Удмуртская diasпора в субъектах федерации различного типа... Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007; Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья... // Мы и как удмурты, и как чуваша...: сб. ст. М., 2007. С. 112–144; Поздеев И. Л. Удмуртская diasпора в Республике Башкортостан: результаты одного исследования // Diasпоры. 2007. № 3. С. 192–204.

9. Черниченко Д. А. Национально-культурные организации как фактор развития гражданского общества: опыт Удмуртской Республики // Актуальные вопросы государственной национальной политики: теоретико-методологические, правовые и гуманитарные аспекты: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Уфа, 2008. С. 320–324; Татары Удмуртии: история, традиции и современность: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (Ижевск, 29 апреля 2014 г.). Ижевск, 2014. 176 с.

10. Чуракова Е. А. Некоторые аспекты современной этноконфессиональной ситуации в Удмуртии // Актуальные проблемы безопасности регионального социума. Ижевск, 2012. С. 173–178; Чуракова Е. А. Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв. Екатеринбург-Ижевск, 2012. 216 с.; Касимов Р. Н. Очерки религиозно-мифологических представлений чепецких татар. Ижевск, 2013. 156 с.; Касимов Р. Н. Специфика бытования мифологического сознания: русско-удмуртско-татарские параллели // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. ст. Ижевск, 2013; Касимов Р. Н. О роли религиозных представлений в современном социуме // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 2. С. 104–107.

11. Васина Т. А., Поздеев И. Л. Адаптационные практики в современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере удмуртского этноса). Ижевск, 2007. 232 с.; Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере удмуртского этноса): монография. Ижевск, 2007; Поздеев И. Л. Роль студенческой молодежи в этнополитической жизни Удмуртской Республики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 394–397.

12. Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. 288 с.

13. Белорукова Г. П. Межнациональные отношения и молодежь // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 85–87; Воронцов В. С. Некоторые особенности национального самосознания студентов-удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 89–90; Широбокова Н. Ф. Отношение студентов к проблемам языка // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 87–88, и др.

14. Белорукова Г. П. Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества (опыт этносоциологического изучения) // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 22–31; Широбокова Н. Ф. Отношение студентов к национальной культуре и некоторые вопросы их национального самосознания // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 39–42; Воронцов В. С. Межнациональные отношения среди студентов вузов Удмуртии (по данным социологического опроса) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 348–353; Воронцов В. С. Религиозный фактор и этничность в молодежной среде // Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия. Екатеринбург, 2005. С. 9–12; Воронцов В. С. Динамика межнациональных отношений в Удмуртской Республике // Ассамблея народов России. Информационный бюллетень. 2005. № 1. С. 15–17, и др.

15. Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике. 1989–1999 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001; Воронцов В. С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

16. Воронцов В. С. О результатах этносоциологического опроса «Удмуртия – 2000» // Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000. С. 7–15, 58–81; Воронцов В. С. Отчет по этносоциологическому исследованию «Этнокультурные характеристики и межнациональные отношения в среде студенческой молодежи Удмуртской Республики» // Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (материалы к расширенному заседанию коллегии Министерства национальной политики). Ижевск, 2001. С. 26–66, и др.

17. Воронцов В., Семенов Ю. Религиозные объединения: итоги десятилетия // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ПФО). 2002. № 31. 16–31 марта. С. 36–38; Воронцов В. В национальном вопросе мелочей не бывает // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ПФО). 2004. № 87. С. 28–31; Воронцов В. Местные жители и трудовые мигранты: проблемы занятости и общественного согласия // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 257–271; Воронцов В., Семенов Ю. Мониторинг этнополитической ситуации. Удмуртская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 416–426, и др.

18. Владыкин В. Е., Шепталин А. А. Религиозно-конфессиональная панорама современной Удмуртии // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Казань, 1998. С. 29–31; Владыкин В. Е. Неоязычество удмуртов: миф или реальность? // Мултанское дело: история и современный взгляд: мат-лы науч.-практ. конф. Ижевск, 2000. С. 42–46; Шепталин А. А. Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. Сарго, 2003. С. 225–262; Перевозчиков Ю. А. Этническое меньшинство и государство: Проблемы

этнополитического диалога. На примере финно-угорских народов. Ижевск, 2000; *Перевозчиков Ю. А.* Роль институтов межнационального взаимодействия в этнополитике региона // *Гражданские инициативы в сфере этнической политики* (ред. Зорин В. Ю., Степанов В. В.). М., 2013. С. 12–20; *Никитина Г. А.* О смыслах и реальных практиках толерантности, мультикультурализма и политкорректности // *Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. / Сост., ред. А. Е. Загребин, О. М. Мельникова.* Ижевск, 2012. С. 59–66.

19. Феномен Удмуртии / Под общ. ред. М. Н. Губогло, С. К. Смирновой. Т. 1–9. М.–Ижевск, 2001–2008.

20. Напр.: *Воронцов В. С.* Опыт реализации языковой политики в Удмуртии // *Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации).* Ижевск, 2009. С. 656–667; *Малышев М. Ю., Воронцов В. С., Черниенко Д. А.* Историко-культурные и социальные аспекты безопасности российского общества // *Вестник экономики, права и социологии.* 2011. № 1. С. 184–191; *Черниенко Д. А.* К проблеме сохранения национальной культуры в полиэтничной среде // *Финно-угры – славяне – турки: опыт взаимодействия (традиции и новации).* Ижевск, 2009. С. 160–166.

21. Безопасность в российском и региональном измерении: теоретические и прикладные аспекты: Научно-методическое пособие / Под ред. М. Ю. Малышева и др. Ижевск: УдГУ, 2009. 192 с.; *Актуальные проблемы безопасности регионального социума: Научно-методическое пособие / Под ред. В. С. Воронцова и др.* Ижевск: УдГУ, 2012. 236 с.

22. Напр.: *Семенов Ю. В.* Этническое и конфессиональное как проблема исследования // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* 2009. № 101. С. 91–97; *Воронцов В. С., Ильинский С. И., Семенов Ю. В.* Трансформация конфессионального пространства Удмуртии // *Вестник Удмуртского университета.* 2010. № 3. С. 121–129; *Семенов Ю. В.* Этноконфессиональные отношения как объект исследования // *Ежегодник финно-угорских исследований.* 2012. Вып. 3. С. 72–79; *Семёнов Ю. В.* О конфессиональной обстановке в Удмуртской Республике // *Этнопанорама.* 2008. № 1–2. С. 78–80; *Семенов Ю. В.* Православие и язычество в этническом самосознании восточно-финских народов. Дореформенный период (Историко-философский аспект). Ижевск, 2008. 217 с., и др.

23. *Воронцов В.* Поможет ли новый федеральный закон родному языку? // *Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы.* М., 2010. С. 180–188; *Воронцов В., Кульбачевская О., Подлесных О.* О введении в школах курса по основам религиозной культуры и светской этики. Там же. С. 166–175; *Воронцов В.* «Основы религиозных культур и светской этики»: опыт школ Удмуртии // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова.* М., 2011. С. 237–241.

24. Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.–Ижевск, 2013. 118 с.; *Состояние научной экспертизы межэтнических и межконфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова.* М.–Ижевск, 2013. 124 с.; *Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова.* М.–Оренбург, 2013. 115 с.

25. Удмуртия в годы реформ 1990–2001 гг. / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002. 288 с.; *История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова.* Ижевск,

2005. 544 с.; Этническое и языковое возрождение в Удмуртии: от политики к культурному многообразию: Колл. монография. Ижевск, 2008. 252 с.; Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / Науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. 288 с.

26. *Смирнова С. К.* Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дисс. ... д-ра полит. наук. Москва, 2003; *Ильинский С. И.* Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: опыт вероисповедальной политики в регионе (1991–2002 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: 2003; *Усова Н. П.* Средства массовой информации как механизм регулирования межнациональных отношений: На примере Удмуртской Республики. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004; *Чикурова О. В.* Исторические аспекты взаимодействия ислама, христианства (православия) и язычества в Волго-Камье (на примере удмуртского этноса). Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004; *Микрюкова М. А.* Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008; *Бобков А. А.* Этнический фактор в контексте политической социализации студенческой молодежи (на примере Удмуртской Республики). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011, и др.

Поступила в редакцию 26.09.2014

V. S. Vorontsov, D. A. Chernienko

Scientific and Educational Resources and Experience of the Study of Interethnic and Interfaith Relations in Udmurtia

Regional experience of research activity in the field of interethnic and interfaith relations is systematized in the article; the main problems, relevant tasks, organizational forms and the most important results in the context of the overall development of the historical and ethnological knowledge are showed. Attention was paid to the historical features of the region from the perspective of ethnic and confessional structure as the environment of active interaction of the Finno-Ugric, Slavic and Turkic peoples. The formation of research traditions attributed to the late 1960-s – 1970-s, when the Republic held its first mass ethno-social surveys. A new impetus to the study of ethnic issues was caused by the growth of inter-ethnic tension in the country in conditions of the crisis of the Soviet system. The activity of the leading scientific and educational centers of the Republic is characterized; the role, theme specificity and peculiar forms of work of an educational and academic institutions, and temporary creative groups focused on the study of different aspects of the ethno-confessional processes in the region are showed. The importance and necessity of cooperation between scientific and educational institutions with the government and institutions of civil society are highlighted, especially in the preparation of socially significant research and publishing projects, actions for the preservation of civil peace and accord. The results of research work of scientists of the Republic are reviewed, perspective areas in the study of ethnic and confessional processes are identified

Keywords: research traditions, scientific potential, ethnic processes, confessional space, inter-ethnic and inter-confessional relations, ethno-cultural interaction..

Воронцов Владимир Степанович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Черниенко Денис Аркадьевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: denis_chernienko@mail.ru

Vorontsov Vladimir Stepanovich,

Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Chernienko Denis Arkadievich,

Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: denis_chernienko@mail.ru

Т. В. Зверева

ЗАКЛИНАНИЕ ПУСТОТЫ

(еще раз о театре Ольги Александровой)

В данной рецензии автор обращается к феномену театра Ольги Александровой. Дан анализ спектакля «Три свадебных напева», в основании которого лежат древнейшие фольклорные тексты – заговоры, заклинания, обрядовые песни.

Ключевые слова: театр, удмуртский фольклор, архетип, обряд.

Наверное, лучшая рецензия об этом театре уже написана – рецензия московского театроведа Натальи Казьминой. Однако со дня ее написания прошло уже много времени, а спектакли Ольги Александровой продолжают свою жизнь на сцене. Нельзя дважды войти в одну реку, невозможно повторить одно и то же действие – время изменяет и артиста, и людей, пришедших в зрительный зал. «Нельзя раз и навсегда понять, каждый раз понимание начинается заново», – писал известный реформатор европейского театра Питер Брук. Спустя десятилетие ижевский зритель вновь открыл для себя «Три свадебных напева», спектакль, которому рукоплескала Европа.

Театр Ольги Александровой почти отчужден от сцены. Перед зрителем – открытое, предельно высвеченное пространство. Здесь, во всемирной пустоте, начинается действие, призванное преобразить невидимый мир. И человек, оказавшийся на юру, просит Бога о жизни: «Инмар, великий Инмар, великий – светоликий, Кылдысин, Инву, Воршуд! Так же, как я тебя с целым караваем, с наполненными явствами чашами испрашиваю–вопрошаю, так же и ты спаси–сохрани, врагу-ворогу не выдай!». И глазам больно от слепящего ровного света, и не спрятаться от зрителя, приученного современной культурой к ярким визуальным эффектам. Заклинание пустоты, – именно так бы я обозначила жанр спектакля, увиденного мной.

Первое, что делает артистка, – очертит магический круг, внутри которого и будет разворачиваться действие. Прохождение по кругу, напоминающее культовый танец, сопровождается ритмичными ударами бубна. В архаических

культурах ритмические звуки, с одной стороны, соответствовали ориентировке в мировом пространстве, а с другой – способствовали погружению в чувственное мышление, уходу от реальности. В «Трех свадебных напевах» мир возникает из звука бубна, затем – неясных, чуждых для профанного уха, слов. Но чем далее, тем яснее становится смысл нездешних фраз, и зритель обретает чудесную способность понимать чужой язык. Именно в этот момент становится очевидной призрачность границ, разделяющих времена и пространства. Вне зависимости от наречия и местонахождения человек испокон веков проходит один и тот же круг.

Именно поэтому линия круга и становится основной графической линией в «Трех свадебных напевах»: круглый бубен, символизирующий Вселенную; округлые деревянные человечки, разыгрывающие мистику жизни и смерти; круглые монетки и круглые зерна, олицетворяющие великую Жертву; маленькие круглые колокольчики, символизирующие душу. Наконец, маска смерти – круглая, как и сама жизнь. На протяжении спектакля актриса не раз обернется вокруг себя, ее пластика – пластика волнообразных движений. Замыкается круг между жизнью и смертью, замыкается круг между зрителем и актрисой. И не вырваться из этого круга до самого финала спектакля, до самого конца жизни...

В театре Ольги Александровой нет места бутафории. Подлинность разыгрываемого действия нашла свое отражение в подлинности материи. Мир словно возвращен к своим первоэлементам – дереву, коже, шерсти, льну, зерну. Рожденное на сцене Слово – слово вещное. А потому зритель ни на секунду не сомневается в том, что оно способно уберечь мир от разрушения: «Не смей, болезнь, к нему прикасаться, пока не превратишь в один семьдесят семь мельничных жерновов! <...> Пока ты не сможешь летающую в воздухе пыль обратить в бесконечную золотую цепь, он не поддастся тебе, болезнь! Всего этого ты не сделала и никогда не сделаешь, а потому и не смей прикасаться к этому человеку!». В звучащих со сцены причитаниях и заговорах слово обретает ту изначальную силу, которая была утрачена на поздних стадиях человеческой культуры.

Ольга Александрова – человек, профессионально увлекающийся фольклором, хорошо знающий семантику обрядовых форм. При просмотре ее спектаклей испытываешь не только эмоциональное, но и интеллектуальное удовольствие. Можно бесконечно разглядывать одеяние, в котором актриса выходит на сцену. Сотканное из многочисленных символов, оно становится равноправным участником действия. Человек на сцене – связующее звено между верхним и нижним мирами. На голове у актрисы – ветвь с колокольчиками, легкий звон которых постоянно напоминает о присутствии Бога-Инмара. Нижний мир перевернут, и крошечные коконы-человечки висят вниз головой на гетрах актрисы. В среднем мире – на поверхности бубна-земли – разворачивается мистериальное действие под названием «Три свадебных напева».

Финал спектакля пронзительнее его начала. Несмотря на то, что на протяжении всего спектакля постоянно ощущается незримое присутствие смерти, ее вторжение оказывается внезапным:

Э, тело мое, тело,
Черной-черной землей, да будешь, наверное.
Э, ожерелье мое, ожерелье,
Рыбьей чешуей, да, будешь, наверное.
Э, браслетные мои бусы, браслетные бусы.
Рыбьей икрой, да, будете, наверное.

Лик Бога в спектакле невидим – зримо лишь лицо смерти. Темная маска указывает не только на деревянного героя, каждый в зале также отмечен ее страшным взглядом. Символично, что актриса примеряет эту маску на себя и смотрит на зрительный зал сквозь ее прорези. Но смерть на этот раз обращена к тому, кто находится на бубне. Высокий голос актрисы возносится ввысь; улетает вверх колокольчик, бывший душой героя. «Теперь я знаю, что такое смерть, – это когда колокольчик из груди вырывают», – сказала моя дочка после просмотра этого спектакля.

В финале слово вновь возвращается к своей исходной стихии – звуку. Причитания стихают в ритмичной дроби бубна, три свадебных напева растворяются в пространстве пустой сцены. Актриса проходит свой последний круг и покидает сцену. Театр-мистерия ждет встречи с новым зрителем...

Все великие художники искали подлинную опору для своего творчества в первосхемах человеческой культуры. Этим путем, каждый по своему, шли В. Мейерхольд, Г. Крэг, П. Брук, Г. Козинцев... Ольга Александрова обратилась к удмуртскому фольклору, став первооткрывателем неведомого для зрителя мира. За национальными формами обряда – общие для всех культур архетипы, пробуждающие первичную память. Не случайно «Три свадебных напева» обошли многие страны мира, а удмуртский язык стал языком интернациональным, понятным и близким для всех.

Казалось бы, подобное представление должно снискать успех, прежде всего, у себя на родине – в Удмуртии. Однако театр Ольги Александровой оказался не совсем нужным в пространстве, его породившем. Так сложилось, что у артистки в Ижевске нет даже временной сценической площадки. Ее последние гастролы проходили на неприспособленных подмостках, которые нужно было превратить в сцену (единственным театром, предоставившим место, была «Птица»). На сегодняшний день остались практически невостребованными и все новые проекты, с которыми Ольга Александрова приехала в Ижевск. «Нет пророка в своем отечестве», – только этими словами можно обозначить сложившуюся ситуацию. И остается только молить о театре, который мог бы стать визитной карточкой нашей национальной культуры: «Большого и испросить не знаю, сам уж рассуди-ниспошли, великий Инмар, Кылдысин, Инву, Воршуд!».

Поступила в редакцию 24.09.2014

T. V. Zvereva

The Spell of Emptiness (Again About the Theatre of Olga Aleksandrova)

In the given review the author addresses to a phenomenon of theatre of Olga Aleksandrova. The author analyses ceremonial performance «Three wedding tunes». The performance is based on the most ancient folklore texts: plots, spells, ceremonial songs, charms, spells, ritual songs.

Keywords: theatre, the Udmurt folklore, an archetype, a ceremony.

Зверева Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna,

Doctor of Sciences (Phylology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

ЮБИЛЕИ

УДК 929

Е. П. Никонова

ЮБИЛЕЙ ЭТНОГРАФА

(к 75-летию Л. С. Христолюбовой)

Сайкытлэсь но сайкыт синъёсыд,
Муспотон пальышась ымдурыд.
Чеберед но, визьмыд но уно,
Вирсэрлы тон, удмурт нылкышно...

Л. Тихонова

Имя видного ученого-этнографа, кандидата исторических наук, заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики (1991 г.) Людмилы Степановны Христолюбовой известно не только в нашей республике, но и во всем финно-угорском мире, ибо своей многолетней научно-исследовательской деятельностью

она внесла неоценимый вклад в разработку различных аспектов этнографии удмуртского этноса.

Стоит заметить, что основы становления личности будущего ученого закладывались в обычной семье трудолюбивых крестьян из д. Волково Ижевского (ныне Завьяловского) района. Родители – отец фронтовик Степан Изосимович и мать Мария Михайловна – воспитывали пятерых детей (трех дочерей и двух сыновей) в обстановке любви и взаимопомощи, с малых лет приобщали ко всем известным видам нелегкого крестьянского труда. Как большинство представителей поколения «детей войны», Людмила (род. 26 марта 1939 г.) еще школьницей участвовала в разных колхозных сельскохозяйственных

работах: прополка, сенокос, уборка овощей и др. В то же время родители сделали все возможное, чтобы дети получили достойное образование. А любознательности и пытливого ума Людмиле было не занимать. Не случайно на всех ступенях учебы она была отличницей: школу-семилетку закончила с похвальной грамотой, Можгинское педучилище (1953–1957 гг.), затем историко-филологический факультет Удмуртского государственного педагогического института (ныне университет) (1958–1963 гг.) – диплом с отличием. В вузе была комсоргом группы, активным членом научного студенческого общества, выступала с докладами на студенческих научных конференциях. По сей день она с теплотой вспоминает насыщенные студенческие годы, с особой признательностью отзывается о замечательных преподавателях: Н. С. Качалиной, И. В. Тараканове, А. А. Бабинцевой, А. А. Александрове, В. И. Петровском, Ю. А. Пиявском, декане А. Д. Игнатьевой и др.

После окончания института Христолюбову оставили на кафедре философии и научного коммунизма, где в должности ассистента четыре года она вела семинарские занятия по философии. Однако вскоре поняла, что философия – не ее стезя. И сферой своих будущих исследований выбрала этнографию. Это отнюдь не случайно. По признанию самой Людмилы Степановны, на этот выбор большое влияние оказали советы проф. И. В. Тараканова (тогда доцента), который убеждал студентку – четверокурсницу готовиться в аспирантуру по этнографии, так как в Удмуртии не было таких специалистов, а поле для научных исследований – непочатый край. Пришлось самостоятельно изучать соответствующую литературу (на факультете этнографию не преподавали). Написала письмо в Институт этнографии АН СССР (с 1991 г. – Ин-т этнологии и антропологии) с просьбой прислать программу для подготовки к вступительному экзамену в аспирантуру. Познакомившись заочно с известными учеными этого института В. Н. Белицер и В. В. Пименовым, определилась с темой реферата, который получил высокую оценку. Так Л. С. Христолюбова прошла аспирантскую подготовку под научным руководством доктора исторических наук В. В. Пименова, выполнила кандидатскую диссертацию по теме «Семейные обряды удмуртов: опыт количественной характеристики», которую успешно защитила в 1971 г. С тех пор вот уже более 40 лет она работает в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН (до 1988 г. – УдНИИ при Совете министров УАССР) в должности старшего научного сотрудника; в 1978–1989 гг. заведовала отделом.

Л. С. Христолюбова – автор более 200 опубликованных научных работ, в том числе 5 книг и монографий. В сфере ее научных интересов, прежде всего, проблемы семьи и семейного быта удмуртов, традиционные и современные обряды (удмуртская свадьба, обряды, связанные с рождением ребенка, с воинской службой, «корка пырон» – новоселье, погребальный ритуал и др.); современные этнокультурные и этноязыковые процессы в Удмуртии; а также вопросы методики этносоциологических исследований (См. кн.: Семейные обряды удмуртов: Традиции и процессы обновления. Ижевск, 1984).

Ее первые публикации выполнены по результатам широких этносоциологических обследований сельского и городского населения Удмуртии, проведенных в 1968 и 1978–80 гг. Институтом этнографии АН СССР и УдНИИ под руководством В. В. Пименова. В брошюрах «Удмурты: этносоциологические очерки»

(Ижевск, 1976), «Этнокультурные процессы удмуртов в 1970-е годы: Статистико-этнографические исследования в Удмуртии» (Устинов, 1985) раскрываются степень сохранения национальных форм быта и культуры у разных социальных групп удмуртов, степень устойчивости отдельных компонентов этноса; выявлены факторы, воздействующие на этнокультурные процессы, общие тенденции развития удмуртского этноса.

Результатом многолетнего плодотворного сотрудничества с крупным ученым-этнографом В. Е. Владыкиным явилось создание первых в Удмуртии учебных пособий по этнографии удмуртов: «История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией» (Ижевск, 1984); «Этнография удмуртов» (Ижевск, 1991). В книге «Этнография удмуртов» в научно-популярной форме впервые целю раскрыты основные историко-этнографические характеристики удмуртского народа: его происхождение и этническая история; природная сфера обитания; хозяйство и материальная культура; общественная и семейная жизнь; народная культура и профессиональное искусство. Авторы выявляют проблемы современного этнокультурного развития удмуртов, остро ставят нерешенные вопросы. Они утверждают, что особую остроту и актуальность приобрела проблема передачи этнической информации от одного поколения к другому; формулируют рекомендации по разработке стратегии и тактики национального развития, которая «включала бы как конкретные дела, так и широкомасштабные программы-акции». Другим ценным учебным изданием является книга Л. С. Христолюбовой на удмуртском языке «Калык сямьёсты чакласа» («Удмуртские народные обычаи»). (Ижевск, 1995), адресованная учащимся и учителям в помощь при изучении краеведения.

Л. С. Христолюбову отличают необычайная работоспособность, целеустремленность и настойчивость, поиск новых возможностей в научной работе. С годами существенно расширяется проблематика исследований, она с энтузиазмом берется и разрабатывает новые темы. Так, в 1990 – начале 2000 гг. работает над составлением биографических справочников об ученых-удмуртах и удмуртских женщинах. Справочник «Ученые удмурты. Биобиблиографический справочник» (Ижевск, 1997) содержит краткие биографические сведения о более чем 400 удмуртских ученых по всем отраслям наук: общественно-гуманитарным, естественным, техническим, сельскохозяйственным и медицинским. В биографическом справочнике «Удмуртские женщины. XX век» (Ижевск, 2002) представлены сведения о 385 удмуртских женщинах, занятых в сфере умственного и физического труда: актрисах, поэтессах и журналистках, учителях и врачах, научных работниках и преподавателях вузов, управленцах и спортсменках, Героях Социалистического Труда и депутатах Верховного Совета СССР.

Тема места и роли женщины в удмуртском обществе и семье – одна из малоисследованных и занимает особое место в историко-этнологических исследованиях Л. С. Христолюбовой. Именно ей принадлежит глубокая по содержанию монография «Женщина в удмуртском обществе. XVIII – нач. XXI в.» (Ижевск, 2006). В книге на обширном и богатом фактическом материале раскрывается положение женщины-удмуртки в традиционном обществе, анализируются изменения ее социального, психологического и этнокультурного облика на протяжении XX столетия.

В ней содержатся краткие жизнеописания конкретных женщин, трудившихся в разных сферах в советский и постсоветский период, что придает изданию дополнительную ценность и вызывает неподдельный интерес. Творческий поиск продолжается: на выходе новая книга – «Трактористки Удмуртии военных лет».

Л. С. Христолюбова написала десятки словарных статей в энциклопедию «Удмуртская республика» (Ижевск, 2000), статью «Удмурты» в историко-этнографический справочник «Народы мира» (М.: Сов. энц., 1988). Она в числе составителей и авторов многотомного академического издания «Феномен Удмуртии».

Активно участвует в работе научных конференций, симпозиумов и конгрессов, проводимых в России и за рубежом. В разные годы читала спецкурсы по этнографии народов Поволжья и культуре удмуртского народа на филологическом факультете УдГУ.

Плодотворную научную деятельность она умело сочетает с общественной работой: активно участвует в удмуртском национальном движении, в течение ряда лет возглавляла общественную организацию «Удмурт нылкышно», руководила комиссией ассоциации «Удмурт кенеш» по присуждению национальных премий им. К. Герда и Ашальчи Оки. Много времени и сил отдает пропаганде этнографических знаний через СМИ, лекции и семинары, в том числе для молодежи и учащихся.

Л. С. Христолюбова – лауреат Национальной премии им. Ашальчи Оки (1997), ее многолетний труд отмечен Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УАССР (1981), медалью «Ветеран труда».

Раздумья о своем народе, его месте и роли среди других народов, о его предназначении, духовной и материальной культуре, сопровождавшие Людмилу Степановну еще с юности, воплотились в богатом научном творчестве. Своими трудами она достойно и убедительно отвечает на вечные вопросы: «Кто мы, откуда мы, куда мы идем, удмурты, с чем мы пришли в этот мир, что он нам дал, чем мы интересны себе и человечеству».

В эти юбилейные дни пожелаем Людмиле Степановне крепкого здоровья, долголетия, счастья и любви, успешной реализации новых творческих задумок.

Поступила в редакцию 21.05.2014

Никонова Евгения Петровна,
кандидат исторических наук
E-mail: rvkir@mail.ru

Nikonova Eugenia Petrovna,
Candidate of Sciences (History)
E-mail: rvkir@mail.ru

Когда верстался этот номер, Людмила Степановна Христолюбова была жива. К великому сожалению, 28 октября мы получили печальную весть о том, что ее не стало. Выражаем наши глубокие соболезнования родным и близким. Скорбим.

Коллеги

ДИСКУССИИ

УДК 398(=511.1)

А. А. Сурво, В. Э. Шарапов

«ЗАБЫТЫЕ» ТЕКСТЫ, ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ И ФИННО-УГОРСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ*

При обсуждении проблематики полевых этнических исследований внимание, как правило, акцентируется на предполагаемой достоверности и объективности архивных отчётов, терминологических дискуссиях и теоретизировании по поводу корректности взаимоотношений «исследователя» и «информанта». В то же время широкий спектр контекстуальных и внеконтекстуальных взаимосвязей исследований (собственно научные тексты и их научно-популярные вариации), основанных на том или ином полевом материале, не говоря уже о текстах, представляющих собой новые уровни семиотизации и строящихся, преимущественно, на отсылках к другим научным работам, представлен в совершенно разнородных и, особенно, «забытых» текстах.

Ключевые слова: тексты, традиционная культура, семиотика, этнография, финно-угорские народы.

Понятие «забытого» текста отсылает нас к работам Ю. М. Лотмана, посвященным рассмотрению структуры семиотического пространства [5, 8]. Человек той или иной культуры реализует поведение, предписываемое определенными нормами, ибо отклонение от нормы не имеет значения, оно нерелевантно, оно просто *не существует*, хотя практически имеет место. Созданная таким образом картина мира будет восприниматься как реальность современниками и последующими поколениями, формирующими свои представления о прошлом на основе подобных текстов [7]. Когда целые пласты маргинальных, с точки зрения данной метаструктуры, явлений культуры никак не соотносятся с ее идеализованным образом, они объявляются «несуществующими». Если исследователь пытается разобраться в прошлом, не принимая на веру сложившиеся стереотипы, то он сталкивается с «забытыми» текстами. Поэтому, начиная с работ культурно-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573. «Поля несуществующего» неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

исторической школы, любимым жанром многих ученых являются статьи под заглавиями «Неизвестный поэт XII века» или «Об еще одном забытом авторе эпохи Просвещения». Иначе говоря, на метауровне культуры происходит семиотическая унификация, а на уровне описываемой семиотической «реальности» кипит разнообразие тенденций*.

Наименее известные, ранее не востребованные тексты (прежде всего, опубликованные и неопубликованные записи) имеют особую онтологическую ценность в понимании характера взаимосвязей между «субъектами» и «объектами» полевых изысканий. Применительно к рассматриваемой теме представляется плодотворным анализ «забытых» текстов как области пересечения языковых пространств [5. С. 7, 14] и как одновременно «примарных» и «секундарных» речевых жанров, если следовать классификации М. М. Бахтина [2]. Полевые записи относятся к «секундарным» речевым жанрам, будучи вторичными по отношению к языковой реальности «поля». Но они же первичны по отношению к более структурированным научным текстам, для которых становятся базовой реальностью.

Периферия «забытых» текстов служит адаптивной средой, способствующей взаимному пересечению плана выражения и плана содержания (в том числе) культурологических текстов, что условно можно определить как «чисто теоретический» и «чисто описательный» («мир знаков» и «мир фактов») [8. С. 401]. Аналогичные дефиниции присутствуют в работах других исследователей, обращающих внимание на взаимодействие «фактической» действительности с «символической»: противопоставление «символа» и «знака» в тексте Э. Лича [4], соотношение «ритуала» и «события» у А. К. Байбурина**, «мышления» и «понимания» у А. Ф. Лосева***,

* Процесс «забывания» иллюстрируется судьбой собственно семиотических текстов: «Больше нечего добавлять, можно только повторять и множить. [...] семиотика представленной программы несет печать явной усталости – в данном случае – усталости от содержания произведений М. М. Это содержание становится несущественным, повторяющим узор одного и того же приема. Очевидно, усталость наступает от ощущения исчерпанности внутренней формы произведения, ощущения, что все-уже-сказано и сказано слишком хорошо, чтобы нам тут что-либо оставалось делать. Остается посмотреть извне на «технологии ума», на то, как «может быть сделана и функционирует этико-рациональная позиция мышления». Это поиск того же самого всюду, – даже не поиск, а полагание и усмотрение. То же самое – это инсценировка одной и той же пьесы, и остается увидеть расстановку персонажей». Цит. по: *Калиниченко В.* Уставшая семиотика или Позиция Чужого к текстам Мамардашвили (реплика на статью Сергея Агафонова «Позиция Чужого в текстах М. Мамардашвили») // *Логос.* 1999. № 4. <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_06/1999_6_15.htm>.

** Работа озаглавлена как «Ритуал: между биологическим и социальным» (в Сб. статей «Фольклор и этнографическая действительность». СПб.: Наука, 1992); если использовать определение Э. Лича: «между биологическим и выражающим/выражаемым».

*** «Мышление и понимание – принципиально различные сферы сознания: Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекраивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было. Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный,

классификация форм критики на «университетскую» и «интерпретативную» у Р. Барта [1], выделение практического и символического значений религиозных обрядов в книге Э. Б. Тайлора «Миф и обряд в первобытной культуре» [12], понимание «истории» как «*res gestae*» и «*historia rerum gestarum*» Б. А. Успенским* и т. п.

Осмысление причин фиксирования именно тех или иных фрагментов «поля» в письменном виде и иконических образах дает возможность понимания внутренней логики научной мифологии, способствующей формированию научной идентичности авторов и обретению ими связи с историей той или иной дисциплины. В этом контексте тема «поля» имеет доминантную и константную значимость, усиливающуюся в маргинальных ситуациях (дез)актуализации теоретической базы изучения так называемой народной культуры, что может сопровождаться и по-своему провоцироваться, например, сменой исследовательских генераций: уходящее поколение представляет собой тех, кто «был в поле», а возможности новичков вкусить прелести полевого путешествия не очевидны – с разными вариациями, когда «поле» замещается «архивом», «школой» и т. п.

В «Китайской энциклопедии» Х. Л. Борхеса перечисленные явления «размещены» в настолько различных смысловых плоскостях, что, как отмечает М. Фуко, невозможно найти «общее место», область пересечения [15. С. 29]. Областью пересечения между формой классификации и ее содержанием, намекающей на смысл абсурдного соседства неисчислимых животных; животных, нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; животных, только что разбивших кувшин, и т.д., является сама «энциклопедия». Борхесовская классификация – аллюзия структурообразующих «цивилизованных» текстов. «Общее место», «операционный стол», изъятие которого искусно замаскировано стремлением к упорядочиванию фактов, в стремлении к объединению в некую целостность, в единую систему совершенно разнородных явлений в виде энциклопедий, классификаций, типологических рядов, научных серий, сетевых ресурсов и пр. «энциклопедий». Для того чтобы увидеть название книги, надо ее закрыть.

Для пишущей культуры «энциклопедические» тексты – самооценność (по крайней мере, на протяжении некоторого периода, до смены научной парадигмы), с чем связано отсутствие внутрикультурной рефлексии по поводу их амбивалентной центральности/периферийности и включенности во взаимоотношения между магическим и цивилизирующим восприятиями действительности**.

каковым, несомненно, является мышление». Цит. по: Лосев А. Ф. Структура и хаос. М.: Мысль, 1997. С. 48.

* Б. А. Успенский отмечает, что термин «история» имеет, как минимум, два значения. Этим понятием может определяться и совокупность событий (*res gestae*), и своего рода нарративный текст, повествование о происшедшем (*historia rerum gestarum*). См.: Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 10, 45, 46.

** А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко рассматривают магию и цивилизацию в качестве альтернативных стратегий человеческого бытия, причем ни та, ни другая не проявляются в чистом виде. Магия манифестирует синкретичность культуры и стремление человека минимизировать количество знаковых форм. Цивилизирующее влияние, напротив, ра-

В рутинизированной магии наиболее высоких симуляционных уровней [16. Р. 10–17], представленных базовыми текстами пищи культуры, – попытки преодоления дискретного описания и восприятия действительности («абстрактные экзерсисы энциклопедистов»*), копирующие магический холизм. Природа этих текстов неоднозначна, наряду с рациональным, они также имеют религиозно-магический характер**. Появление энциклопедий и других «обзорных трудов» свидетельствует о двойственном процессе экспансии магии в цивилизацию и упорядочивания этой экспансии, подавления ее новым витком цивилизирующего строительства***.

Ю. М. Лотман пишет: «Исследователь культуры XX в. с любопытством наблюдает, как в эпоху, когда географический резерв земных территорий был

ционализирует действительность дискретным образом, и непосредственное, магическое, восприятие мира сменяется преобладанием цивилизующих форм, рутинизированной магией (религия, искусство, наука, философия и т.п.). Таким образом, магия оказывается отторгнутой на периферию культуры, но кризис цивилизации освобождает место для экспансии магии. См.: *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 267–271.

* «Следы упорного труда, особенно в ночные часы, заметно отпечатались на их лицах. Необычайное расширение мирового пространства увеличивало поле их деятельности, требовавшее научной организации и обозримости. Справиться со всем этим было бы невозможно, если бы не удалось упростить гениальнейшим образом методику и практику использования достигнутых научных результатов. Энциклопедическая классификация стала всеобъемлющей и охватывала даже мелочи. Новое мышление, наметившееся уже к началу двадцатого века, характеризовалось практической взаимосвязью рационального с абстрактным. К этому добавлялось то, что регистрация и статистика данных обеспечивались в высшей степени думающими машинами. В подземных библиотеках и архивах, где хранились картотеки, осуществлялся кропотливейший титанический труд. Однако существовали довольно темные инстанции, вроде Координатного ведомства, определявшего в системе координат местонахождение любой точки, любого предмета на земном шаре. [...] В ведомство непрерывно поступали отовсюду разные сведения и, логически препарированные, оседали в его картотеках. С ростом архива росла и власть. План зиждился, как и все прикидки мавретанцев, на совершенно примитивной идее, рассчитанной на то, что они лучше других знают правила игры. В принципе это был триумф аналитической геометрии. Они знали, чем определяется власть в пространстве, лишенном качественной характеристики и поддающемся учету в системе координат. Они знали, что индексирование черепов таит в себе опасность, и держали эти данные про запас.

У них было оружие против любой теории, и они знали, что там, где все дозволено, можно все и доказать. Но право выбора действия они оставляли за собой. У себя в ведомстве они протезировали подобно гелотов – бессловесным рабам, любившим порываться в пыльных папки, поощряли и женские кадры, не проявлявшие особой инициативы, зато обладавшие большой интуицией». Цит. по: *Юнгер Э.* Гелиополь. Ретроспектива города. СПб.: Амфора. С. 44–45.

** М. Фуко делает (не)двусмысленную оговорку насчет борхесовской «энциклопедии»: «перечисление <...> обладает магической силой». См.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 28.

*** На научном жаргоне массивные «эпохальные» труды по-русски называются «кирпичами».

исчерпан, внекультурное пространство было сконструировано в подсознании индивида, что представляло собой часть общего поиска хаоса внутри культуры. Одновременно от марсиан Герберта Уэллса до современных «космических одиссей» протягивается возобновленный цикл – враждебный античеловеческий мир переносится в космос по всем законам мифологических представлений» [6. С. 10]. С открытием всех возможных новых территорий осталась привычка выдумывания «полей», на которых можно ставить постмодернистские опыты или просто продолжать применять лекала модерна, делая вид, что действительность, в которой пребывают сами субъекты изучения, можно оставить вне экспедиции или за порогом архива*. Конечно же, есть еще множество «неизвестных» текстов, которые будут найдены, записаны и выложены в сети, однако дело по большому счету в инерционном использовании теорий и методов, утративших актуальность и применяющихся в безопасных для интерпретаторов зонах отсутствия обратной связи с объектами изучения – такими же безответными, безликими, не имеющими коллективной «самости» (или не способными о ней заявить, кроме как через исследователя), не имеющими возможности и потребности в критике текстов о себе, как некогда «носители фольклора», напротив, сегодня обретшие и востребовавшие эту возможность**.

* Каждому исследователю-полевiku знакома ситуация, когда в его неторопливую беседу с информантом «о старинной жизни» неожиданно вторгается жизнь настоящая, заставляя информанта включаться в нее и безнадежно отрывая его от беседы. Сам исследователь обладает гораздо меньшей способностью (да и желанием) «включиться» в происходящее событие, разве что увидит в нем какие-либо элементы ритуального или игрового поведения (а это часто зависит не столько от события, сколько от искушенности исследователя). Чем более «бытовым», повседневным покажется событие исследователю, тем меньше шансов, что оно вызовет его интерес. См.: Христофорова О. Интерпретация социального дискурса: от «социальной механики» к «культурной семантике» // Исследования по народной религиозности: современное состояние и перспективы развития. <<http://www.eu.spb.ru/ethno/science/conf2002.htm>>.

** «До наших исследований к теме верований народа манси обращались неоднократно, однако это были представители некоренных народов, а люди иной, отдаленной культуры. Им не удалось глубоко проникнуть в стройную систему верований народов манси и ханты. Они наших духов-предков в своих работах просто-напросто называют «идолами» или, усиливая краски, – «бездушными болванами». Весьма вероятно, они не разобрались в существе нашей веры и отнеслись непочтительно к ней. Они не усвоили того, что мы поклоняемся нашим выдающимся предкам, которые заслужили низкий поклон за выдающиеся дела при жизни. За что и были одухотворены своими потомками после смерти». Цит. по: Ромбандеева Е. И. Душа и звезды. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. С. 9.

«...в XIX в. [финляндские] этнографы говорили о карелах как о «детях», детях природы, менее цивилизованных, чем финны, сентиментальных и неспособных к логическому мышлению. Почти то же говорили о карелах и русские. [...] Местные музеи с точки зрения проблематики «своего» и «чужого» являются более интересными, чем государственные этнографические музеи, в которых всегда представлено официальное понимание истории. В таких местных музеях наглядно отражается напряжение между «своим» и «чужим». Вне зависимости от эпохи некоторые черты приобретают отпечаток

Определение этничности, религиозности, инаковости и иных нематериальных «объектов» изучения происходит сегодня нередко за пределами собственно научного сообщества, в более модных дискурсах. Научный дискурс уже/еще не всегда имеет привычные идеологические установки, ранее позволявшие авторам текстов подтверждать мифологемы и идеологемы своих языковых пространств или же ставить их под сомнение, чем оправдывается (вос)производство текстов так называемой пишущей культуры*. Познавательная ценность научно-популярных сентенций не в фактическом материале, но в его интерпретационном, знаковом аспекте, когда пробел, возникающий между фактологическим минимумом, которым владеют интерпретаторы, и предлагаемыми ими обобщениями заполняется фольклорно-этнографической экзотикой. В метаязыковом смысле речь идет о базовых аспектах взаимоотношений «центров» и «периферий», рефлексия чего усложняется уже тем, что на роль семиотических «центров» в финно-угорском пространстве, наряду с Финляндией, сегодня претендуют Эстония и Венгрия.

«своего», их принимают частично как свое прошлое, частично как свою этнически-национальную (или государственную) общую картину. Другие черты обходят молчанием, и они предаются забвению, что также являлось одним из средств упрочения власти.

Работа любителей-этнографов крайне важна. Я также убедилась в том, что этнография как наука может приносить пользу их работе, ибо благодаря ей достигается многоголосие, многомерность понимания этнической идентичности. Нужно пересмотреть принципиальные установки этнографической теории и методологии, гарантируя право заниматься собирательской и исследовательской деятельностью не только академическим ученым, но и любителям, как «своим», так и «чужим». Цит. по: *Хейккинен К.* Как этнографическая активность творит «своих» и «чужих» // «Свое» и «чужое» в культуре: Сб. научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. Вып. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 200. С. 122–128.

«Приступая к анализу приведенных понятий, отметим, что адекватное отражение сущности терминов, связанных с жизненными силами человека (так называемыми душами), через посредство иного метаязыка – чрезвычайно сложная задача. Видимо, поэтому давно дискутируется, но все еще остается открытым вопрос о количестве и функциях «душ» у обских угров, а также о понятии «душа». Цит. по: *Молданова Т. А.* Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. С. 19–20.

«Представители коренных групп могут требовать себе право сами написать описания и составить анализ своей культуры, опровергая инокультурных ученых и отталкивая их на познавательном уровне на второй план. Но и ученые сами стали осознать неприлегированность чистых научных знаний в отношении подхода коренных жителей к культуре. На этнографическую науку не смотрят как форум эпистемологической правды, которая возвысится над жизнью, а как на дискурс». Цит. по: *Леетэ А.* Об источниках традиционных знаний // Семиозис и культура. Сб. статей. Сыктывкар, 2005. С. 204.

* Ж. Бодрийяр, говоря об иллюзии производства, особо оговаривает роль гуманитарных наук в воспроизводстве симулякров современной культуры: «Первой ударной волной этого перехода от производства к чистому воспроизводству оказался май 1968 года. Первым оказался затронут университет, и прежде всего гуманитарные факультеты, потому что там стало особенно очевидно (даже и без ясного «политического» сознания), что там ничего больше не производят, а только лишь воспроизводят (преподавателей, знания и культуру, каковые сами становятся факторами воспроизводства системы в целом)». См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 86.

Переиздание научных трудов, давно ставших классикой и потому уже редко востребованных; рукописей, не принявших участия в формировании этой классики, и ранее «несуществовавших» архивных материалов не столько диахронная «точка зрения» на прошлое, сколько пребывание «во/вне» – в области пересечения модерна и премодерна [3]. Само обращение к «забытым» текстам можно рассматривать и как средство оправдания модерна, и как попытку преодоления линейности модерна цикличностью научной риторики*. «Новые» авторы «забытых» текстов (их переиздатели, интерпретаторы), «идя по нитке событий с конца к началу»**, возвращаются в «начало» модерна. С виртуализацией «полей» деление на цивилизованный и дикарский миры происходит в текстовом и сетевом пространствах, и соответственным образом расставляются точки над «i», когда интерпретаторы определяют конструируемые ими объекты изучения как «наивных читателей», «наивное письмо», «наивный текст», полемизируют с объектами изучения, даже претендуют на роль проповедников и интерпретаторов религиозных текстов, которые «наивные читатели», естественно, понимают неправильно: тексты, согласно прежней парадигме считавшиеся «научными», теперь объявляются «произведениями» и т.п. [10, 11, 16]. *Native* заменяется на *naïve*, что если не основной, то, по крайней мере, один из наиболее существенных признаков возврата к «началу» модерна (к премодерну?). Процесс настолько многогранен, что замена *native* на *naïve* может иметь и нерелексированный, и нарочитый, и амбивалентный характер***.

* «Единственное средство искупить грех письма – уничтожить написанное. Но сделать это может только автор; хотя разрушение оставляет нетронутым самое главное, я могу так плотно связать отрицание с утверждением, что перо мое будет стирать по мере своего продвижения вперед. В этом случае оно будет действовать, одним словом, так же, как обычно действует «время», которое от своих умножающихся построек оставляет лишь следы смерти. Я полагаю, в этом и заключается тайна литературы, и книга может быть прекрасна, только если ее искусно украшает безразличие руин. В противном случае пришлось бы возопить до того громко, что никто не вообразит себе, чтобы мог выжить столь наивно надрывающий горло». Цит. по: *Бамай Ж.* Ненависть к поэзии: Романы и повести. М.: Ладомир, 1999. С. 388–389.

** «Идя по нитке событий с конца к началу, наконец, удалось добраться до того истока, от которого пошли все события». Цит. по: Булгаков М. Мастер и Маргарита. <<http://lib.ru/BULGAKOW/master.txt>>.

*** Самоописательность «наивизирующего» дискурса прекрасно иллюстрируется тем, что конструирование «наивных дикарей» имеет место и внутри собственно научной среды. Клише «в такой-то стране нет науки», звучащее крайне некорректно, в публикуемых научных текстах обставляется оговорками, скрывающими смысл утверждения, но оно звучит, подчас буквально, в кулуарных беседах (в качестве и субъекта, и объекта описания в зависимости от наблюдавшихся ситуаций могли быть, например, и российская, и финляндская, и эстонская стороны). Нередки и случаи «автонаивизации», служащей средством культурно-идеологической экспансии. Из анонса передачи русской службы Radio Finland, посвященной Карельскому перешейку: «Сегодня мы поговорим о Карельском перешейке, который финны считают по праву принадлежащим финно-уграм, но у российской стороны другое мнение» (21.01.2006). Если называть вещи своими именами, то речь идет, по-русски говоря, о «развесистой клюкве». В самом обсужде-

Смысл воспроизводства научных текстов в их внеконтекстуальных взаимосвязях; в том, какой метаязыковой смысл им придается составителями сборников, инициаторами сетевых ресурсов, собирателями «фактов-статей», читателями*. Интерпретация как «живая вода» сказок дает смысл набору фактов, скрепленных «мертвой водой» коллекционирования. Деление печатных и, что особенно актуально, сетевых ресурсов, представляющих собой современную «китайскую энциклопедию», на «живые» и «мертвые» все же условно и, по сути, было бы крайне поверхностным. Согласно теории «семиотических шумов» [9], как раз отсутствующее, неявное в тексте представляет наибольший интерес, чрезвычайно информативно для интерпретатора, провоцируя его на поиск скрытых смыслов. Маргинальные тексты, будучи исключенными из официальных дискурсов и уже/еще не обусловленные «цивилизующими» симуляциями, обладают особым интерпретационным потенциалом. Тексты формально выстраиваются в диахроническую иерархию, но в содержательном плане синхронно сопresentствуют в смысловых пространствах, подтверждая обоснованность общепринятых объяснительных моделей, частично противореча им или манифестируя альтернативные, отторгнутые, потенциальные интерпретации.

В индоевропейских языках глагол «*znati*» указывает на некую трансцендентальную истинность, а «*vedati*» на знание очевидца [13. С. 308]. «Произведения» манифестируют амбивалентность, (псевдо)фиктивность «несуществующего». Даже этимологически «произведение» (от *vedati*) соответствует периферийному значению «несуществующих» текстов в качестве источников фактов и свидетельств очевидцев, которые становятся объектами изучения для носителей «научного знания», претендующих на обладание истиной, правда, лишенной трансцендентного. Однако ситуация не столь однозначна. Экспансия магии присутствует и здесь, подчас более чем явным образом, сближая «произведения»

нии «несуществующей» проблемы территорий нет ничего нового, но маркировка этой проблемы в качестве «финно-угорской» является откровенным новшеством, как и то, что о покинувшем перешеек местном населении говорилось как об отдельных финно-угорских племенах («финны и карелы»). Казалось бы, к чему такие натяжки и явно надуманные интерпретации? Дело в том, что на следующий день передача транслировалась на Сибирь. На фоне подобных текстов, периферийных для официального и научного дискурса, становятся понятными и подспудные причины тенденциозности финляндских СМИ в интерпретации событий в России, и то, что имеет место попытка конструирования в финно-угорском информационном пространстве определенной аудитории. Семиотический «резерв неправильностей» (См.: Лотман Ю. М. «Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 450) также оттенялся уровнем владения русским языком ведущей радиопередачи. Обычно на радио и телевидении дикторами иноязычных новостей и передач работают *nativ*, но Россия явно необычный случай, и в пропагандистском спектакле *native* вряд ли можно доверить роль *naiv*.

* Сборники научных статей нередко имеют произвольное содержание. С не меньшим успехом их можно приурочивать к любой тематике, к любой юбилейной дате, лишь изменяя название на обложке, «секундарный речевой жанр».

с «научными трудами»*. «Произведения» становятся «культурными диалектами», средствами самоописания научного дискурса.

В русскоязычном резюме сборника научных статей «Карелия. История, народ, культура», изданном в 1998 г., стилистических, смысловых и грамматических ошибок не намного меньше, чем слов. Резюме начинается: «В начале произведения (т.е. “сборник научных статей открывает текст”)...». Издание (и серия, которой оно принадлежит) имеет метаязыковое значение. Цель его в том, чтобы обобщить и структурировать для финляндской аудитории, а через резюме донести до зарубежных читателей весь комплекс финляндских представлений об «истории, народе и культуре (все в ед. ч.) Карелии» и, особенно, проблему территорий, утраченных в результате Великой Отечественной войны. И вдруг такая оплошность. В переводческих курьезах проговорен смысл научного труда. Ошибки – живой язык, «резерв неправильностей», так же как и настоящее «начало произведения»**. Лаконичное вступление редакторов, на которое большинство читателей вряд ли обращает внимание, начинается словами: «В 1991 г. вышел в свет труд “Ингрия. История, народ, культура”, изданный Обществом Финской Литературы. Затем с тем же подзаголовком был издан сборник статей, посвященный Эстонии. Теперь предлагаемая читателям книга дополняет своеобразную племенную трилогию» [17. С. 9]. Из дискретности, внешней симметрии научного дискурса прорывается асимметрия «произведения», в подтексте – «племенная трилогия». Очередная (пост)модернистская симуляция или что-то иное? Вопрос открытый, проблема интерпретации.

* Научные интерпретации, связанные с проблематикой народной религиозности, сегодня нередко ангажированы религиозной и магической риторикой, что говорит о неопределенности различий между субъектами и объектами исследований. Подчеркнуто знаковый характер имеет, например, мода на использование ключевых религиозных понятий и, в том числе, написание их с заглавной буквы (так же как и «прописное» бытование этих же понятий в предшествующие десятилетия), намеки авторов на их близость к ритуальной сфере, дифференциация знахарей и шаманов на «настоящих» и «шарлатанов», когда критериями истинности, видимо, обладают сами исследователи, и т.п.

** В начале про-из-ведения: «префикс про- «задает» идею движения вперед, сквозь-через». См.: *Топоров В. Н.* О понятии места, его внутренних взаимосвязях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Язык и культура: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)* / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 88.

Ср. с названием этнографических заметок С. Паулахарью. Это научно-популярное «произведение» является одним из прообразов современной «племенной трилогии», очередного про-движения: «Картинка оттуда, другая отсюда. Через (всю) Великую Финляндию». См.: *Paulaharju S.* Kuva tuolta, toinen täältä. Kautta Suur-Suomen. Helsinki: Kirja, 1919. Положение Финляндии и других претендентов на «центры» финно-угорского мира – патовое: географическая и, во многом, идеологическая расположенность на «западе», но корни – на «востоке».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барт Р. Две критики // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Загребин А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 3–8.
4. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 144 с.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
6. Лотман Ю. М. Вместо предисловия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 246 с.
7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 246 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. 768 с.
9. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. С. 557–568.
10. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
11. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50. Wien, 2001. S. 115–144.
12. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
13. Трубачёв О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X международный съезд славистов. М., 1988.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.
15. Baudrillard J. Simulacres et simulations. P.: Éditions Galilée, 1981.
16. Haffner P. Should We Cut Off the Hands of Thieves? // George Weber's Lonely Islands: The Andamanese <<http://www.andaman.orgbookreprints/haffnerrep-haffner.htm>>
17. Nevalainen P., Sihvo H. Teoksen saatteeksi // Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Toim. P. Nevalainen, H. Sihvo. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 705. Helsinki: SKS, 1998.

Поступила в редакцию 2.10.2014

A. A. Survo, V. E. Sharapov

“Neglected” Texts and Field Practice of the Finno-Ugric Ethnography

When discussing the issues of the field of ethnic studies, attention usually focuses on the perceived credibility and objectivity of archival reports, terminology discussions and theorizing about the correctness of relations between the researcher and the informant. At the same time, a wide range of contextual and uncontextualised relationships research (the scientific texts and their scientific and popular variations) based on a particular field, not to mention the texts that represent new levels of semiotization and built mainly on references to other scientific works presented in a completely heterogeneous and, especially, of neglected texts.

Keywords: texts, traditional culture, semiotic, ethnography, Finno-Ugric peoples.

Сурво Арнольд Абрамович,

доктор философских наук, доцент,
Хельсинкский университет
FIN-00014, Хельсинки
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Шарапов Валерий Энгельсович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com

Survo Arno,

PhD, Docent,
University of Helsinki
FIN-00014, Helsinki
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

Sharapov Valerij Engelsovich,

Candidate of Science (History), Leading Research Associate,
The Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre
of Ural Branch of the Russian Academy of Science
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: sharapov.valerij@gmail.com

О Т З Ы В Ы

УДК 821.511.132

В. М. Ванюшев

О ДИССЕРТАЦИИ А. В. МАЛЕВОЙ «ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ СОВРЕМЕННОЙ КОМИ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ПОЭТИКИ ОБРАЗА»

Данное исследование имеет целью осмысление значимого художественного явления – коми женской поэзии, зарождение которой приходится на конец 1960-х гг. и которая находит особенно активное выражение на рубеже XX–XXI вв. Аргументированы выводы автора рецензируемой работы о том, что, несмотря на весомый вклад в изучение коми женской поэзии А. Е. Ваневым, В. И. Мартыновым, В. Н. Деминым, В. А. Латышевой, а также Т. Л. Кузнецовой, Е. В. Ельцовой и др. исследователями, в отечественном литературоведении нет работы, воссоздающей максимально целостную картину развития коми женской лирики, анализ которой был представлен, как правило, либо в рассмотрении отдельных аспектов творчества авторов-женщин, либо в контексте развития коми литературы в целом: жанрового своеобразия, идейно-тематических, композиционных, ритмико-интонационных и других особенностей. Вполне справедливо особое место в изучении коми женской лирики А. В. Малева отводит работам В. А. Латышевой, в частности статье «Женская лирика коми» (2005), которая становится первой попыткой представить лирику коми авторов-женщин как уникальный, наполненный особым содержанием феномен.

Избранная автором диссертации методология изучения данного феномена позволяет не только осмыслить и обобщить, но и значительно расширить и углубить исследования в области коми женской поэзии как введением новейшего, не анализируемого ранее поэтического материала, так и обращением к новому концептуальному подходу, который базируется не только на гендерной концепции анализа художественного произведения, но и на особом понимании лирики и лирического героя. Опираясь на существующие работы в данной области исследования, диссертант делает акцент на осмыслении лирики как «материализованного воплощения отношений человека с миром» (с. 11), а лирического героя – как интегративного явления, представляющего «сложное структурно-семантическое образование, реализуемое на уровне целостной структуры поэтического текста» (с. 14), чем и обусловлен основной концептуальный подход к анализу

коми женской поэзии: рассмотрение образа лирической героини в единстве его семантики и поэтики.

Рецензируемая работа А. В. Малевой «Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа» предлагает исследование особенностей женского миропереживания, воплощающего духовное состояние современника, путем рассмотрения образа лирической героини как семантико-структурного единства лирических произведений автора, интегрирующего их формальные уровни с определенными ценностными установками. Актуальность данного подхода к анализу лирических произведений авторов-женщин, прежде всего, – в его теоретической значимости: он не только позволяет сформировать представление о способах создания характера в поэтическом произведении, но и выявить многообразие художественных форм авторского осмысления действительности, полисемантичность поэтических средств создания мироблаза.

Цель исследования А. В. Малевой предполагает выявление не только авторской индивидуальности, но и типологически значимых моментов: впервые лирика коми поэтесс исследуется в сопоставительном и системно-типологическом аспектах, позволяющих углубить понимание самобытности их творческого облика и проследить эволюцию их миропонимания и форм его художественного воплощения, обусловленную изменяющейся действительностью.

Теоретической и методологической основой рецензируемой диссертационной работы послужили труды отечественных литературоведов в области лирики и лирического героя, работы по семантической поэтике, а также исследования в области гендерной поэтики.

Диссертант проводит обзор исследовательских работ, обращенных к рассмотрению творчества коми поэтесс. Основываясь на теории семантической поэтики, автор достигает свежести взгляда на национальную женскую поэзию по сравнению со своими предшественниками. А. В. Малева смело и уверенно оперирует такими понятиями, как «лирическая фабула стиха», «семантико-структурный стержень лирики», ускользавшими ранее от внимания авторов работ о коми поэзии. Обращенность к семантико-структурному стержню лирических сочинений помогает ей выявить не только глубину творчества отдельных поэтесс, но и общее и особенное в их образотворении. Рассмотрение образа лирической героини как субъекта мироотношения в единстве его семантических и структурных составляющих позволило диссертанту по-новому взглянуть на значение литературного творчества в дискурсе всей гуманитарной составляющей в жизнедеятельности общества. Думается, это значительный шаг вперед в определении значения коми национальной поэзии (не только женской, но и всей) как тонкого, но весьма ценного инструмента для описания богатой полифонии литературной рефлексии к вечно изменяющемуся миру.

Диссертация А. В. Малевой состоит из Введения (с. 4–24), где излагаются теоретические основы проблемы, аргументируются актуальность и научная новизна исследования, определяются цели и задачи работы, ее теоретическая и практическая значимость; указываются материал, объект и предмет исследования, обозначена теоретико-методологическая основа, формулируются выносимые на защиту основные положения двух глав, посвященных исследованию

поэтического материала (с. 25–160), Заключение (с. 261–174). Библиография включает 299 наименований (с. 175–206), список источников – 34 наименования (с. 206–208).

В первой главе «Ценностные аспекты лирики коми поэтесс и специфика их воплощения в поэтическом тексте: особенности художественного осмысления мира», состоящей из 5 разделов (с. 25–118), предлагается осмысление самобытного авторского «художественного почерка» известных коми поэтесс в сопоставительном аспекте ценностных устремлений каждой лирической героини и форм их реализации в поэтических текстах. Скрупулезный анализ произведений современных авторов позволил А. В. Малевой выявить такие формы художественного осмысления и воссоздания мира, как импрессионистичность, интеллектуальность, антитетичность, интровертированность, мифопоэтичность, с оригинальностью их воплощения в лирике разных поэтесс. Аналитичность мышления, позволяющая сделать философские выводы, характеризует и анализ диссертантом форм осмысления жизни и повседневности в творчестве поэтесс разных поколений (А. Мишариной, Г. Бутыревой, Л. Втюриной), что дает возможность проследить эволюцию авторского миропонимания, тесно взаимосвязанную, как верно отмечает А. В. Малева, и с индивидуальными психологическими особенностями мировосприятия личности, и с общественными установками эпохи.

Содержание второй главы «Семантические и структурные составляющие образа лирической героини коми поэзии» (с. 119–160) представлено в двух обусловленных логикой названия частях, состоящих – соответственно – из трех (с. 119–142) и из двух (с. 142–160) разделов. В первой части главы «Смысловые доминанты образа лирической героини» автор диссертационной работы аргументированно выделяет и рассматривает такие доминирующие формы миропереживания в коми женской лирике, как одиночество и расщепленное пространство (мир малой родины и мир города; мир, физически ощущаемый, материальный и мир ирреальный). Выявляется специфика воплощения данных феноменов в лирике разных поэтесс (А. Мишариной, Л. Втюриной, А. Елфимовой, Н. Обрезковой, Н. Павловой), творческая активность которых выявилась в разные периоды времени. Вторая часть главы посвящена собственно текстовым способам создания образа лирической героини, в частности поэтического воплощения ее «Я»-сознания. Наряду со способами прямооценочного осмысления мира героиней коми лирики, особую значимость А. В. Малева придает таким сложным формам создания образа героини, как лирические проекции и метафорическое миромоделирование, убедительно отмечая их органичность.

В Заключении (с. 261–174) обобщены результаты исследования двух глав, сформулированы основные выводы.

Согласно поставленной цели и задачам автор рецензируемой работы успешно воссоздает максимально целостную картину развития коми женской поэзии:

- осмыслены мировоззренческая основа ценностных устремлений известных коми поэтесс и специфика их воплощения в поэтическом тексте, обуславливающая многообразие форм лирического познания и конструирования действительности;
- выявлены доминирующие формы миропереживания, характеризующие духовное состояние современника;

– рассмотрены некоторые формы собственно текстового воссоздания характера в лирическом произведении;

– определены гендерные доминанты внутреннего мира лирической героини, прослежена трансформация миропонимания, мироощущения и мировоссоздания в лирике авторов-женщин.

Обоснованность и достоверность научных положений и выводов, представленных в диссертационной работе, обеспечивается применением как традиционных методов в литературоведении (проблемно-тематического, системно-типологического), так и современных подходов к изучению литературы (структурно-семантического, гендерного), а также четкостью теоретико-методологических позиций соискателя.

Рецензируемая диссертационная работа А. В. Малевой представляет собой самостоятельное новаторское научное исследование, основанное на систематизации и осмыслении большого поэтического материала.

Отмечая достоинства диссертационной работы, следует высказать и некоторые вопросы, возникающие при ее чтении.

В работе верно отмечается стремление автора определить типологию разнохарактерного восприятия мира лирическими героинями разных коми поэтесс, однако этот принцип исследования почему-то ограничивается рамками лишь одной национальной литературы, тогда как даже беглый взгляд на состояние положения дел в женской поэзии хотя бы в рамках устойчиво сложившейся межлитературной общности Урало-Поволжья мог бы расширить горизонты исследовательского поля. В диссертации названы некоторые авторы работ о женской поэзии в удмуртской, мордовской, марийской, коми-пермяцкой литературах, однако без уточнения того, какие особенности мировидения и стилевых потоков выявлены в других словесных культурах межлитературной общности.

Самоограничение диссертанта наблюдается и в рамках коми национальной лирической поэзии. При чтении представленной работы невольно возникает вопрос: в чем отличие ее от мужской поэзии в Республике Коми? Хотя он не входит в область собственных исследований диссертанта, однако, думается, можно было сопоставить свои наблюдения с анализом и выводами других исследователей коми поэзии.

Порою автора работы подводит недостаточное внимание к «мелочам»: ошибочное написание фамилий известных теоретиков литературы Михаила Юрьевича Лотмана и Бориса Осиповича Кормана в родительном падеже (как «М. Ю. Лотман», «Б. О. Корман») на стр. 21 диссертации.

Однако в целом диссертационная работа А. В. Малевой представляет собой глубокое, целостное исследование, которое не только выявляет основные тенденции развития современной коми женской поэзии, освещая тем самым своеобразие национальной культуры и вносят вклад в развитие гендерной концепции, но и формирует новые подходы к интерпретации лирических произведений (концепция семантики и поэтики), позволяющие углубить осмысление поэтического текста. Выводы и положения рецензируемой работы представляют интерес для современного отечественного литературоведения и будут способствовать дальнейшим исследованиям в данной области.

Содержание работы отражено в 16 публикациях, 6 из которых – в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ; результаты исследований апробированы в выступлениях на Международных, Всероссийских и межрегиональных конференциях, а также при чтении лекций в лицее при Коми государственном педагогическом институте, что также подтверждает объективность и актуальность результатов исследований.

Автореферат, состоящий из 22 страниц, полностью отражает содержание всех глав рецензируемой работы.

Диссертация Малевой Анастасии Валерьевны «Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа» полностью соответствует требованиям Высшей Аттестационной комиссии (п. 9 «Постановления о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24 сентября 2013 г.), предъявляемым к работам, представленным на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Автор диссертационного исследования Малева Анастасия Валерьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (финно-угорская).

Отзыв составлен В. М. Ванюшевым, доктором филологических наук, главным научным сотрудником отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.

Протокол № 5 от 12 мая 2014 г.

И. о. заведующей отделом,
кандидат филологических наук

А. В. Камитова

Поступила в редакцию 19.09.2014

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvanushev@mail.ru

Vanyushev Vasilij Mihajlovich,

Doctor of Sciences (Philology), Chief Research Associate
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vvanushev@mail.ru

М. Г. Суслов

**О ДИССЕРТАЦИИ Н. С. КОПИНОВОЙ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ УДМУРТИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»**

Избранная Н. С. Копиновой тема представляет несомненный научный интерес. Общественные организации регионов долгое время не привлекали особого внимания исследователей и оставались вне поля научного анализа, в то время как они всегда были неотъемлемой частью общественно-политической жизни городского и сельского социума. Без изучения общественных организаций не может быть полной и достоверной картины происходивших в России процессов. Актуальность темы заметно возрастает в связи со сменой общественно-политической системы и необходимостью строительства гражданского общества в России. Изучение истории общественных организаций имеет не только научное, но и практическое значение. Как органы государственной власти, так и многочисленные современные общественные организации могут извлечь немало полезного из опыта прошлого. Отмеченные обстоятельства позволяют согласиться с мнением автора об актуальности и практической значимости избранной темы.

Исследованию предпослан историографический раздел Введения, где диссертант выявляет и анализирует отечественные и зарубежные работы, в которых на региональном или общероссийском материале затрагиваются те или иные аспекты истории создания и деятельности общественных организаций в России и исследуемом регионе. Приведены научные исторические источники, касающиеся не только Удмуртии или изданные здесь, но и работы исследователей разных крупных регионов, а также страны в целом. Оценивая историографическую часть работы, можно отметить, что она выполнена предметно, обстоятельно, профессионально и корректно.

После обзора и анализа имеющейся по теме литературы автор определяет объект и предмет исследования, формулирует цель и задачи своей диссертационной работы, которыми продиктованы необходимость привлечения самых разнообразных исторических источников. Автор использует большое количество опубликованных и неопубликованных документов и материалов, в том числе из архивных фондов, причем многие из них впервые вводятся в научный оборот. Автором выявлены и проанализированы 72 печатных устава общественных

организаций, находившихся на территории современной Удмуртии, что так же представляет ценность и для исследователей, и для современных организаций.

Использование широкого круга исторических источников позволило автору представить к защите интересное содержательное исследование. К несомненным достоинствам диссертации Н. С. Копиновой мы отнесем ее обстоятельность и комплексный характер исследования. Автор рассматривает историю большого круга организаций, а также проблем, которые они решали. В работе хорошо показаны предпосылки и условия образования неополитических обществ; осмыслено множество причин, влиявших на создание, численность и типологию общественных организаций региона. При рассмотрении процесса формирования и внутреннего устройства общественных организаций выявлены политические, социально-экономические и социокультурные факторы, имевшие место в государстве и влиявшие как на развитие, так и сдерживание общественной самодеятельности и общественной самоорганизации в регионе. Убедителен верный вывод автора о том, что процессы, имевшие место на территории Удмуртии, соответствовали общероссийским, но происходили в более замедленном темпе и с некоторым отставанием по времени в сравнении с центральными регионами. Отмечены также видовая ограниченность добровольных объединений и малочисленность членского состава общественных организаций.

Активность и продуктивность деятельности общественных организаций, принципы реализации их целей автор правомерно связывает с их финансовыми и материальными возможностями. В работе представлены источники поступления финансовых средств от членских взносов и публичных мероприятий (спектакли, концерты, лекции, народные гуляния), от заведений существующих обществ (чайные, столовые), от государства (попечительства о народной трезвости), а также от органов городского и земского самоуправления (пожарные и сельскохозяйственные общества). Существенной помощью были пожертвования частных лиц. Основным источником средств автор называет членские взносы, размер которых зависел от сферы деятельности ассоциаций и материального положения основной массы участников. В связи с этим уделяется внимание социальному и профессиональному составу общественных организаций.

Весьма обстоятельно рассмотрено функционирование общественных организаций, занимавшихся улучшением социально-бытовых условий жизни людей. По мнению автора, основанному на подсчетах разного типа организаций, самыми распространенными были сельскохозяйственные объединения, созданные при содействии земских органов, использовавших их как канал связи с населением для внедрения новаций в земледельческую культуру. На территории Удмуртии автором выявлено 53 общества, которые знакомили население с прогрессивными методами ведения хозяйства и тем влияли на улучшение экономического климата в регионе.

В диссертации отразилась деятельность общественных объединений, выполнявших функции государственных органов социального обеспечения (в до-революционной России таких не было). Это – общества взаимопомощи. Автор выявил и на конкретном материале показал их численность, социальный и профессиональный состав, функционирование и результативность их деятельности. Поскольку участниками таких объединений, как замечает автор, становились представители средних и низших слоев населения, недостаточно обеспеченных

в материальном плане, то и существование объединений было непродолжительным, а эффективность их в решении социальных вопросов – низкой.

С той же тщательностью в работе исследованы факты общественной инициативы в организации пожарной безопасности, что отражалось в создании и деятельности противопожарных обществ. Отдельная глава диссертации посвящена роли общественных организаций в формировании социокультурной среды провинции. На конкретном материале автор рассматривает создание и развитие обществ трезвости, которых в крае было 25, борьбу с алкоголизацией населения, пропаганду здорового образа жизни, организацию досуга малоимущих слоев населения при участии крестьянских обществ и духовенства.

Много внимания уделено творческим объединениям и их влиянию на развитие культуры региона. Появление творческих и досуговых организаций автор связывает с потребностями местных сообществ в получении культурных знаний и в рациональной организации свободного времени. Публичные мероприятия образовательного и просветительского характера восполняли недостаток культурных развлечений, недоступность их малообеспеченному населению; формировали эстетические вкусы и потребности. В постановках спектаклей и знакомстве обывателей с классической музыкой и литературой, через концерты с привлечением молодых дарований местная интеллигенция реализовывала свои запросы на общение и меняла культурно-просветительский и образовательный ландшафт (во многом этому способствовали и клубные организации). Выявление и изучение 14 подобных объединений позволили автору подметить различия и особенности провинциальных клубов. Некоторые клубы, демократически настроенные, становились доступными для разных социальных групп. Их активными посетителями были представители местной интеллигенции, купечества, чиновничества. Но большинство других организаций не стремилось к преодолению сословных различий. Члены таких собраний нередко создавали закрытые организации для избранного круга лиц. Автор исследует и такие клубные сообщества, которые формировались на основе профессиональных интересов или сословной принадлежности участников. Выявленные различия позволяют автору верно понять смысл и цели создаваемых организаций. Добровольные ассоциации объединяли инициативных и предприимчивых людей и не только позволяли раскрывать потенциал отдельных личностей, но и способствовали положительным изменениям в разных областях общественной жизни.

Сквозная проблема диссертации – проблема взаимоотношений общественных организаций с властью. Автор справедливо отмечает неспособность государства своевременно удовлетворять необходимые потребности населения, что пробуждает рост частной инициативы и образование многочисленных общественных организаций. Государственная власть не могла игнорировать потребность граждан в общественных организациях и разрешала их, и неполитические объединения, избегая открытой конфронтации с правительственной властью, выгодно использовали права, которые были им дарованы. В то же время консолидированные усилия граждан, стремившихся самостоятельно удовлетворить собственные запросы, вызывали опасения правительственной власти, которая препятствовала развитию частной инициативы.

Такое двойственное отношение власти к общественным организациям и двоякость положения самодеятельных организаций наложили отпечаток на

историю общественных организаций. Необходимость содействия общественности в ослаблении социальной напряженности заставляла государство мириться с существованием самоуправляемых объединений, расширять их права и оказывать поддержку наиболее востребованным населением организациям. Но, как верно пишет автор, общественные объединения, избирая определенную сферу деятельности, не ограничивались ее узкой направленностью, сочетая уставные цели и задачи с благотворительностью, повышая культурный и образовательный уровень граждан. Добровольные организации, самостоятельно возникавшие на местном уровне, внушали уверенность в способности населения принимать деятельное участие в общественной жизни страны и заложили предпосылки для формирования гражданского общества.

Обзор содержания диссертации Н. С. Копиновой показывает обилие фактических данных, безупречную логику изложения материала, понимание причинно-следственных связей в происходивших процессах, место и роль общественных организаций в социально-экономическом и культурном развитии края. Диссертация насыщена информацией о людях, конкретных деятелях, вносивших свой вклад в создание и деятельность общественных организаций. Автору удалось показать социальный, возрастной и половой состав не только многих организаций, но и спонсирующих и поддерживающих их социальных сил.

Диссертационная работа Н. С. Копиновой в достаточной мере аналитична. Не ограничиваясь описанием фактической стороны, автор выявляет особенности, присущие общественным организациям в городе и селе, в центре и на местах, сопоставляя различные типы и виды организаций на территории Удмуртии и в других регионах, характеризуя динамику и тенденции в их развитии на разных этапах российской истории. Удалось в работе показать и результативность деятельности многих организаций в экономической и социальной жизни, а также и в культурно-досуговой сфере.

Положительно оценивая работу Н. С. Копиновой, вместе с тем отметим и некоторые недостатки, проявившиеся в недосказанности по ряду вопросов.

1. Автор назвал свою работу: «Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв.: формирование и деятельность». Может быть, корректнее было бы обозначить – «на территории современной Удмуртии», поскольку в дореволюционной России территориально современная Удмуртия относилась к разным губерниям.

2. Полагаем, что следовало больше внимания уделить влиянию на создание и деятельность общественных организаций революционного движения, поскольку одни общественные организации возникали под определенным влиянием классовой борьбы, а другие – в противовес и для противодействия революционным организациям и политическим партиям.

3. В начале XX в. во многих регионах России весьма заметным было влияние зубатовских рабочих организаций, «Обществ вспомоществования рабочим механического производства», касс взаимопомощи, заводских библиотек, горнозаводских товариществ и т.п. На Уральских заводах такие организации тоже создавались. Из работы не видно, было ли прямое влияние этих организаций на создание общественных организаций на территории Удмуртии и на какую часть ее это влияние распространялось?

Высказанные замечания нельзя отнести к числу принципиальных или снижающих уровень оценки данной диссертационной работы. В целом диссертант справился с теми задачами, которые были определены во введении, и достиг поставленной цели.

Проведенное Н. С. Копиновой исследование несет не только научную, но и практическую значимость, имеет в возможности широкую область применения. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории России и Удмуртии, в лекционных курсах и спецкурсах для студентов вузов и учащихся школ. Представленный в работе материал может быть полезен политическим партиям, общественно-политическим организациям и историческим музеям в деле формирования гражданского общества и патриотического воспитания молодежи.

Основные положения диссертации адекватно отражены в автореферате и в 11 научных публикациях, включая три статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки России. Язык и стиль подачи материала научный. Логика и ясность изложения, формулировка выводов и положений замечаний не вызывают.

Диссертация Н. С. Копиновой представляет собой научно-квалификационную работу, которая содержит в себе все структурные элементы диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Автор проявил себя как зрелый научный работник, хороший исследователь, а это позволяет заключить, что диссертация Н. С. Копиновой представляет собой самостоятельное, законченное научное исследование, по своему содержанию, технологии исполнения и результатам вполне соответствующее критериям, установленным п. 7 Положения о порядке присуждения ученых степеней и утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 475), а Наталья Сергеевна Копинова заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором кафедры общей отечественной истории М. Г. Сусловым, рассмотрен и принят на заседании кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национального исследовательского университета 25 ноября 2013 г., протокол № 3.

Поступила в редакцию 10.09.2014

Суслов Михаил Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: rvkir@mail.ru

Suslov Mihail Grigorjevich,

Doctor of Sciences (History), Professor,

The Perm State National Research University

614990, Russia, Perm, Bukireva St., 15

E-mail: rvkir@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 008+7(470.51)(049.32)

Ю. В. Семёнов

ОБ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА: КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

Региональные энциклопедии занимают сегодня все более значимое место в краеведении и историко-культурном регионоведении. В последние годы опубликовано несколько десятков энциклопедий этого рода, не говоря уже о литературе и справочниках, посвященных ряду больших и малых городов России. Интерес к изданиям такого рода вполне объясним, но далеко не всегда он удовлетворяется высоким научным уровнем публикаций. Одной из форм ликвидации информационных лакун и повышения научного уровня энциклопедических изданий становятся региональные отраслевые энциклопедии. В рамках разработанной республиканской серии таких энциклопедий сотрудники Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН с привлечением широкого круга специалистов стремятся создать корпус современных изданий, которые помогут понять основные тенденции развития Удмуртии в основных сферах ее жизни, познакомят с людьми, творящими ее историю, внесут свой вклад в изучение нашей республики как части России и мира.

Начало данному проекту положила вышедшая в 2011 г. электронная версия энциклопедии «Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль»*.

В результате многолетней работы исследователей в свет вышла первая в истории Удмуртии отраслевая энциклопедия «Удмуртская Республика: Культура и искусство = Удмурт Элькун: Лулчеберет но устолык»** (далее по тексту –

* Удмуртская Республика: Просвещение, образование и педагогическая мысль [Электронный ресурс]: Энциклопедия / УИИЯЛ УрО РАН; гл. ред. А. Е. Загребин; сост. С. Д. Смирнова. Ижевск, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (Удмуртская Республика).

** Удмуртская Республика: Культура и искусство = Удмурт Элькун: Лулчеберет но устолык: энциклопедия / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН; Министерство культуры, печати и информации УР; Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел УР; гл. ред. А. Е. Загребин; сост. Е. П. Никонova, А. П. Сидорова. Ижевск, 2012. 540 с.

Энциклопедия). Авторский коллектив в составе более 300 специалистов позиционирует издание как первый опыт научно-справочного издания, содержащего комплексную информацию о процессе становления и развития народной и профессиональной культуры в Удмуртии.

В подготовке издания участвовали ведущие специалисты в сфере истории культуры и искусства удмуртов и Удмуртии, руководители республиканских и муниципальных органов власти и управления, творческих союзов, национально-культурных объединений (НКО).

Статьи раскрывают историческое развитие и современное состояние системы управления культурными процессами и основных элементов культурного пространства: театрального искусства, музыки, архитектуры, изобразительного, монументального и декоративно-прикладного искусства, библиотек, литературы, печати, народной культуры. Даны сведения о значительных событиях и фактах культурной жизни республики, о культурно-образовательных, культурно-воспитательных, культурно-развлекательных учреждениях, памятниках истории и культуры края, об архивной службе и средствах массовой информации. В целом в издании представлено свыше 2,5 тыс. теоретических и персональных статей, более 1 тыс. фотоснимков и иллюстраций.

Хронологическое поле Энциклопедии охватывает длительный период развития культуры Удмуртии – с XVIII в. до наших дней. В ходе работы над изданием широко использовались материалы государственных и муниципальных архивов, музеев, библиотек, текущего делопроизводства администраций городов и районов Удмуртии, личные архивы, а также сведения, предоставленные учреждениями культуры и организациями Удмуртии – от отраслевого министерства до сельского клуба. Процесс подготовки материалов позволил выявить и ввести в научный оборот малоизвестные или забытые фамилии, события из прошлого национальной культуры Удмуртии.

Как и в любой Энциклопедии, в книге представлены многочисленные биографические справки о деятелях искусства, культуры, организаторах культурной работы, удостоенных государственных наград и почетных званий СССР, РСФСР, УАССР, Удмуртской Республики. Отличительной же чертой издания стали публикации о людях, чья многолетняя работа прошла на периферийном уровне сельских клубов и Домов культуры, библиотек, районных школ искусств. И в этих случаях важнейшим критерием при отборе материалов служили не только и не столько почетные звания и награды, сколько личный вклад каждого в развитие культуры в своем селе, поселке, районе. Это вызывает некоторый информационный и хронологический дисбаланс «в пользу» XX в., несколько нарушая строгие энциклопедические каноны равномерности, но одновременно вводит в информационный круг значительный массив персоналий, ранее им не охваченный.

Существенно обогащают энциклопедию словарные статьи о деятелях культуры и искусства, сыгравших важную роль в формировании историко-культурного пространства Удмуртии в прошлом и настоящем, о мастерах искусства России, ближнего и дальнего зарубежья, внесших значительный вклад в развитие культуры и искусства Удмуртии: актрисы О. Л. Книппер-Чеховой,

писателя В. Г. Короленко, издателя и публициста Ф. Ф. Павленкова, композитора П. И. Чайковского и др.

В 2014 г. в свет вышел энциклопедический справочник «Многонациональная сценическая культура Удмуртии», подготовленный коллективом энциклопедического сектора отдела исторических исследований УИИЯЛ УрО РАН, где впервые представлена систематизированная информация по истории и сегодняшнему дню профессиональных и любительских театров Удмуртии, театрального дела республики в целом. Справочник существенно дополнил материалы Энциклопедии.

Сотрудниками энциклопедического сектора УИИЯЛ УрО РАН был сделан ряд докладов о работе института над созданием отраслевых региональных энциклопедий на международных, всероссийских, межрегиональных конференциях, вызвавших большой интерес.

В целом с научной и информационной точек зрения, издание энциклопедии было оценено специалистами не только Удмуртии, но и России как весомый вклад в формирование корпуса региональных отраслевых энциклопедий Российской Федерации. Можно сделать вывод, что Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН накоплен значительный организационный опыт в подготовке подобного рода изданий, который, вне сомнения, может быть полезным научному сообществу.

Поступила в редакцию 11.09.2014

Семёнов Юрий Валерианович,
кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: yursem@yandex.ru

Semyonov Yuri Valerianovich,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: yursem@yandex.ru

УДК 7.036(470+571)

В. Г. Кудрявцев

**Рец. на книгу: СОЙНИ Е. Г. ФИНЛЯНДИЯ
В РУССКОМ ИСКУССТВЕ. 1890–2010.
ПЕТРОЗАВОДСК: КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РАН, 2013. 170 с.**

В отечественном искусствознании не так много исследований посвящено изучению российско-финляндских художественных отношений. Среди авторитетных отечественных искусствоведов широко известны публикации М. Безрукова, Д. Сарабьянова, Л. Суворова и др. Заметный вклад в эту научную проблему внесли крупные финские историки искусства: О. Окконен, А. Рейтала, С. Синисало, М. Валконен.

Книга д. филол. н., ведущего научного сотрудника Елены Григорьевны Сойни «Финляндия в русском искусстве. 1890–2010» посвящена финляндской проблематике в русском искусстве кон. XIX – нач. XXI вв.

Автор многопланово рассматривает образ Финляндии в живописи, графике, художественной критике, в мемуарах и эпистолярном наследии русских художников. В качестве примеров приведены произведения мастеров, демонстрирующие творческие поиски в различных стилевых направлениях, подчеркиваются самобытность художников, бережное отношение к этнической идентичности, интерес к своеобразию культуры Финляндии.

В научный оборот широко введены факты художественных и культурных взаимосвязей, почерпнутые из писем В. Кандинского, П. Филонова и Н. Рериха; из воспоминаний И. Репина и М. Цыбасова. На большом архивном материале изучены финские эпизоды в биографиях многих художников; исследуется роль финской природы и культуры в творческой деятельности И. Левитана, А. Бенуа, И. Репина, Н. Рериха, Р. Фалька и других отечественных мастеров. По мысли Е. Г. Сойни, финских и петербургских художников сближали общие творческие устремления и любовь к северу: к его простому, сдержанному пейзажу и своеобразной красоте. Справедливо отмечено, что финны высоко ценили петербургскую академическую школу: многие из них в XIX в. обучались в Петербурге, в Императорской Академии художеств, в частности Ю. Риссанен, Э. Ярнефельт, Х. Шерфбек, впоследствии принятые в действительные члены Российской Академии художеств, что было тогда не так просто.

В первой главе, посвященной образу Финляндии и финской культуре в русском искусстве кон. XIX – пер. трети XX в., прослеживается освоение финляндской темы русскими художниками-живописцами; проводится сравнение пейзажной живописи северного уголка, к примеру с итальянским ландшафтом, традиционно воспринятым русскими мастерами в их пенсионерских поездках за границу. Сер. XIX в. – время расцвета итальянского пейзажа: флорентийская академия художеств тогда отличалась высоким профессиональным уровнем; итальянская школа живописи была в моде, и учиться в Италии считалось нормой.

Автор отмечает: потребовалось почти столетие, чтобы русские художники, воспитанные на средиземноморских пейзажах, обратили свои взоры сначала на просторы центральной России, а затем «снизошли» до финской природы. Вт. пол. XIX в. связана с развитием финского реализма и национального романтизма, так называемого «карелианизма»: наблюдается интерес к древней народной поэзии и эпосу в творчестве живописцев: А. Эдельфельта, Э. Ярнефельта, А. Галлен-Каллела и П. Халлонен. Славу стране принесла архитектура в лице Э. Сааринена. Финская музыка подарила миру Я. Сибелиуса.

На фоне оживления художественной жизни в 1890-е гг. начался новый неожиданный поворот в освоении финляндской темы, что прежде всего связано с именем И. Левитана, почувствовавшим *эпичность* финского севера и создавшим свой образ Финляндии. Е. Г. Сойни замечает, что И. Левитан стал одним из открывателей финской темы в русском искусстве.

С поисков эпической древности и образов варяжской старины начали свое постижение Севера «мирискусники». Идеологу художественного объединения «Мир искусства» А. Н. Бенуа в книге отводится большая роль. Среди других художников, осваивающих в своем творчестве северную природу, названы И. Шишкин, В. Серов, А. Остроумова-Лебедева, Н. Рерих, М. Добужинский и мн. др.

С. П. Дягилев объединил художественные силы России и Финляндии; внимательно изучал и защищал он творчество талантливых финских мастеров и призывал русских художников использовать в своем творчестве богатые традиции культуры и быть верными своему национальному духу. Благодаря деятельности Дягилева многие отечественные мастера обратились к истокам родной истории и создали ошеломившие Европу шедевры в музыкальном, живописном и театральном искусстве.

Однако, заключает исследователь, «совместного шествия» ни на Запад, ни мимо Запада не получилось, так как финские художники сидели у себя дома, упиваясь молчаливой борьбой с царским самодержавием, не желая присылать картины на выставки «Мира искусства» исключительно по политическим (!) мотивам.

Представляя творчество И. Репина, принимающего финскую природу во всем ее разнообразии как источник его вдохновения за 30 лет жизни в Финляндии, автор книги подчеркивает, что в отличие от Левитана, Репин видел *гармонию* во взаимосвязи финнов с угрюмой природой: «Во всем этом бедном, заеденном коростой мха, незатейливом финском пейзаже приземистый, кое-как прикрытый от холода, неповторимый, необщительный, с неизменной холодностью в ледяных маленьких глазках, никогда не улыбающийся финн в полной гармонии». Живя

в Куоккале, Репин создает многочисленные полотна, посещает музей Атенеум, знакомится с архитектурой Гельсингфорса как «уголком Парижа», знакомится с финскими художниками: А. Эдельфельтом, Б. Линдхольм, Я. Мюнстерельм, А. Галлен-Каллела.

Восторженное отношение к Финляндии оставалось у И. Е. Репина до конца жизни, он был счастлив и не скрывал этого. Репинский образ Финляндии выразился в групповом портрете-картине «Финские знаменитости» (1920), посвященной вечернему собранию финской элиты в честь великого русского художника. Эту работу Репин завещал финскому правительству, и в настоящее время она находится в музее Атенеум. Имя Репина популярно в Финляндии не меньше, чем в России.

Вторая глава «Финляндия в искусстве русского авангарда» посвящена таким малоизвестным страницам, как финляндская тема в наследии русских художников и литераторов пер. трети XX в., эстетика которых формировалась непосредственно на берегах Финского залива: многие бывали здесь на этюдах, писали стихи, воспоминания. Е. Г. Сойни обоснованно не отделяет литературный авангард от авангарда в живописи, проникнутого идеологией новой эстетики, нового языка и новых форм, как воплощение идеи синтеза, возрождения форм народного сознания, как искусство улиц и площадей, а также искусство, обращенное к иконописи. Все это автор рассматривает как удачную попытку разрешить проблему художника и общества (противопоставления интеллигенции и народа в различных векторах развития), что вызвало симпатию у современников и признается нынешними историками культуры.

В лице одного из учредителей петербургского общества художников «Союз молодежи» (1910) П. Филонова автор книги анализирует эстетику и идеологию этого художественного объединения. В монографии рассказывается о приезде членов коллектива в Гельсингфорс для организации совместной выставки; описывается первый съезд русских футуристов в 1913 г. в Уусикирко, на Карельском перешейке. Стремление художников увлечь поэтов своей тягой к синтезу искусств проявилось в русском модерне и символизме, а также в финском неоромантизме. Е. Г. Сойни пишет, что у преемников философа Вл. Соловьева качество синтеза сказывалось в идеях сближения язычества и христианства, распространялось на рациональное и иррациональное, философию и мистику, искусство и религию, землю и небо, микрокосм и макрокосм, человека и бога, на жанры литературы. Концепция «всеединства» понималась как всеобъемлющий синтез идеального и материального.

Для изучения финляндской проблематики в творчестве русского авангарда особенно значима интерпретация памятников культуры и прежде всего эпической поэмы «Калевала», созданной художниками и литераторами пер. трети XX в. на основе эпических рун древних карелов и финнов. Третья глава книги посвящена интерпретации «Калевалы» в творчестве художников «школы аналитического искусства» П. Филонова. Особое внимание уделено иллюстрациям, в художественной трактовке которых автор замечает пристальный интерес к первообразам, к архаике, идущей с эпохи прибалтийско-финской общности народов. Обращение к образу Финляндии, финляндскому пейзажу, финской мифологии совпало

у русских художников с повышенным интересом к древней русской истории и народной культуре славян.

Проблеме взаимопроникновения и взаимосвязи русской и финской культур, актуальной и сегодня, посвящена небольшая по объему заключительная (четвертая) глава «Возвращение в Академию. XXI век», где освещаются новые страницы в российско-финляндских художественных отношениях. Взаимный интерес деятелей искусства продолжается, развиваясь в других формах: к совместным выставкам добавились международные пленэры; стало привычным приглашать художников-преподавателей и на мастер-классы и пленэры. Е. Г. Сойни особо подчеркивает интерес современных финских студентов к классической традиции русской академической живописи и к значению пейзажа Финляндии для отечественных художников (В. А. Ветрогонского, В. С. Песикова, В. А. Леднева, А. Д. Лукашенко).

Написанную живым и образным языком книгу Е. Г. Сойни могли бы дополнить и другие материалы. Например, разговор о состоявшейся в музее А. Галлен-Каллела в 2000 г. международной выставке современного искусства финно-угорских народов «Ugriculture», которая по-новому и широко раскрыла истоки финно-угорских культур и имела широкий общественный резонанс. Или – о деятельности Финно-Угорского общества с момента его основания в Гельсингфорсе, вовлекавшего в работу экспедиций, наряду с учеными, художников, которые также способствовали становлению финно-угроведения и укреплению российско-финляндских художественных связей.

Исследование Е. Г. Сойни адресовано не только специалистам в области российско-финляндских отношений и культурных связей, но и широкому кругу читателей.

Поступила в редакцию 18.09.2014

Кудрявцев Владимир Геннадьевич,

доктор искусствоведения, профессор,

Марийский государственный университет

424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. им. Ленина, 1

E-mail: vladku2004@mail.ru

Kudryavtcev Vladimir Gennadievich,

Doctor of Sciences (Art), Professor,

The Mari State University

424000, Russia, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 1

E-mail: vladku2004@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», будут включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещены в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru).

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.;

для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК)

(11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место и адрес работы. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербари УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034, Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ)

тел./факс: 8 (3412) 916-276

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 3

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 15.09.2014. Печать офсетная.
Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 11,86.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18.